

*Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тихоокеанский государственный университет»*

С. И. Якимова

Литература русского зарубежья Дальнего Востока

***Учебное пособие
для преподавателей, аспирантов и студентов***

Рекомендовано УМО МПГУ по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 032900 (050301) – русский язык и литература (ДПП.Р.ОО – национально-региональный (вузовский) компонент)

20 октября 2005 г.

(Протокол № 6 от 11 октября 2005 г.)

***Хабаровск
Издательство ТОГУ
2009***

УДК 882 (075.8)
ББК 83.3 (2 = Рус) я 73

Я453

Печатается по решению кафедры
русского языка как иностранного и
издательско-библиотечного совета
Тихоокеанского государственного
университета

Рецензенты:

Бузуев О. А., доктор филологических наук, заведующий кафедрой литературы Комсомольского-на-Амуре государственного социально-педагогического университета.

Бляхер Л. Е., доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета.

Якимова С. И.

Я453 Литература русского зарубежья Дальнего Востока: учеб. пособие / С. И. Якимова – 2-е изд., перераб. и доп. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009.- 111 с.

Представлена авторская программа нового раздела «Литература русского зарубежья Дальнего Востока» учебной дисциплины «Региональная литература Дальнего Востока России», входящей в блок общепрофессиональных дисциплин по выбору студента, устанавливаемых вузом (факультетом) по направлению 030600.62 «Журналистика». Рассматриваются концептуальные вопросы формирования и развития литературы русского зарубежья Дальнего Востока. В приложениях представлены тексты не публиковавшихся в России стихотворений поэтов русского зарубежья Дальнего Востока, приведены вопросы и задания для самоконтроля студентов. Издание может быть использовано в практике довузовского и вузовского преподавания региональной литературы, истории отечественной литературы XX века, русской истории XX века, культурологии, спецкурса для аспирантов-филологов, а также исследователями историко-культурного и историко-литературного феномена русской эмиграции в странах Северо-Восточной Азии.

УДК 882 (075.8)
ББК Ш 5 (2 = Р) 6

ISBN 978 – 5 – 7389 – 0744 - 9

©Тихоокеанский государственный
университет, 2009
© Якимова С. И., 2009

Оглавление

ЧАСТЬ I

Программа учебного раздела «Литература русского зарубежья Дальнего Востока».....	4
---	---

ЧАСТЬ II

Социокультурные предпосылки, духовно-нравственные истоки явления дальневосточной эмиграции.....	9
Традиции русской классики в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока	19
Вклад писателей дальневосточной эмиграции в процесс сближения культур и литератур Запада и Востока	34
Русские в Австралии: исход русской эмиграции на Дальнем Востоке.....	45

ЧАСТЬ III

Подвижник русской культуры: вехи жизни и творчества Вс. Н. Иванова.....	54
Философские и эстетические основы творчества Вс. Н. Иванова.....	81
Приложение 1.....	91
Приложение 2	99
Приложение 3.....	104
Приложение 4.....	107

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	112
---------------------------------------	------------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОГРАММА УЧЕБНОГО РАЗДЕЛА “ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА”

Пояснительная записка

Раздел “Литература русского зарубежья Дальнего Востока” учебной дисциплины «Региональная литература» рассчитан на 30 часов и адресован студентам 2 курса.

В настоящее время происходит интенсивный процесс воссоединения русской литературы XX века, литературы внутрироссийской и русской зарубежной литературы, в единый поток. Методологической основой воссоединения двух потоков русской литературы XX века являются гуманистические и художественные традиции русской классики. Современное изучение региональной литературы, в частности литературы Дальнего Востока, предполагает включение в нее пласта литературы изъятной, каковой и является литература русского зарубежья Дальнего Востока.

Литература западной ветви русской эмиграции изучалась и изучается более интенсивно. Восточная же ветвь, в частности литература русского зарубежья Дальнего Востока, изучена слабо. Новый раздел обращает студентов к малоизученным, часто вовсе не известным страницам этой части русского литературного наследия.

Изучение данного раздела предполагает решение комплекса задач:

- рассмотреть исторические, социокультурные предпосылки и условия формирования литературы русского зарубежья Дальнего Востока;
- определить наиболее значительные, специфические для Дальневосточного зарубежья явления и факты в области культурной и литературной жизни;
- выявить и проанализировать характерное для писателей Дальневосточной эмиграции преломление тем России, революции, гражданской войны, Востока, изгнанничества и других;
- развить умение производить филологический анализ наиболее значительных произведений прозы и поэзии писателей русского зарубежья Дальнего Востока;
- выделить особенности поэтики (мотивы странствования, изгнанничества), ее связи с японской и китайской поэтикой;
- выявить черты творческой индивидуальности у наиболее крупных писателей и поэтов, проследить их литературную судьбу;
- определить значение и роль литературы русского зарубежья Дальнего Востока в развитии межкультурных коммуникаций Запада и Востока;
- сформулировать выводы о феномене литературы русского зарубежья Дальнего Востока, его роли и месте в историко-литературном контексте XX и XXI вв.

Основное содержание раздела

Социально-исторические и культурные предпосылки возникновения явления Дальневосточной литературной эмиграции. Духовный раскол России (1917 – 1920 гг.). Культурно-патриотическая, духовная миссия эмиграции.

Омск (1918 – 1919 гг.) и Владивосток (до октября 1922 г.) как форпосты Дальневосточного зарубежья. Культурная и литературная жизнь. Периодика («Наша газета», «Вечерняя газета», «Русский край» и др.).

Харбин – центр русской эмиграции на Востоке. История Харбина. 1898 год – официальная дата основания Харбина. Строительство КВЖД. Июль 1903 года – открытие КВЖД. Декабрь 1917 года – передача генералом Хорватом китайской администрации охраны КВЖД. 1932 год – оккупация Северной Маньчжурии японскими войсками.

Культурная и литературная жизнь Харбина 1920–1930-х годов. Структура населения.

Религия, наука, образование, искусство, литература как основные сферы сосредоточения духовно-нравственных начал нации.

Литературная жизнь Харбина. Газетно-журнальная, издательская деятельность. Газеты, издававшиеся на русском языке («Заря», «Рупор», «Гун-Бао»). Идеологическая разнонаправленность издательской деятельности.

Творческие объединения литераторов. Кружок «Зеленая лампа» (основатель поэт А. Грызлов, выступавший под псевдонимом А. Ачаир), литературное объединение «Чураевка», студия искусств «Лотос» (с участием С. Алымова), кружки имени поэта К.Р., имени Н. С. Гумилева, Н. А. Байкова. Литературные сборники: «Китай», «Желтый лик», «Багульник», «Гумилевский сборник» и др.

Место и роль литературно-художественного журнала «Рубеж» (1927–1945 гг.) в жизни литературного Харбина и в современном историко-литературном процессе, «Дни русской культуры», приуроченные ко дню рождения А. С. Пушкина. Преемник харбинского «Рубежа» 1920–1940-х годов - владивостокский «Рубеж» рубежа XX и XXI веков.

Особенности взаимоотношений литературной эмиграции в странах Северо-Восточной Азии и Западной Европы. Объективные трудности их общения.

Харбин как центр сближения двух цивилизаций – западной и восточной.

Поэзия русского зарубежья Дальнего Востока

Особенности формирования поэтического наследия русского Харбина. Три этапа развития поэзии: доэмигрантский, творчество поэтов «старшего» поколения первой эмигрантской волны, поэзия «младшего» поколения первой волны.

Поэты «старшего» поколения: С. Алымов (сб. «Киоск нежности», 1920, «Оклик мира», 1921), А. Паркау, А. Несмелов, Л. Ещин, А. Ачаир (Грызлов), М. Колосова (Е. Инсарова), О. Скопиченко, М. Волкова, Вс. Н. Иванов и др.

А. Несмелов (1889–1945). Эволюция поэзии А. Несмелова с точки зрения формирования стиля. Поэтические книги А. Несмелова: “Стихи” (1921), “Тихвин” (1922), “Уступы” (1924), “Кровавый отблеск” (1928), “Без России” (1931), “Полустанок” (1938), “Белая флотилия” (1942).

Вс. Н. Иванов (1888–1971). История поэтического наследия Вс. Н. Иванова: “Беженская поэма”, сонеты Вс. Н. Иванова.

“Младшее” поколение поэтов Харбина: Ларисса Андерсен, Михаил Волин, Елизавета Рачинская, Наталья Резникова, Николай Светлов, Николай Щёголев, Нина Завадская, Виктория Янковская, Валерий Перелешин, Владимир Слободчиков, Лидия Хаиндрова и др.

Валерий Перелешин (1913–1992). Его харбинские сборники: “В пути” (1937), “Добрый улей” (1939). Центральная проблема: “Россия – Восток”, тема творчества.

Проза русского зарубежья Дальнего Востока.

Жанровое многообразие, богатство тематики

С. Гусев-Оренбургский, С. Скиталец (С. Г. Петров). Рассказы, пьеса “В красной Москве”, документальное произведение “Багровая книга” (1922) С. Гусева-Оренбургского, очерковая книга “Гибель Иокогамы: Впечатления очевидца” (1924).

Писатели-харбинцы, разрабатывавшие восточную, в том числе китайскую тему (история, культура, быт, природа): П. В. Шкуркин и Н. А. Байков.

“Китайские легенды” (1921), “Легенды в истории” (1922), сборники рассказов-былей “Хунхузы” (1924) и “Игроки” (1926) П. В. Шкуркина.

Н. А. Байков (1872–1958): “В дебрях Манчжурии”, “Тайга шумит”, “Сказочная быль”, повесть “Великий Ван” (1936).

Вс. Н. Иванов (1888–1971). Произведения Вс. Н. Иванова о революции и гражданской войне: “В гражданской войне: Записки омского журналиста” (1921), “Крах белого Приморья: Записки журналиста” (1927), “Огни в тумане: Думы о русском опыте” (1932, 1991).

Историко-философские и художественно-публицистические работы Вс. Н. Иванова: “Мы: Культурно-исторические основы русской государственности” (1926), “Философия Владимира Соловьева” (1931), “Дело человека: опыт философии культуры” (1933), “1905 год. Роман молодой души”, “Повесть об Антонии Римляnine” (1934), “Рерих – художник-мыслитель” (1937).

Жанрово-родовой (лирика, поэма, публицистика, мемуары, очерк, рассказ, повесть) и тематический диапазон (революция, гражданская война, проблемы эмиграции, исторические судьбы России, Китая и т. д.) творчества Вс. Н. Иванова как отражение основных тенденций развития литературы русского зарубежья и всей русской литературы XX века.

А. Хейдок (1892–1993). Жанр рассказа в творчестве А. Хейдока. Книга “Звезды Манчжурии” (1934).

Проза А. Несмелова. Её реалистичность и жесткость. “Рассказы о войне” (1936): автобиографическая основа. Тема эмиграции в рассказах А. Несмелова (“За рекой”, “По следам любви”, “Судьба”, “Портрет”, “Сторублевка” и др.).

Проза русского Харбина как правдивая художественная летопись жизни русских на чужбине, их дум и переживаний, освоения русскими эмигрантами неведомого ранее мира Востока, китайской природы и цивилизации, летопись верности России, родной русской культуре, её гуманистическим и патриотическим традициям.

Тематика лекций по разделу

1. Социально-исторические и культурные предпосылки возникновения явления Дальневосточной эмиграции. Омск и Владивосток как культурные предтечи русского зарубежья Дальнего Востока. Периодика. Публицистика. Поэтические жанры.

2. Харбин – центр Дальневосточной эмиграции. Культурная и литературная жизнь Харбина 1920–1930-х годов. Литературные объединения. Периодика.

3. Особенности формирования поэтического наследия русского Харбина. Поэты “старшего” и “младшего” поколений. Традиции и новаторство поэзии. Жанровое и тематическое многообразие поэзии.

4. Эволюция поэзии А. Несмелова с точки зрения формирования стиля. Главные поэтические книги А. Несмелова. Драматизм мироощущения лирического героя А. Несмелова.

5. Тема Востока в прозе и поэзии писателей русского зарубежья Дальнего Востока.

6. Универсализм творчества Вс. Н. Иванова периода эмиграции. Жанровое и тематическое многообразие прозы Вс. Н. Иванова. Поэтическое наследие Вс. Н. Иванова.

7. XX век и судьба русской эмиграции на Дальнем Востоке.

Тематика практических занятий по разделу

1. Концепция любви в рассказах А. Несмелова (“По следам любви” и др.). Метафоричность образов, художественное своеобразие раскрытия темы эмиграции.

2. “Беженская поэма” Вс. Н. Иванова как правдивая художественная летопись жизни и переживаний соотечественников, выброшенных на чужбину. Тема России.

3. Богатство жанров поэтического наследия Вс.Н. Иванова.

4. Своеобразие художественного воплощения темы России в поэзии М. Колосовой, А. Несмелова, А. Ачаира.

5. Мотив изгнанничества в поэзии Л. Ещина, Вс.Н. Иванова, А. Несмелова, А. Ачаира.

6. Тематика самостоятельных индивидуальных докладов студентов:

- Идеино-художественный анализ одного из очерков Вс. Н. Иванова (“Огни в тумане: Думы о русском опыте”).
- Художественное своеобразие сонетов Вс. Н. Иванова (анализ 2–3 сонетов на выбор).
- История России в произведениях писателей Дальневосточной эмиграции (Вс. Н. Иванов, А. И. Несмелов, А. Ачаир, М. Колосова – анализ произведений одного из авторов по выбору).
- Тема России в творчестве поэтов русского зарубежья Дальнего Востока (на примере анализа 2–3 произведений одного поэта или по одному стихотворению 2–3 поэтов по выбору).
- “Беженская поэма” Вс. Н. Иванова и традиции русской классики.
- “Поэма еды” Вс. Н. Иванова и смеховая традиция русской и мировой классики.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСТОКИ ЯВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

В последние годы заметно вырос интерес к Дальневосточному зарубежью, и литературному в частности, потому что именно литература через присущее ей многообразие жанров (журналистика, документальная и документально-художественная проза, поэзия рубежа 1920-х гг.) сумела сохранить и донести до нашего времени, начала XXI века, атмосферу внутренней, духовной жизни людей, почувствовавших чуждость человеческой природе надуманных и антигуманных идеалов большевизма и вставших к нему в оппозицию.

Известно, что возникновение русской эмиграции, в том числе и ее восточной ветви, явилось прямым следствием поражения белых армий в гражданской войне 1919–1922 гг. Но условия и обстоятельства формирования Дальневосточного зарубежья носили свой, особый характер, заметно отличаясь от Западного зарубежья. Дальневосточная эмиграция начала свою внутреннюю жизнь, по сути эмиграцию духовную, задолго до фактической и достаточно далеко от границ нашего государства, в Омске – «столице Сибири», в то время как форпостом Западного зарубежья была Одесса, тоже приграничный порт, но на другом конце страны.

В 1918–1919 гг. в Омске начали свое существование многочисленные антибольшевистские издания. Тогда же стали появляться первые документально-художественные и художественно-публицистические исследования происходившего в те годы трагического раскола нации на красных и белых, их непримиримого противостояния. Эти произведения, созданные в Сибири, а потом и на Дальнем Востоке литераторами, непосредственными свидетелями и участниками событий, создавали своеобразную почву, являясь осознанным выражением духовно-нравственных предпосылок последовавшего затем в отечественной культуре явления Дальневосточной эмиграции. Оттуда же, из Омска, осенью 1919 г. начался гигантский исход на восток всех, кому были чужды и непонятны идеалы большевиков: терпящей поражение белой армии; большей и лучшей части российской интеллигенции, духовно, нравственно и этически не принявшей большевистской иерархии ценностей человеческой жизни и культуры; а также многих тысяч простых людей, в основном крестьян, разоренных и пущенных по миру новой властью.

Чем жила эта часть России? Что давало ей силы и надежды? Как и в чем находили свое выражение представления о должном, нравственно-духовном уходе на восток большей части российской интеллигенции?

Долгий, сопряженный с невероятными трудностями путь на восток «обетованный» огромной беженской массы, остатков белой армии, а также

достаточно продолжительное «сидение» и «собрание сил» в Приморье, тогдашней Дальневосточной республике, мысли и чаяния этой части россиян остались запечатленными в не очень многочисленных, но до сих пор в большинстве своем еще не возвращенных отечественному читателю литературных произведениях, как прозаических, так и поэтических жанров.¹ Эти произведения являются неотъемлемыми страницами истории русской культуры и литературы, необходимым звеном в неразрывной цепи развития истории России. Настало время поразмышлять над ними.

Не претендуя на всеохватность этой поистине грандиозной темы, проследим в ключевых моментах реальный и творческий путь на Восток одной из заметных фигур в культурной жизни Сибири и Дальнего Востока периода белого движения. Именно с Омском и Владивостоком связаны начало и расцвет большой и активной журналистской, творческой и общественно-политической деятельности Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971), человека граждански смелого, обладавшего способностью быстро и точно ориентироваться в происходящем благодаря своему интеллекту и эрудиции, впоследствии более 20 лет находившегося в Дальневосточном Зарубежье, а затем ставшего известным писателем-историком, прожившим весь послеэмигрантский период (1945–1971 гг.) в Хабаровске.

Литературное наследие Вс. Иванова периода гражданской войны (1918–1922 гг.) дает уникальную возможность проникнуть в мир дум и чаяний большей части российской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Эта уникальность обусловлена тем, что нашего внимания удостоятся произведения, в большей части неизвестные современнику, так как они не переиздавались со времени их выхода в свет в Омске, Харбине, Владивостоке на рубеже 1920-х гг. Эти произведения способны во всей полноте и объективности воссоздать глубину трагизма мировидения одного из многих представителей нации, образованнейших людей своего времени, выпускника Санкт-Петербургского университета 1912 г., натуры многогранной и одаренной.

Всеволод Никанорович Иванов родился в 1888 году в г. Волковыск Гродненской губернии в семье учителя рисования. Образование получил сначала в Костромской классической гимназии, затем окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Отбыв воинскую повинность в Тамбове, Иванов в 1913 г. вернулся в Петербургский университет, намереваясь заняться научной деятельностью. Из всех наук его влекла одна история, именно ее он считал первой наукой. Но в связи с началом первой мировой войны был снова призван в армию. Демобилизовавшись в ноябре 1917 г. в Перми, Вс. Н. Иванов начал активно сотрудничать в газетах, а с февраля 1918 г. стал преподавателем кафедры философии Пермского филиала Санкт-Петербургского университета.

Первоначальное стремление Вс. Н. Иванова остаться «нейтральным» в условиях расколотости общества вскоре опровергла сама жизнь. В июне 1919 года Вс. Н. Иванов откликнулся на вызов в Омск своего наставника и давнего

приятеля профессора Н. В. Устрялова и стал работать в Русском бюро печати – пропагандистском органе Российского правительства адмирала А. В. Колчака. С именем и личностью этого легендарного правителя Сибири связаны многие страницы жизни и творчества Вс. Н. Иванова на рубеже 1920-х годов.

В Омске в годы гражданской войны пересеклись судьбы многих русских писателей и деятелей культуры. Здесь выходили десятки газет самых разных политических партий и общественных движений: либерально-буржуазная «Заря», кадетская «Сибирская речь», демократические «Дело Сибири» и «Путь Сибири», белогвардейские «Вперед!» и «Наша газета», а также газеты «Слово», «Русь» и другие. Фронтovou ежедневную газету «Вперед!» издавал и редактировал журналист В. Янчевецкий, который в конце 1920-х гг. вошел в нашу литературу как талантливый писатель исторического жанра Василий Ян. Его перу принадлежат созданные в 1930–1940-е гг. широко известные замечательные романы о борьбе русского народа с татарским нашествием («Чингис-хан», «Батый») и другие произведения на исторические темы. А в начальный период гражданской войны (1918–1919 гг.) в его газете публиковали свои стихи Борис Четвериков, Георгий Маслов, Таисия Баженова, Вс. Н. Иванов. После оставления белыми Петропавловска в номере 115 газеты «Вперед!» от 22 августа 1919 г. было опубликовано стихотворение в прозе Вс. Н. Иванова «Петропавловск». «На небе серые тучи, на платье – серая пыль. И ветер серую бороду свою по земле волочет и к низеньким заборикам прижимается – дикий ветер степной»². Такими, серыми, строками открывается стихотворение. Эпитет «серый» рефреном проходит через все произведение. Серые тучи, серая пыль, серая борода ветра, серые глаза людей – весь мир заволкло серостью. Мироздание, истинные человеческие ценности словно заволкло туманом, мглою, серостью. Люди утратили светлые маяки жизни. Миром движет посредственность, серость, недалекость. И только природа не изменяет себе. Образ дикого ветра степного несет в себе вечное, нетленное, высокое и светлое. Ведь неслучайно именно ветер шепчет: «Да, залечат...», «О прекрасном не кричат. Молчи...». Спасение мира – в защите от угрозы человеческому началу в самом человеке и мироздании вообще. Такова позиция лирического героя и автора этого стихотворения.

В те годы в Омске жили или бывали проездом А. Несмелов, К. Бальмонт, Д. Бурлюк. В демократических газетах Омска печатались Вс. Вяч. Иванов, Л. Мартынов, Н. Иванов (псевдоним – Н. Анов). Прозаик Ф. Березовский, поэт Н. Феоктистов, писатель Антон Сорокин, журналисты А. Громов, Вс. Н. Иванов, поэты Юрий Сопов, Георгий Маслов, Сергей Ауслендер – все они в той или иной мере общались друг с другом, несмотря на разницу общественно-политических позиций. Они часто собирались на литературные вечера в доме А. Сорокина.

Одну из омских газет, «Нашу газету», начавшую выходить в середине августа 1919 г. и выступавшую против советской власти, редактировал Всеволод Никанорович Иванов. Эта работа была серьезной журналистской

школой для будущего писателя, являясь в то же время прекрасной возможностью для выражения своей духовно-нравственной и общественно-политической позиции в условиях нарушения эволюционности развития мира. В первом номере «Нашей газеты» от 16 августа 1919 г. в статье «От редакции» были изложены исходные позиции и цели нового издания: «Наша газета» родится в тяжелую, затянувшуюся над Россией ночь.

Ночь злодейств, мутящих даже заматерелые души каторжан. Ночь развала по планам немцев тысячелетием созданной русской державы. Ночь предательства и братоубийства, затмивших Каина и Иуду. Но рассвет неминуем и близок: Народ России прозрел, восстал и освободил уже от советской власти три четверти былого царства». Таким жестоко трагическим виделось настоящее России редактору «Нашей газеты». Но издатели газеты видели пути возрождения своей страны и звали за собой народ. «А путь исцеления – через Национальное Учредительное Собрание, которое одно может быстро залечить наши раны, утвердить порядок, дать возможность молиться каждому как хочет и умеет, передать землю нуждающимся в ней земледельцам и утвердить равные для всех законы, обеспечивающие права собственности и труда». Публикации «Нашей газеты» под редакцией Вс. Н. Иванова отражали не только экономическую, материальную сторону развития России, но несли и духовные идеалы. В Передовой статье от 30 октября 1919 г. под заголовком «Церковь и русский народ» открыто и смело выражалась позиция «Нашей газеты» по отношению к религии и церкви как непререкаемому авторитету во все времена русской истории: «Русское государство слагалось и создавалось самим народом, правительством, армией и церковью. Церковные знамена и гимны сопутствовали всем важнейшим случаям нашей жизни. В начале XVII века православная церковь помогла вновь собраться государству, рассыпавшемуся во время смуты под влиянием всякого рода государственных «воров».

Как ученый-историк, Вс. Н. Иванов события настоящего оценивал исторически, утверждая идею преемственности и непрерывности развития. «Знамена церковные имеют за собой целые сотни лет истории, они принесли добро родной земле, они собрали ее воедино и защищали ее целость. И в это тяжелое время совесть и разум народа снова обращаются к нашей церкви, к религии – к ее заповедям всего мира, устрояющим правильную жизнь всякого государства. Как и прежде, так и ныне, вновь соберется наше государство, вновь наступит мир в стране, когда мы все обратимся к церкви и поймем, что без соблюдения ее предписаний у нас не наступит лучшей жизни».

С первых номеров «Наша газета» была адресована не только сознанию читателя, но и его душе. Начиная с седьмого номера, на третьей странице каждого последующего помещалась рубрика «Мысли мудрых», в сжатой форме отражавшая нравственную идею номера и нравственные идеалы создателей газеты. Так, главным содержанием шестьдесят восьмого номера издания стали слова А. П. Чехова: «Призвание каждого человека – в духовной деятельности, в постоянном искании правды и смысла жизни».

Редакторская и журналистская работа в полной мере выявила духовный и нравственный потенциал Вс. Н. Иванова, его большие организаторские способности. Росла и география журналистской деятельности. К концу 1910-х гг. как журналист Иванов известен был не только в Перми и Омске, его публикации появляются в газетах Владивостока, Харбина. В 1920 г. во владивостокской газете «Русский край» вышел его очерк «Кровь царя» о казни большевиками русского императора Николая II. Сегодня этот очерк воспринимается как крик души, израненной созерцанием творящихся на земле несправедливостей и жестокостей. «Уже теперь, через три года после этой беспримерной жертвы царей за Россию, начинает все ярче и ярче вставать сознание – да что же мы сделали?»³. В этом авторском «мы» – неразрывность писателя со своей страной, своим народом, совершившим несправедливый суд, готовность принять на себя и нести тяжкий груз ответственности за то страшное, что произошло в истории России. Этот очерк – не просто попытка проанализировать прошлое, главное для автора – извлечь уроки на будущее. «Кровь русского императора будет поворотной осью к тому, о чем говорит не испорченный полунаукой русский рассудок и русская трезвая совесть, о чем говорит Волга и русские церкви – к неиссякаемой радости жизни, творчества, к той силе, о которой пророчествует Достоевский»⁴. Заметим, Иванов довольно часто апеллировал к Ф. М. Достоевскому, который был одним из духовных ориентиров Всеволода Никаноровича.

С большим уважением и нескрываемым почитанием относился Вс. Н. Иванов не только к классикам, но и к некоторым из современников. Известно, что в годы гражданской войны Иванов примыкал к лагерю сторонников и почитателей политики и личности А. В. Колчака. «Светлой памяти адмирала Колчака» посвятил он «с великой болью» свою книгу «В гражданской войне», вышедшую в 1921 г. в Харбине через несколько месяцев после казни адмирала. Сам автор определил жанр книги: записки омского журналиста. Но это записки не просто свидетеля, а активного участника тех грозных событий: «Как стая дантовских теней, пронесли эти воспоминания, которые вызваны были Одиссеем из Аида, и, толпясь у ямы, жадно пили кровь. Кровь давала им способность речи. Не мертвы и тени наших воспоминаний: слишком много в них крови, они тоже не могут молчать»⁵. В этих записках-воспоминаниях омского журналиста Иванова, одного из многих русских интеллигентов, не принявших большевизма и отдавших свои силы, знания и талант борьбе с чуждыми человеческой природе идеалами коммунистов, личная судьба редактора «Нашей газеты» переплетается с судьбами многих людей, с кем столкнула его эта большая, трудная и страшная дорога на восток. В этой книге показан отрезок пути от Омска до Читы, показан без домислов и прикрас, в реальном, порой натуралистическом плане. «И все это двигалось, шло, брело, ехало, туда, на обетованный восток. Что же их ждало на этом востоке, их, и воинов, и невоинов, но объединенных всех одним – противобольшевизмом?»⁶ Основными картинками, что запечатлелись в памяти журналиста на этом пути,

были голод и смерть, неразбериха и сыпной тиф, толпы беженцев и брошенные санитарные вагоны с больными тифом. «Потом, с увеличением числа мертвецов, им стали отводить целые вагоны. Я видел, как на какой-то станции трупы хладнокровно выбрасывались из такого вагона на сани. Трупы промерзли, и от ударов об дровни, как фосфорные, отлетали пальцы и кисти рук и оставались лежать среди рельс...»⁷. Порой обстоятельства требовали срочного вмешательства. «На небольшой станции я составил телеграмму о потрясающем безобразии этом на имя Верховного»⁸. Но частные телеграммы не принимались, и усилия журналиста оказывались тщетными. «Что же тут винить «начальство», запретившее прием телеграмм? – Нет, скорее, тут она – эта неизменная дубоголовость всех наших чиновников, от века не могущих проявить никакой инициативы»⁹. Гражданственность, высокое чувство ответственности за происходящее вокруг и личной причастности характеризуют духовный и нравственный облик автора записок.

На этом долгом пути зоркий глаз журналиста подметил многое из того, что впоследствии станет объектом его художественного творчества. Это наблюдения над жизнью своих соотечественников, русским характером в разных его проявлениях в период глобальных социальных потрясений, государственным устройством жизни и целесообразностью этого устройства. Авторские эмоциональные оценки увиденного то и дело прерывают объективный рассказ. «Есть от чего в отчаянье прийти, от этой мистической русской неумелости организоваться!»¹⁰ Горечь и боль за свою страну и свой народ звучит в этих словах. Но сердце журналиста не ожесточено, оно способно замечать добрые, бескорыстные поступки людей. В Верхнеудинске их, оборванных, грязных, дамы-благотворительницы в белых халатах снабжали всем необходимым, нисколько не смущаясь. «О! Дамские Комитеты! Что бы было с Русью, коли бы не было на Руси дамских комитетов и их микроскопически-великих дел»¹¹.

Книга Иванова о гражданской войне – это не сухая хроника событий, а горячая публицистика. Голос автора звучит порой открыто и гневно, порой – задумчиво и мягко. Это голос человека, искренне и глубоко любящего Россию и свой народ. И в те суровые дни и месяцы писатель не переставал мечтать и верить в счастливую жизнь в мире, созидании, достатке. Основания тому Иванов видел в самой жизни. По дороге в Томск, записывает автор, «ночевали по огромным селениям, где дома, сложенные из темного кондового леса, напоминали собою картины Рериха. Двухэтажные дома чалдонов, сверкающие от масла желтые полы с разноцветными дерюгами, стеклянные горки с золочеными чашками и чайниками – все это являло вид необыкновенно утробной, сытой, медлительно тяжеловесной жизни»¹².

В этих записках Вс. Н. Иванов заявляет о себе как мастер-пейзажист, умелый бытописатель. При подъезде к Иркутску глазам автора открылась панорама жизни природы и человека, изначально тяготеющих к взаимной гармонии. «Солнце уже взошло, и аметистами спокойно сияли окружающие Иркутск сопки. Синью были налиты чаши долин, и на розово-хрустальном

снегу такой чистенький, такой близкий, под сияющим золотом колоколен, на берегу лазоревой Ангары, лежал утренний Иркутск... Словно и не было гражданской войны, словно не было невозможности прямо скатиться туда с лесистых склонов, явиться в уют и налаженную жизнь города...»¹³. Но грезы художника далеки от реальной жизни. «Нет, нельзя, – обрывает свои фантазии автор, – и вот свидетели этого. Среди зеленых сосен, на девственном снегу, в только что захваченной в Иннокентьевском желтой теплой одежде раскидано восемь убитых-зарубленных. Один еще дышал и на его раскрытом горле, как безжалостные розы, вскипали огромные пузыри ало-красной крови, чтобы сейчас же лопнуть и мелкими рубинами осыпать сияющий снег»¹⁴. Оксюморонность, лежащая в основе изображения реалий гражданской войны, усиливает ощущение дисгармонии мира, его противоестественности, несет в себе авторский протест против войны и насилия. «Перед нами воочию вставала Гражданская Война, не война двух фронтов, хотя и русских, – а война бродяжническая, сутолокошная, война всех против всех»¹⁵.

Неприятие жестокостей по отношению к человеческой личности, оттолкнувшее Вс. Н. Иванова от идеалов большевиков, побудило искать истину на других путях. После разгрома колчаковской армии Иванов с ее остатками отступает в Иркутск. Далее на пути на восток – Чита, где писатель сталкивается с атаманом Г. М. Семеновым и его окружением, о чем рассказывает в своем очерке-портрете «Семеновщина», опубликованном в 1921 г. владивостокской газетой «Русская армия».

Отступая с боями и без боев, остатки армии Колчака докатились до Приморья, где в ту пору существовала Дальневосточная республика (ДВР). Здесь, во Владивостоке, с началом 1920-х гг. в жизни Вс. Н. Иванова начался новый во многих отношениях период.

Владивосток был в те годы довольно крупным центром русской культуры. Так же, как в расположенной на другом конце России Одессе, стоявшей у истоков Западного русского Зарубежья, здесь процветала поэзия, возникали и тут же прогорали журналы и газеты. И Владивосток, и Одесса, несмотря на оккупацию, не хотели умирать. В начале 1918 г. в бухту Золотой Рог вошли сначала японский, потом английский крейсера. И до осени 1922 г. – времени, когда эмигрировал в Китай Вс. Н. Иванов, – советской власти в Приморье как таковой не было: книги выходили по старой орфографии, Дальневосточная республика жила своей, обособленной, но бурной жизнью. Волею судеб в те годы там работали В. К. Арсеньев, Н. Асеев, С. Третьяков, В. Март, Вс. Н. Иванов и многие другие прозаики и поэты, в разное время потом «воссоединившиеся» с внутрirosсийской литературой.

Владивостокский период (1920–1922 гг.) занимает особое место в жизни и творчестве Вс. Н. Иванова. В эти годы он заявил о себе в полный голос не только как журналист, но и как публицист, поэт, общественный деятель. Журналист Вс. Н. Иванов издает во Владивостоке «Вечернюю газету», почти в каждом номере этой газеты можно было встретить его статьи по тем или иным актуальным проблемам политики, экономики, культуры.

Одновременно Иванов являлся уполномоченным Временного Приамурского правительства по информации (назначен 26 мая 1921 г.). 27 июля того же года владивостокская газета «Русский край» опубликовала его заявление на имя председателя правительства. Поводом к тому стало письмо председателя совета управляющих Вс. Н. Иванову с просьбой отказаться от редактирования «Вечерней газеты», сохранив за собой должность уполномоченного по информации, так как «такое совместительство», по мнению автора письма, «может вызвать целый ряд недоразумений и дать повод к предположениям, что заметки и статьи «Вечерней газеты» инспирированы Правительством и что за содержание редактируемой Вами газеты, прямым или косвенным образом, является ответственным Правительство»¹⁶. При этом профессионализму журналиста Иванова и его организаторским способностям давалась достаточно высокая оценка: «Ваши организаторские способности, Ваша опытность в газетном деле являются настолько несомненными, что у Правительства не может быть другого более подходящего лица, которое с такими же, как Вы, успехами и знанием дела могло бы вести эту трудную и весьма ответственную работу»¹⁷. Эта характеристика говорит о том, что в среде дальневосточных журналистов начала 1920-х гг. Вс. Н. Иванов был фигурой уважаемой и известной. В ответ на это письмо правительства журналист Иванов попросил освободить его от занимаемой должности уполномоченного по информации, что, в свою очередь, должно дать ему «большую свободу в действиях, как независимому журналисту»¹⁸. Однако непросто было в период острых социальных столкновений большому журналисту оставаться в стороне от борьбы.

Как редактор «Вечерней газеты», Вс. Н. Иванов много писал сам. Только в период с 26 июня по 29 сентября 1922 г. им было опубликовано в своей газете 29 статей, заметок, очерков. Их тематика обширна. Здесь вопросы внутренней («Приамурское Временное Правительство», «Читинский официоз») и международной политики («Ямакава Кикуюе» – об отношениях России и Японии, «Советская дипломатия»), экономики («Живая сказка» – о голоде в России, «Собирание Руси» – о необходимости выравнивания экономического базиса страны), вопросы морали и нравственности («Потревоженные цари» – об ограблении царских могил в Петрограде, «Наша Речь» и бандиты) – о недопустимости пропаганды преступности). Не обходил Вс. Н. Иванов и острой в те годы проблемы об отношении к русской классической литературе. О необходимости сохранения приверженности традициям классики говорит его острая статья «Суд русской литературы» (от 12 сентября 1922 г.).

Редактируя «Вечернюю газету» и активно выступая в ней, Вс. Н. Иванов продолжал публиковаться и в других изданиях. Попыткой внести свой вклад в необходимый, по мнению журналиста, процесс гуманизации общества стала его статья за отмену смертной казни «Казнь Египетская», помещенная в газете «Русский край» 17 ноября 1921 года.

Журналистская деятельность в полной мере выявила энциклопедичность знаний, формировавшееся писательское мастерство Вс. Н. Иванова, его

глубоко гуманистическую человеческую позицию. Везде, во всех его выступлениях главной темой оставалась Россия, ее настоящее и будущее, пропущенные через призму прошлого. Чтобы верно определить и выбрать дорогу в будущее, надо учиться у истории, у прошлого, считает Иванов. «Неотвратимы эти зовы к мудрому, славному и прекрасному прошлому, – а таковое было у нас, – все ярче и ярче звучат они в душах русских людей», – заявляет журналист в передовой статье «Наш съезд», что была опубликована «Вестником Съезда Несоциалистических Организаций Дальнего Востока» в 1921 г. во Владивостоке¹⁹.

Нелегким и непростым виделся Вс. Н. Иванову путь к разумному будущему России. «Неисчислимы жертвы, уже принесенные нами, неисчислимы и те, которые ждут нас впереди. Но мы верим в эту победу, как верим в творческую силу русского народа, который, освободившись от химер коммунизма, пойдет по дороге к свободе и закону, к благосостоянию и энергичной работе, к наслаждению бытием в искусстве и т. д. и т. д., и всеми путями – к одной России»²⁰.

В своих размышлениях 1920-х гг. о судьбе России, ее настоящем и будущем, Вс. Н. Иванов предстает человеком, стоящим на уровне требований своего времени, обладающим государственным складом ума, чувством высокой гражданской и моральной ответственности за судьбу своей страны. Его журналистская деятельность саккумулировала все главные проблемы последующего творчества писателя Иванова.

В воскресных приложениях к дальневосточной газете «Русский край» в 1921–1922 гг. часто можно было встретить стихотворения Вс. Н. Иванова, которые открывают новую грань его художественного дарования. В них автор предпринял поэтическое исследование внутреннего мира человека в один из сложных периодов человеческой истории, в годы гражданской войны, принесшей с собой разрушение истинных ценностей жизни²¹. Главной в поэзии для Иванова остается тема России, ее судьбы в один из трагических моментов отечественной истории, которая раскрывается им на разных уровнях: общегосударственном и личностном. Лирический герой поэзии Иванова – это русский интеллигент, человек умный и образованный, тонко чувствующий внутреннюю природу происходящего, душевно ранимый, а оттого порой беззащитный перед лицом творящихся жестокостей. Но в то же время лирический герой открыто и гневно не приемлет гражданской войны как войны разрушительной и губительной для России. В этих стихотворениях многое из происходившего тогда воссоздано реально, жестко, с натуралистическими подробностями, передающими и через десятилетия весь ужас пережитого самим автором. Стихотворения, созданные Ивановым незадолго до эмиграции, передают многомерность, неоднозначность и драматизм мировосприятия поэта.

Вс. Н. Иванов хорошо знал и любил поэзию своего времени. Среди его поэтических кумиров – Николай Гумилев²², Вячеслав Иванов, Александр Блок, Андрей Белый. С поэтом Вячеславом Ивановым Всеволод Никанорович встречался в 1918 г. в Москве, о чем позднее рассказал в

очерке «За зеленой лампой», написанном уже в эмиграции²³. Любовь и признание великим поэтам своей эпохи Вс. Н. Иванов сохранил и пронес в своем сердце через трудные годы отчуждения от отечественной литературы и русского читателя.

Разносторонняя деятельность Вс. Н. Иванова на Дальнем Востоке в целом отразила стремление автора разобраться во всей сумятице происходивших событий, определиться в своих позициях, взглядах на жизнь человека, ее истинных ценностях. И вот пришло время, когда писатель должен был сделать свой главный выбор в жизни: принять новую действительность или нет. В случае ее неприятия перспектива оставалась одна – эмиграция. В течение почти пяти трагических лет (1918–1922), которые мы сейчас называем предтечей Дальневосточной эмиграции, было время подумать о причинах поражений многих правительств и правителей на длинном пути от Волги до Владивостока. Этот путь от Перми до берегов Тихого океана и жизнь в течение двух лет во Владивостоке стали для Всеволода Никаноровича большой и суровой школой жизни. Постигая действительность как историк, журналист, поэт и публицист, он не мог примириться с идеалами новой жизни. Слишком высокую цену платила Россия за те изменения, которые происходили на его глазах. Утрата духовности, разрыв преемственности, пренебрежение к индивидуальности каждой личности воспринимались им как личная и общая трагедия нации. Это и предопределило последовавшее затем поистине историческое не только в личной судьбе Иванова, но и для судеб тысяч и тысяч россиян, событие. Имя ему – эмиграция.

22 октября 1922 г. на пароходе «Хузан-Мару» Вс. Н. Иванов покинул Владивосток, а вместе с ним и Родину, на двадцать с лишним лет эмигрировав в Китай (Харбин, Тяньцзин, Шанхай). Но поиск исторической истины продолжался им все последующие годы и в эмиграции (1922–1945 гг.), и после возвращения на Родину в 1945 г.

Подводя итог краткого обзора одной из многих страниц сложной и многомерной истории отечественной культуры периода гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, следует отметить, что лучшая часть российской интеллигенции, сама того не осознавая, внутренне готовила себя, накапливая духовный потенциал, к той высокой миссии сохранения корней и традиций великой русской культуры, преумножения ее силы и мощи, которой служила все годы эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Произведения, предлагаемые автором в качестве приложения в разделе четвертом, публикуются впервые после их выхода в свет в конце 1910-х – 1920-е гг.

²См. прил.

³Иванов Вс. Н. Огни в тумане: Думы о русском опыте. – Харбин, 1932. – С. 16.

⁴Там же.

⁵Иванов Вс. Н. В гражданской войне: записки омского журналиста. – Харбин, 1921. – С. 128.

- ⁶Там же. – С. 72.
⁷Там же. – С. 52.
⁸Там же.
⁹Там же.
¹⁰Там же. – С. 108.
¹¹Там же. – С. 124.
¹²Там же. – С. 59.
¹³Там же. – С. 109.
¹⁴Там же.
¹⁵Там же. – С. 96.
¹⁶Русский край. – Владивосток. –1921. – 27 июля.
¹⁷Там же.
¹⁸Там же.
¹⁹Иванов Вс. Н. Огни в тумане. – С. 27.
²⁰Там же.
²¹См: прил.
²²На смерть Н. С.Гумилева Вс. Н.Иванов откликнулся очень острой и гневной статьей «Н. С. Гумилев».
²³Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. – М., 1991. – С. 244–248.
²⁴Иванов Вс. Н. Александр Блок // Рубеж. – Харбин. – 1931. – № 35. – С. 9.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Где и когда начали формироваться предпосылки Дальневосточной эмиграции?
2. Каковы идейно-политические и духовно-нравственные приоритеты редактора «Нашей газеты» (Омск) и «Вечерней газеты» (Владивосток)?
3. Какие темы и художественные мотивы стали главенствующими в публицистике и поэзии небольшевистских изданий?

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ В ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

Феномен литературы русского зарубежья XX столетия, продолжая оставаться в центре внимания многих отечественных и зарубежных исследователей, вызывает интерес у широкого читателя.

Эмиграция, которая, по заключению З. Гиппиус, “по сути представляла собой Россию в миниатюре”, складывалась из нескольких потоков, возникших вследствие поражения белых армий в ходе гражданской войны 1918–1920-х годов.

“Великий исход” беженцев из России был поистине глобальным и разнонаправленным: запад и восток, север и юг – все континенты планеты соприкоснулись с явлением русской эмиграции.

Ларисса Андерсен, представительница дальневосточной эмиграции, которая родилась в 1914 году в Хабаровске, а в начале 1920-х приехала с родителями в Харбин из Владивостока, в 1980-е годы, живя в маленьком

французском городке Иссанжо, создала поэтико-географическую карту драматической жизни своих соотечественников в XX веке:

Я едва пробираюсь тропинкою узкой,
Меж полями пшеницы, пшеницы французской,
Как в России синенют, смеясь, васильки,
Васильки-васильки, друзья далеки.

Если правда, что можно летать после смерти,
Просто так: обо всем позаботятся черти –
Ни билетов, ни виз, да куда бы сперва?
Закружится, боюсь, у чертей голова...

Так нас всех разметало по свету, –
Что не хватит бумаги заполнить анкету.
На Харбин, на Шанхай, на Мадрас, на Джибути,
На Сайгон, на Таити, Москву не забудьте,
Сидней, Рио, Гонконг, Сан-Франциско, Канаду,
Тель-Авив, Парагвай и Полтаву мне надо,
А еще Соловки, Колыму, Магадан –
На метле я готова – тащи чемодан!

Стихотворение пронизано болью за своих соотечественников, переживающих драму жизни не только за рубежами России.

Русская эмиграция на Дальнем Востоке стала явлением русской жизни и вместе с тем фактом русской истории и культуры в пореволюционное время. Вряд ли до революции кто-либо из российских граждан с широких просторов России, в силу особого политического климата и уклада жизни, искал прибежища под сенью “недвижного Китая”.

1918 год в истории страны стал переломным во многих отношениях. С этого периода началась русская тяга на Дальний Восток, которая в начале 1920-х годов превратилась в великий русский исход на маньчжурские просторы.

Харбин стал одним из крупных центров русского рассеяния на Дальнем Востоке. В эмиграции оказались и представители различных эстетических направлений Серебряного века русской литературы.

Литература русского зарубежья первой волны и поэзия Харбина, в частности, явила собой одну из возможных моделей развития внутрироссийской литературы. Однако эмигрантская литература вобрала в себя вместе с традицией новые историко-культурные грани и аспекты. Это художественное осмысление драматического, порой трагического опыта эмиграции, который сказался во всем творчестве эмигрантов. Литература русской эмиграции вынуждена была жить и развиваться в новом контексте, в контексте другой культуры. Дальневосточная литературная эмиграция оказалась не на равных, не в равновеликом положении с культурой и литературой Востока. Доминирующее положение в этом соседстве двух культур занимала зарубежная культура. Однако русская культура и литература выявила свою необыкновенную жизнестойкость и самодостаточность в противодействии процессам ассимиляции с культурой

Востока. Взаимовлияния двух культур и литератур возникали и осуществлялись на разных уровнях, на уровне философии, поэтики, но при этом сохранялась самобытность каждой из культур, обогащавшихся в процессе соприкосновения.

Общепризнанным центром не только литературной, но и культурной жизни русских харбинцев с середины 1920-х годов стал Литературно-художественный кружок, открывшийся при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ), более известном в последующие годы как ИМКА, называвшийся сначала *“Молодая Чураевка”*, а затем просто *“Чураевка”*. У истоков этого кружка стояло немало энтузиастов, заинтересованных в патриотическом воспитании, утверждении здорового образа жизни и творческом развитии подрастающего поколения российских эмигрантов. До настоящего времени малоизвестным фактом остается то, что двери для *“Молодой Чураевки”* открыл американец Хейг, харбинский секретарь ХСМЛ, равно как для гимназии и спортивного кружка *“Костровые братья”*. Супруги Хейг появились в Харбине в 1920-х годах. При них на тихой Садовой улице в центре Нового города, но в стороне от шума, выросло сравнительно скромное здание ХСМЛ. Осенью 1925 года при ХСМЛ открылась Русская гимназия. Тогда же начались и первые собрания *“Молодой Чураевки”*, выросшей из организованного Алексеем Ачаиром кружка поэтов *“Вечера под Зеленой лампой”*.

Ачаир Алексей Алексеевич (настоящая фамилия – **Грызов**) родился 5 сентября 1896 года в Омске в семье полковника Сибирского казачьего войска, его детство прошло в станице Ачаир. Название родного села он взял себе в качестве творческого псевдонима. В 1914 году Ачаир окончил Первый сибирский императора Александра I кадетский корпус в Омске. С 1914 по 1917 годы учился в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве. В годы гражданской войны стал хорунжим Сибирского казачьего войска, воевал в отрядах атамана Семенова. Начал печататься в омской газете *“Дело Сибири”* в 1918 году.

В начале 1920-х годов оказался во Владивостоке, где редактировал газету *“Последние известия”*. Здесь появились его публикации в газете *“Наша заря”*, в журнале *“Отечество”*, в газете *“Вечер”*. В октябре 1922 года пешком через тайгу ушел за рубеж, недолго жил в Корее, а в конце 1922 года эмигрировал в Маньчжурию. Активно работая в качестве помощника генерального секретаря Христианского союза молодых людей, Ачаир организовал кружок поэтов *“Вечера под Зеленой лампой”*, более известный как *“Молодая Чураевка”*, (официальное название *“Содружество работников литературы, науки и искусства “Молодая Чураевка”*), издал брошюру *“Русский христианский союз молодых людей в Харбине”* (1923).

В Харбине А. Ачаир был редактором литературной газеты *“Молодая Чураевка”*, впоследствии получившей название *“Чураевка”*.

Как поэт, в полный голос он заявил о себе в Харбине, где в 1925 году вышла книга его стихов *“Первая”*. Позже увидели свет другие его поэтические сборники: *“Лаконизмы”* (1937), *“Полынь и солнце”* (1938),

“Тропы” (1939), “Под золотым небом” (1943). Поэт сочинял песни для скаутов, редактировал коллективный сборник стихов “Семеро” и написал к нему вступительную статью, печатался в “Русском слове”, “Родной ниве”, “Парусе”, в сборнике “Харбин в зеркале прессы”, участвовал в создании “Гумилевского сборника”(1937), часто публиковался в журнале “Рубеж”, время от времени в эмигрантских изданиях в Европе и Америке. Его стихи вошли в первую русскую эмигрантскую антологию “Якорь” (Париж, 1936).

Работал над романами “Цветные огни” и “Валерий Бухтармин” (хроника гражданской войны в Сибири), но о судьбе этих рукописей данных нет. В сентябре 1945 года А. Ачаир был арестован, депортирован в СССР, сидел в пересыльной тюрьме под Владивостоком, в тюрьме Смерша в Уссурийске. Ему предъявили обвинение в связях с английской и американской разведывательными службами. По вынесении приговора в 1946 году десять лет провел в заключении в Красноярском исправительно-трудовом лагере.

После освобождения жил в Байките Красноярского края, затем в Новосибирске, где преподавал пение в средней школе и руководил большим детским хором. Умер 16 декабря 1960 года на работе от сердечного приступа.

Основатель “Молодой Чураевки” педагог и поэт Алексей Ачаир стремился показать молодому поколению смысл и цель жизни, которые он видел в России и служении ей. “Это неправда, что России нет, – говорил он. – Мы – тоже кусок России и призваны сохранить то, что осталось от ее культуры”.

Свое название это Литературно-художественное объединение молодых поэтов и любителей поэзии неслучайно связывало с именем героев романа популярного в те годы сибирского писателя **Георгия Дмитриевича Гребенщикова** (1882, Томская губерния – 1964, штат Флорида, США) **“Братья Чураевы”**. При жизни Гребенщикова вышло 7 томов из 12-ти задуманной грандиозной эпопеи о первых русских поселенцах на Алтае. В 1925 году Г. Гребенщиков поселился в штате Коннектикут на реке Помпераге, где один заложил русский скит, который по плану, разработанному совместно с Н. К. Рерихом, должен был превратиться в деревню-сад Чураевку – трудовой и культурный центр. Совместно с издательством “Алатас” (Белый камень) Чураевка должна была стать прообразом будущего культурного центра в горах Алтая. Свои идеи о Чураевке Г. Гребенщиков изложил в книге **“Гонец; Письма с Помперага. (Первая помощь человеку)”** (Сотбери, 1928), а также в очерке **“Вечер у Шаляпина”**, специально написанном для харбинского журнала “Рубеж” (1929, № 23) и присланном из Америки. В деятельности Ф. И. Шаляпина Г. Гребенщиков увидел одно из проявлений исключительного разнообразия русских творческих сил.

“Это, – пишет автор очерка, – должно нас все время утешать в лишениях и двигать в минуты неподвижности или усталости вперед, к нашему неслыханно-прекрасному грядущему, которое теперь строится (и в самой России), и во всех странах мира, где только существуют русские. А они, несмотря на свои скорби, а, может быть, именно благодаря им всюду

действуют и так или иначе укрепляют победную поступь могучей народной российской культуры. Только бы почаще русские об этом думали и покрепче берегли бы русское достоинство. Это всем и всякому помогло бы многое преодолеть и ускорить шаг к созидательному единению культурных сил, независимо от того, где они и под какими флагами идут или работают. Пора и уже должно быть стыдно разгораживаться истрепанными, сеющими только рознь и злобу, расовыми, националистическими, религиозными и, в особенности, политическими ширмами.

Шаляпин в этом отношении образцовый деятель: оттого, что он услаждает своим искусством всех, без разделения на расы или на политические партии, от этого он не перестал быть русским, и все и всюду его любят, за исключением, конечно, очень ограниченных людей. Но для имени России Шаляпин – самый убедительный посланник во все края земли”.

Поэтому харбинский кружок искусства, науки и литературы, приняв в 1927 году название “Молодой Чураевки”, стал ответом на идею писателя-сибиряка Г. Д. Гребенщикова, – идею создания русских культурных очагов за границей. Именно в честь русской деревни в Америке, основываясь на тех же духовных корнях, было названо русское поэтическое детище А. Ачаира в Харбине. “Ачаир жил Россией и для России”, – вспоминала одна из воспитанниц “Молодой Чураевки” **Ю. Крузенштерн-Петерец**. Его личное гражданское и человеческое мужество было примером для многих. Творчество помогало ему преодолевать тяжелый недуг. В годы гражданской войны А. Ачаир был ранен в позвоночник и всю жизнь страдал от этого невероятными головными болями и тиком. “Мне случалось видеть его во время таких приступов на эстраде; лицо у него напрягалось, и пальцы начинали дергаться. Но он никогда не уходил, не дочитав стихотворения”. “Молодая Чураевка” в своей деятельности руководствовалась триединой задачей: во-первых, быть школой для молодых талантов; во-вторых, выполнять функции профессиональной ассоциации поэтов и прозаиков; в-третьих, она мыслила свою работу как орган пропаганды русской литературы и культуры.

Поэтическое наследие А. Ачаира представляет собою большой, сложный, многогранный мир человеческих чувств, переживаний и раздумий одного из представителей драматической эпохи раскола России на внутрироссийскую и эмигрантскую. Лирический герой его поэзии несет в себе, как неразрывные, чувства ностальгической утраты и надежды, осознание высокой миссии эмиграции для будущего России и принятие на себя всей меры ответственности за произошедшее с его страной в годы гражданской войны.

В харбинском журнале “Луч Азии” за декабрь 1939 года (№ 64/12) был опубликован его сонет “*Моя страна*”, пронизанный чувством сострадания, сопереживания, желанием разделить со своей страной выпавшие на её долю испытания.

МОЯ СТРАНА

Всю боль твою и судорог рыданий,
Весь хаос твой – приемлю на себя.
Такой, как ты, когда долины спят.
Таким, как ты, меня рассвет застанет.
    Кусок руды, расплавленной в печи,
    Соль едкая, клокочущая в смеси,
    Огонь комет, летящий с поднебесий,
    Жизнь на костре – которая... молчит.
Такой, как ты. И так всю жизнь и впредь –
Таким, как ты, и жить и умереть,
Страна моя в предутреннем тумане!
    А издали – сквозь черный хаос манит
    Такая светлая, росистая тропа.
    Снег и луга... И ясная судьба.

Чувство неразрывности со своей Родиной острее и драматичнее переживалось за пределами России, в эмиграции. Это чувство сродни расплавленной руде, всеразьедающей соли, огню комет. И за всем этим поэту открывается надежда на “свет”, на “ясную судьбу” России. Основой этому является стоицизм, великая внутренняя сила и мужество России, способной претерпеть “жизнь на костре”.

Лирика А. Ачаира – это история жизни его души, его сердца и разума, переживающей драму века как свою личную драму. Слияние личного горя и страданий страны в поэзии А. Ачаира сближает его мироощущение и мировосприятие с позицией А. Ахматовой, для которой судьба России была неотрывна от судьбы личной. Эта художническая позиция – плоть от плоти в традиции русской классики. А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, И.С. Тургенев – вот главные вехи этой традиции.

Обращение к фольклору, несущему в себе огромный исторический опыт человеческих переживаний, помогает искать и находить “свет в конце тоннеля”. Музыкальность поэзии А. Ачаира выражалась через внутреннюю напевность и через внешние атрибуты народной музыкальной культуры.

Стихотворение *“Песня под гармошку”* несет в себе общее и особенное в переживаниях лирического героя, соединяет в себе национальное и индивидуальное начало. Природная тяга к музыке всегда помогала русскому человеку и в радости и в горе. Лирический герой *“Песни под гармошку”* исполнен ностальгических страданий по оставленной Родине. Перед нами диалектика чувств: стон – песня – жизнь, выходящих и выводящих героя к надежде, к будущему через страдания к принятию полноты жизни.

ПЕСНЯ ПОД ГАРМОШКУ

Страна моя, страна моя, любовь!
Так изнывал ли по тебе любой,
как я тоскую, стоя у избы,
не зная, как печаль свою избыть?..

Трёхрядкой бы о темный выступ: раз!..
чтоб сердца боль огнем пошла из глаз,
и стоном – ввысь и вдоль, и вглубь – туда,
где ставнем скрыты радость и беда...

Так воет волк, подстреленный упав;
так мрёт звезда в пруду среди купав;
горюет парень по зазнобе той, –
желанной, недоступной, запертой.

И полно, друже! – хуже бы нельзя:
чтоб плакать и измучиться, грозя...
Кому? За что? За то, что есть сильнее?..
О родине, о милой... - все о ней!

Доступную – нетрудно раздобыть,
желанную – до смерти не забыть...
Сестру мою, страну мою, любовь
люби за то, что в сердце ноет боль,
что горше нет, и выдумать нельзя,
что ближе нет и слаще нету взять,
и, распахнув тугой заслон ставней,
быть с той, кто мил, и не расстаться с ней.

Из стога – песня, а из песен – жизнь.
- Эй, ветер – жизнь, развейся, закружись!..
Рви трубой и рви болты, прибор!..
- Сестра моя, страна моя, любовь!..

Лирический герой А. Ачаира несет в себе сложную гамму чувств, широкую амплитуду переживаний. В стихотворении “*Провинциальное*” поэт идет от иронического восприятия “мелкости” жизни, ложности человеческих устремлений к откровениям своей поэтической души, пребывающей в состоянии одиночества. Поэт ищет отдохновения в этом одиночестве. Появляющийся мотив очищения, связанный с образом дождя, открывает светлые перспективы.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ

За винно-бакалейною,
от чуждых взоров скрыт,
пирушку юбилейную
справляет тощий быт.

С окладистой осанкою,
вгоняя в грузди блажь, –
развязною гулянкою
вопит полуэтаж.

Подальше – садик выстрижен
(Здесь стиль и строг, и прост)
в изысканности выспренней,
как пудель, поднял хвост.

Шофер гудит у садика
(Гуди, гуди в груди!)
Два красненьких квадратика
алеют позади...

Вся жизнь – как бакалейная,
а в сложности – проста.

И разве пожалеем мы,
что улица пуста?
Хоть улица, хоть улица! –
когда томишься зря,
идешь, идешь и хмуришься
при свете фонаря.

И – остановлен встречей –
не знаешь, как и быть...
“Сегодня вышел вечером
немного побродить...”

Писал, да уж не пишется...
Устал, должно быть, – ждя.
А нынче славно дышится,
легко после дождя!..”

Глаза горят бездонные,
И льнет рука к руке:
- Вы, как и я, бездомная,
- Вы, - как и я, в тоске?..

Пойдем, поищем оба мы,
подумаем: а вдруг –
за этим поворотом... – и...
навстречу...

Тишь вокруг...

Молчим мы оба. Мыслями
летим, поем, зовем...
Лишь ветер треплет листьями,
омытыми дождем.

За легкой внешней иронией здесь скрыт драматизм одинокой творческой личности, неутомимо ищущей понимания и человеческой отзывчивости.

Близко к этой тональности разворачивается и “*Ночное происшествие*”, вызывающее литературные ассоциации со стихотворением В. Маяковского “Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче”.

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Сегодня с неба сбросилась луна!
Поднялся гам в людском переполохе.
Бухгалтер, заспанный ворчит жене: жена,
Оставь, пожалуйста, хоть на ночь эти вздохи!..
В саду, шумя, бормочут тополя.

Под бегом ног и шарканьем ботинок
 Растрепанная охает земля.
 Шофер автобуса хотел запеть: Титина...
 Но смолк. Дрожит рука на колесе.
 Плакаты влезли в стекла парабриза.
 Как воробьи, запутавшись в овсе,
 Смешавшись, люди ждут еще сюрприза.
     Кто на балкон, кто без балконов – в дверь,
     Кто у ворот, кто в окна: – Сдвинься малость!
 - Смотри в бинокль! Ведь, полчаса, поверь,
     Назад тому она еще болталась!..
 - Как жаль, как жаль, что я не астроном.
 (А в детстве, помнится, имел сие влечение!)
 В гостиных парочки целуются тайком
 На страх татап, без, всякого стеснения...
     - Сегодня с неба сбросилась луна!
     - Да что вы, что вы?... Где же? Вы видали?
         В саду фонтан... И в нем отражена
         Фигурка детская на крепком пьедестале...
 Найти луну в ту ночь никто не смог.
 По всем пожарным и по всем больницам
 Три тысячи семьсот один звонок
 Звенел по проволоке и изможденным лицам...
     В саду, заснув, замолкли тополя.
     Закрылись двери на балкон из зала.
     Ишлепанная туфлями земля
     Во сне подошвы только и видала.
 Вставал рассвет и протирает глаза...
 Блестел, как вымытый, у дома чистый дворик.
 Пройдя, кругом, в раскинувшийся сад,
 Зевнул и крикнул, удивившись, дворник.
     - Луна - луна... Затмение было ль – нет...
     А солнце впрямь, должно быть, встало рано!..
     На мраморе – в одежде спал поэт,
     Обняв рукой фигурку средь фонтана.

Лирический герой, поэт, и в этом стихотворении остается одиноким. Он отрешен от суеты мира, переживающего очередное “затмение”. Поэту-философу одному дано прозревать будущее, которое воплощено в “фигурке детской на крепком пьедестале”.

Тема России, оставаясь главной в поэзии А. Ачаира, сопряжена с философскими проблемами исторического пути России и русского национального характера. Его стихотворение “*По странам рассеяния*”, имеющее подзаголовок “*Эмигранты*”, воссоздает в ключевых моментах исторический путь России, когда выковывался стоически мужественный русский национальный характер. Начальные строфы воссоздают

поэтическую историко-географическую панораму появления в масштабах Земли русского человека.

ПО СТРАНАМ РАССЕЙНИЯ

Мы живали в суровой Неметчине,
Нам знаком и Алжир, и Сиам;
Мы ходили по дикой Туретчине
И по льдистым Небесным Горам.
    Нам близки и Памир, и Америка,
    И Багдад, и Лионский залив.
    Наш казак у восточного берега
    Упирался в Дежневский пролив.

Легче птиц и оленей проворнее,
Рассыпаясь по тысячам мест,
Доходил до границ Калифорнии
Одинокий казачий разъезд...

Становясь человеком Мира, завоевывая авторитет и признание, в силу разных историко-культурных обстоятельств оказываясь в разных частях света, на разных континентах, русский человек всегда сохранял в себе национальные начала, внутреннюю духовную связь с Россией. Эта связь со своими корнями, языком своей нации придавала силы, помогала претерпевать невероятные страдания и лишения. Превыше всего для русского человека оставалось желание быть нужным и полезным России. Это высокое духовно-нравственное побуждение наполняло смыслом жизнь русского человека всегда и везде, куда бы ни забросила его судьба. Только русский человек способен на такую самоотверженную, порой жертвенную любовь к своей Родине.

Бросая взгляд в прошлое, наводя с ним духовные мосты, поэт делает переживания своего лирического героя, эмигранта исторически и психологически обусловленными:

И теперь, когда черные веянья
Разметали в щепы корабли, –
Снова двинулись в страны рассеянья
Мы от милой чумазой земли...
    На плантациях, фармах, на фабриках, –
    Где ни встать, ни согнуться, ни лечь, –
    В Аргентинах, Канадах и Африках
    Раздается московская речь.

Мы с упорством поистине рыцарским
Подавляем и слезы и грусть,
По латинским глотая кухмистерским
Жидковатые щи а la russe.

И в театрах глядим с умилением
(Да, пожалуй, теперь поглядишь!)
На последнее наше творение –

На родную “Летучую мышь”.
В академиях, в школах, на улицах, –
Вспоминая Кавказ и Сибирь, –
Каждый русский трепещет и хмурится,
Развевая печальную быль...

Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
И за то, что нас Родина выгнала, –
Мы по свету её разнесли.

Верная память прошлого витает над его поэзией. Но грусть, возникающая в его стихах, не несет в себе упадничества, она ясная и проходящая.

Бодрый тон его стихотворений отмечали еще современники поэта. Это связано отчасти с его тягой к мелодекламации.

Присущие А. Ачаиру акварельная манера письма, четкость художественных образов, точность поэтической фразы находят свое воплощение в его поэтических переводах из китайской поэзии. Одним из ярких примеров может быть его перевод стихотворения китайского поэта Ман Хао-Ен **“Закат в горах”**:

Румяный диск в падении закатном,
Спадает жар в долинах ароматных.
Луна и звезды, в небе необъятном, –
Парча небес, – серебротканый свет.
От струй речных – шум-говорок по чашам.
Косцы с холмов идут в траве журчащей.
Сосновый лес... И в темноте все чаще
Холодный ветер ускоряет бег.

Полету птиц – стремиться к горным гнездам.
А страннику – вздохнуть... о невозможном!
А крик ночной, – жалобный и грозный, –
Зовет назад, хватается за след.

Переводы А. Ачаира из китайской поэзии отражали социокультурные перемены XX века, свидетельствовали о стремлении двух культур, восточной и западной, к взаимному постижению, выявляли общие черты в миропонимании и мировосприятии русского и китайского народа.

Китайский поэт из династии Тангов Ван Чанг-Лин создал **«Песню весны во дворце»**, которую А. Ачаир перевел на русский с английского перевода поэта Генри Харта:

День вчерашний час под ветром; ветер с вечером в родстве.
На колодезь пухом бледным падал персиковый цвет.
Круг луны качался в небе в чарах грез и небылиц,
И роса слетала в блеске на изгибы черепиц.
А из залы – звуки лютни, лстивый шепот тихих флейт,
Заглушенный, юный, юный – в полумрак густых аллей...
Двери настежь – слышен топот, барабан и шорох ног,

Слышен трепет, шелест шелка, пряность пахнущих цветов...
Сквозь бамбуковые ставни сад пустынной и темней.
На задумчивой поляне – блики света и теней.
В этих тенях – тканях словно – в чуткой призрачности сна –
Спит застенчивой и томной, гибкой девушкой весна.

В начале 1930-х годов русские эмигранты в Харбине предприняли попытку издания периодического литературно-художественного сборника *“Багульник”*. В предисловии к первой книге этого издания его создатели, отмечая специфику природы Востока и России, вместе с тем указывают и на их общность: ”Богатство и шири там (в России – С. Я.), – скромность, однотонность здесь... Мы сами превосходно сознаем это... Но все же есть нечто общее, что объединяет весны и в России и на Дальнем Востоке:

Это – чувство шири и мощи, смелого порыва и уверенности в жизни...

Мы и берем себе поэтому символ *Багульник*, как цветок здешний, дальневосточный... – и в этом здешнем, туземном, так сказать, символе – мы видим преемственность и традиционную связь с Россией...”

Китайская поэзия способствовала органическому, глубокому постижению Востока, его природы и уклада жизни. Вот что писали создатели *“Багульника”* о своем восприятии Востока в сравнении с Западом: “На Востоке нет и не может быть западного урбанизма, потому что нет “урбов”, нет городов. Жизнь здесь беспроблемнее, проще, суровее, но красочнее. Восток – это, с одной стороны, – тысячелетнее спокойствие буддийских монастырей, золотые звонки желтых лам, простирающихся перед лицом живого бога, Восток – это зелень, просторы морей – пахнущий медом кепстен в трубках моряков, океанские пароходы, режущие дали Великого Океана, и силуэты китайских кораблей с высоко задранной кормой и с рубиновым фонарем на мачте; с другой стороны, Восток – это страна прохладных контор, серебра и бизнесов, спекуляций и роста состояний, страна, где русские сражаются и охотятся на тигров, и торгуют, и борются с жизнью... Наконец, Восток – это для нас, русских, ряд воспоминаний... Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию. И символом этого мы избираем – Багульник...”

Многогранная деятельность А. Грызова, вместившая в себя наряду с поэтическим творчеством огромную работу по “собираанию” культурных сил России для созидания её будущего, к сожалению, малоизвестна и недостаточно изучена.

Одним из важнейших для самого А. Грызова было стремление сохранить в годы эмиграции, на чужбине, историко-культурные корни российского казачества. Данное направление социокультурной жизни российских эмигрантов на Востоке представляет собой особое и вместе с тем масштабное явление, которое включало в себя общественно-культурную и творческую сферы жизни.

В середине 1930-х годов в Харбине выходил журнал *“Иркутский казак”*, в настоящее время являющийся библиографической редкостью. Свою главную задачу издатели журнала видели в том, чтобы сохранить лучшие

традиции, духовно-нравственные основы российского казачества. Своё историческое предназначение казачество видело в том, чтобы быть боевым авангардом России, оставаться таковым вопреки изменившимся историческим обстоятельствам. Верой в возрождение казачества и его культурно-исторической миссии в судьбе России пронизаны все материалы “Иркутского казака” за 23 апреля – 6 мая 1935 года. Эта высокая цель-мечта нашла своё поэтическое воплощение в строках стихотворения **“К Войсковому Празднику Казаков-Иркутян”** поэта-эмигранта **Б. Сакина**:

И настанет же день, – этот день недалек!
Разгорится в пожар огонёк.
Зарубежный и местный сольётся казак
(Кровь одна, ведь, – казачья! – Ведь так?)
Чтоб распятую Русь вместе снять со Креста,
Освящённого Кровью Христа.

Оказавшись в эмиграции, казачество черпало силы в своем Братстве, которое способствовало сохранению Веры в будущее свое и России.

Небольшое стихотворение **И. Томаревского** называется символически – **“Вера”**.

По путям всего света, дорогам,
Разбрелися бойцы-казаки,
И хоть наги они и убоги,
Зато в вере и в правде крепки.
Уходя на чужбину, сумели
Они в сердце своём сохранить,
Что всегда от рожденья имели,
Что до смерти умеют любить:
Это – веру в Россию живую,
В её новые, лучшие дни.
Эту веру, как тайну святую,
В своем сердце хранят казаки.

В этом же номере помещена статья **“На казачьей завалинке”**, подписанная именем “Старый Грызов”. В ней А. Грызов вспоминает “казачью станичную завалинку”, на которую любили “после празднества церковного и общественного торжества” собираться казаки на беседы “и про себя, про старину, и житейское современное, и наставление молодежи...”

Выражая тревогу в связи с падением авторитета казачества внутри России, А. Грызов выдвигает главную задачу перед казаками-эмигрантами: “рассказом и показом поднять добрую славу, восстановить доброе имя и разоблачить клеветничество, защитить доброе имя от злостных изветов. Общими силами, и общее казачье дело, станичное, войсковое, всеказачье.”

В казачестве А. Грызов видит особую силу, способную сохранить полезное из старого и взять лучшее у нового: “Старое и новое – все, что на добро – все нужно, все полезно. А что на зло, – старое ли, новое ли, молодое ли – все вредно».

Свою статью А. Грызов заключает словами о сути исторического предназначения казачества и обращением к молодому поколению казаков: **“Казачество едино. И в его единении – сила. И в его силе – значение его для России. Казачество – для России.** Взаимное сближение, доверие, согласование. Веруйте в Бога, делайте по вере. Живите по правде, делайте доброе. Работайте... прежде всего, в самих себе, каждый над собою... Добро будет и во всем мире. Наряду с материальным благополучием, физической гигиеной, – и гигиена нравственная, духовная...”

У А. Ачаира много стихотворений посвящено Сибири, которую автор любит, помнит и о которой часто поёт. Теме сибирского казачества А. Ачаир также уделяет много внимания.

Помня его поэму “Казачья”, а также стихи о жизни и настроениях Иркутского казачества, можно с полной уверенностью утверждать, что А. Ачаир является одним из создателей казачьего эпоса в эмиграции. Казачий быт, славное и грозное казачье прошлое, казачьи песни прекрасно удавались автору. Его стихотворение **“Деды!..”** из сборника **“Полынь и солнце”** (Харбин, 1939) наполнено чувством благоговения, почтения и высокой грусти перед славным прошлым:

... и каждый говорит, как сказку про судьбу,
как все они вели жестокою борьбу;
как строилась земля, как ширилась веками,
как охранялась Русь своими казаками.

Как Бульба воевал, как вырос тихий Дон,
как забурлил Яик, как стал защитой он;
как раз пустив струги по Чусовой с Урала,
Россия выросла и как великой стала

из всех чудесных стран чудеснейшей страной.

«Так дедовская Русь построена и мной?» –

и мальчик, пасынок страны своей, в изгнанье,
прижавшийся к отцу, весь в робком ожиданье:
когда его страна, где он *не может быть*,
всех дедов и его научится любить?..

Тема казачества, России сопряжена в этом стихотворении с темой изгнанничества, главной темой в литературе эмиграции.

А. Ачаир не был единственным, кто поэтически воспевал казачество. **Мария Волкова** (по мужу Энгельбергер; 1902, Усть-Каменогорск – 1983, Германия) своей главной темой считала казачество. Тема Родины и казачества были взаимопереходящими в её первом поэтическом сборнике **“Песни Родине”** (Харбин, 1936) и во втором, уже вышедшем в Париже в 1944 году (“Стихи”). А в названном выше журнале “Иркутский казак” М. Волкова опубликовала свое стихотворение **“Последний день”**, которое во всей полноте передает трагедию российского казачества в годы гражданской войны:

Нам сказали, что враг недалеко,
И, едва покормив лошадей,

Мы отправились ночью глубокой
Из уснувшей деревни скорей.
Мы не спали четвертые сутки,
И опять приходилось не спать,
И кошмар неизвестности жуткий
Вновь в ту страшную ночь испытать.
Безотрадные, тяжкие думы
Сил не стало уже отгонять...
А мужик-проводник наш угрюмый
Нас, казалось, замыслил предать:
По каким-то тропинкам нас вел он
И дорогу найти обещал.
Лес был дикого ужаса полон,
Лес скрипел, завывал и стонал...
В бурной пляске сибирской метели
Помутилась небесная твердь.
И надежды совсем догорели,
И почудилась близкая смерть...
На рассвете мы вышли к дороге,
Проводник же куда-то исчез.
И как будто в глубокой тревоге
Все шептал затихающий лес...
По опущенной снегом поляне
Утром тихо, устало мы шли...
Это утро в кровавом тумане –
Как его пережить мы смогли?
Но, увы, – и не все пережили!
Помню – выстрелы... Лица врагов...
Нас толпою они окружили...
Сердце сжалось... но не было слов...
Все погибло! Людей нет любимых, –
Только трупы в крови на снегу!
Сколько пыток и мук нестерпимых,
Ждет теперь нас на каждом шагу!
Не позволили даже проститься!
Мертвых грабили... Слышался смех
О, за что все, – рассудок мутился, –
За какой неискупленный грех.
Все погибло. Но мы не рыдали,
Шли безмолвно, куда нас вели:
Свое горе мы стойко скрывали
И святыню свою берегли!
Сосчитав, по саням рассадили,
Повезли, как сказали, в тюрьму.
Ко всему безучастны мы были,

Погрузились в кромешную тьму...
... А они, затаивши обиду,
На поляне остались лежать...
И в ночной темноте панихиду
Стали звери по ним совершать!

Тема казачества, основательно забытая официальной советской литературой, в творчестве казаков-эмигрантов сохраняла связь с исторической традицией русской культуры и духовности.

Сохранение и воплощение духовной и исторической миссии российского казачества в поэзии и песенном творчестве является истинно патриотической миссией большей части россиян, оказавшихся за пределами Отечества, но не порвавших с ним внутренних связей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Опираясь на стихотворение Л. Андерсен, отметьте на географической карте места расселения русских эмигрантов в XX веке.
2. Раскройте историко-культурный и метафорический смысл названия Харбинского кружка искусства, науки и литературы, созданного русскими эмигрантами («Молодая Чураевка»).
3. Сформулируйте главные темы поэзии А. Ачаира. Аргументируйте их связь с традициями русской классики и современной А. Ачаиру российской поэзией.
4. Раскройте своеобразие художественного преломления темы России в творчестве А. Ачаира.
5. Какие особенности звукового строя стиха нашли свое отражение в поэтических переводах А. Ачаира из китайской поэзии?
6. Какие просветительские, идейно-художественные цели преследовали создатели литературно-художественного сборника «Багульник»?
7. Почему тему казачества в поэзии Дальневосточной эмиграции можно назвать новой в русской литературе пооктябрьского периода?

ВКЛАД РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПРОЦЕСС СБЛИЖЕНИЯ КУЛЬТУР И ЛИТЕРАТУР ЗАПАДА И ВОСТОКА

В последнее десятилетие XX века заметно вырос научный интерес к многоаспектному изучению русской дальневосточной литературной эмиграции как важной составляющей отечественного и мирового историко-литературного процесса и неотъемлемой части русской и мировой культуры. В результате глобальных социально-политических перемен в России в конце 10-х годов XX века Китай, как соседнее государство, принял к себе и дал возможность жить и трудиться огромному числу русских беженцев и вынужденной бежать за пределы России части белой армии. Значительную

часть российской эмиграции на Восток составляла творческая и научная интеллигенция. Покинувшие Россию писатели, художники, музыканты, ученые, оказавшись лицом к лицу с новой для себя восточной культурой, чтобы не растратить, а приумножить свой творческий потенциал, были поставлены перед необходимостью постигать тайны и загадки незнакомой культуры, вовлекать обогащающие элементы этой культуры в свое творчество.

Большой вклад в процесс взаимного узнавания и поистине исторического сближения культур и литератур Запада и Востока внесли своей литературной и общественно-культурной деятельностью такие русские писатели дальневосточной эмиграции, поэты и прозаики, как Всеволод Н. Иванов, Валерий Перелешин, Арсений Несмелов, Михаил Щербаков и другие. Тема Востока и Китая, в частности, стала одной из главных в творчестве многих русских писателей дальневосточной эмиграции. Русские писатели, приверженцы темы Востока, оказавшись в Китае в 1920–1930-е годы, предпринимали неоднократные и серьезные попытки создать свои литературно-художественные объединения и содружества, наладить в них выпуск периодических изданий, нацеленных на глубокое изучение и научно-художественное постижение истории, культуры и литературы Востока. Постоянным соперничеством в этом отношении отличались Харбин и Шанхай. Большинство из увидевших свет таких изданий стало библиографической редкостью, труднодоступной даже для исследователя.

Поистине подвижнической была работа создателей и участников литературно-художественных альманахов, посвященных изучению российскими исследователями, писателями и художниками истории и культуры Китая и приближения его читателю-соотечественнику. Нами установлен факт выхода в Шанхае в начале 1920-х годов альманахов *"Дальний Восток"* (1920), *"Желтый лик"* (1921) и *"Китай"* (1923). Два последних вышли под редакцией издателя Э. Е. Магарам, который открыл их публикацией своих обширных, внимательных и поучительных наблюдений над жизнью и бытом китайцев под названием, аналогичным названию второго альманаха, *"Желтый лик (Очерки одного странника)"*. В одном из этих очерков, *"Смеющийся Будда"*, автор знакомит читателей со скульптурой Смеющегося Будды, символизирующего благоволение ко всем людям, добрым и злым, без различия. В редакционной статье альманаха *"Желтый лик"* сформулированы главные цели издания: ознакомить русских читателей с Китаем, с его духовной и материальной жизнью, с его своеобразной культурой и искусством. При этом совершенно справедливо отмечено, что русская литература крайне бедна произведениями, рисующими жизнь Китая. Английская, французская и немецкая публика, замечает редактор, поставлена в более благоприятные условия, чем Россия, хотя она *"непосредственно граничит с Китаем на протяжении нескольких тысяч верст"*. Поэтому редакция взяла на себя право использовать переводные статьи с английского, немецкого и французского о Китае, *"способствующие постичь непонятную нам душу великого народа"*. Так, в переводе с французского И. Евельич в

"Желтом лице" представлена статья Л. Верлей "Китайское искусство". Западная культура по-своему помогала сближению России и Востока. Создатели "Желтого лица" и "Китая" прекрасно осознавали важность и своевременность появления таких альманахов. "Мы верим, мы убеждены, что такое издание полезно и необходимо, – прозорливо отмечали они. – Тем более оно необходимо сейчас, когда Русский Дальний Восток переживает трагедию, в которой, – кто знает? – быть может и Китаю суждено сыграть видную роль..."

Содержание альманахов поражает богатым разнообразием. Оно включает в себя поэзию и прозу, как русскую, так и переводную с китайского. Поэзия Китая представлена произведениями таких авторов, как Фань-Юнь ("Тайна..."), Чан-цзы ("Искушение..."), Тан-гу-лунь («В корчме»). В альманахе "Китай" опубликован большой очерк «Знаменитые китайские наложницы» (автор – М. В. М-ч), в который включены стихотворения классиков китайской поэзии, посвященные воспеванию красоты этих женщин. Здесь помещены стихотворения Ли-Тай-Пою, Лу-Кой-Мон, Чан-Ю, Ван-Чэн-линь и других поэтов. Теме Востока посвящали свои стихи и русские поэты дальневосточной эмиграции. Широко известный в эмигрантских кругах поэт и переводчик с китайского Михаил Щербаков опубликовал в альманахе "Китай" свое стихотворение *"Царь-Дракон"*, написанное в 1921 году по пути в эмиграцию в бухте Сидеми, что на границе с Кореей. Его опубликованный в этом альманахе сонет *"Женьшень"*, созданный во Владивостоке в 1922 году, несет в себе духовно-нравственный мир народов Востока, вбирающий много общего с миропониманием и мироощущением других народов мира. Сама природа стоит на страже духовности и нравственности человека, утверждает этим сонетом русский поэт, разделяя идею гармонии человека Востока и природы как основополагающую для человеческого бытия вообще.

Проза альманахов включает в себя китайские народные сказки ("Жертвы солдата", "Лодочник и колдунья", "Злая жена", "Зуб за зуб", "Обжорливый черт", "Поздняя месть" и другие), переведенные с французского текста Э. Е. Нарымским. Общественно-политическим проблемам современного Китая, его истории и истории его культуры посвящены статьи Василия Темного "Международное положение Китая", "Возрождение Китая", Николая Черного "История Китая", Е. А. Федорова "Китайская живопись". Многие тексты альманахов содержат глубокие историко-культурные комментарии, профессионально иллюстрированы.

В эти годы в Харбине был налажен выпуск литературно-художественного ежемесячника *"Окно"*, тоже обращенного к проблемам Востока, но в более тесной связи с проблемами России. Мы располагаем данными о выходе в свет двух номеров этого уникального издания (за ноябрь и декабрь 1920 года). Опубликованные в "Окнах" художественные произведения российских поэтов и прозаиков, оказавшихся в Китае в эмиграции или побывавших непродолжительное время в Харбине, отражая более широкий, философский взгляд на произошедшее в России в конце

второго десятилетия XX века, стали своеобразным вкладом в процесс культурного осмысления поистине исторического поворота в истории России. Позиция создателей "Окна" была обогащена мудрой жизнепонимающей и жизнеутверждающей философией Востока. Эти два журнала российских эмигрантов стали выражением патриотической устремленности их создателей, попыткой "открыть окно" в Россию с Востока, чтобы помочь ей преодолеть крутой поворот истории. Журнал в равной мере был адресован как эмигранту, так и читателю, оставшемуся в России. Первый номер журнала "Окно" 18 ноября 1920 года был отправлен из Харбина в Москву М. Горькому, о чем свидетельствует сделанная от руки надпись на обложке журнала, хранящегося в отделе Русского зарубежья Российской государственной библиотеки. Создатели "Окна", утверждая вечность, высоту искусства, не уходят от жизни с ее проблемами в сладкий мир грез. "Искусство – над пушкой и над лафетом, – читаем мы в редакционной статье первого номера. – Оно – небо жизни". Именно искусство должно стать светочем, путеводной звездой, оно призвано помочь миру не упасть в бездну мрака и тьмы. "Мы не уклоняемся от жизни... Не закрываем очей на происходящее. Но в наших душах нет места для ужаса и боязни, потому что в них вливается не только железно-чугунный раскат ломающихся и строящихся дней, – но и вещая песня любви, творчества и покоя, придуших на смену стальному лязгу борьбы".

В первом номере журнала "Окно" свое непосредственное участие в литературной жизни русского эмигрантского Китая начал публикацией трех своих сонетов, нигде и никогда не печатавшихся позднее, Вс. Н. Иванов (1888–1971). Его философские сонеты ("*Видение*", "*Дьявол*", "*Финикия*") были рождены грозным временем революций и гражданской войны и передают глубоко потрясенное, хаотическое состояние духовно-нравственной жизни тогдашней России. В известных нам двух номерах "Окна" свои произведения опубликовали многие русские писатели, получившие известность и признание в эмиграции, а много позднее и на Родине. Это Сергей Алымов, Федор Камышнюк, Венедикт Март, Сергей Третьяков, Арсений Несмелов, Николай Алл, Леонид Астахов, Михаил Щербаков и другие.

С середины 1920-х годов атмосфера общественной и культурной жизни русских эмигрантов в Харбине начала меняться. Наметился повышенный интерес к вопросам культуры и искусства, в том числе литературы. Более высокого уровня достиг и творческий интерес литературной эмиграции к теме Востока. Жившие в Харбине русские писатели, увлеченные темой Востока, предприняли в 1931 году издание литературно-художественного сборника "*Багульник*". Свое символическое название сборник получил по имени особо почитаемого в Манчжурии растения, которое начинает цвести первым. Редактором-издателем "Багульника" стал Ф.Ф. Даниленко.

Главная направленность этого издания – изучая Восток, служить России – была выражена в Предисловии к первой книге сборника (Харбин, 1931): "Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию". Служа таким

своеобразным образом России, писатели, участвовавшие в создании "Багульника", объективно служили процессу взаимного узнавания и сближения двух культур, Востока и Запада. Одной из самых ярких публикаций "Багульника", как отметила в свое время эмигрантская критика, был путевой очерк Вс. Н. Иванова "Пекин", представляющий собою записки путешественника, мыслителя и художника слова, пылливо стремящегося заглянуть за грань видимого, проникнуть в суть и сущность явлений и предметов, открываемых писателем не только для себя. Обладая уникальным опытом работы во многих крупных библиотеках и архивах России, Германии и Китая, Вс. Н. Иванов в кратчайшие сроки создал в эмиграции политико-экономические региональные обзоры всех 23-х провинций Китая. Его перу принадлежат значительные труды об истории и современных проблемах Китая: "Манчжурия и КВЖД", "Китай и его 24-я революция", "Китай, Россия, КВЖД и Манчжурия". Свой неуклонный интерес к Востоку этот писатель, журналист, поэт и мыслитель продолжил реализовывать, предприняв в 1932 году в Тяньцзине, где проживал непродолжительное время, издание общественно-литературного журнала, посвященного Востоку, под названием "*Азия*".

Расцвет русской журналистики в 1930-е годы переживал и Шанхай. Шанхайская "богема", как называли себя художники, литераторы, артисты и музыканты, создала широкую сеть кружков и обществ ("Шанхайская Чураевка", "Понедельник", "Восток" и др.). Многие из них, оставаясь приверженцами темы Востока, его особой роли в истории России, издавали свои журналы. Содружество литераторов "Понедельник" учредило свой печатный орган с таким же названием. Журнал *«Понедельник»* выходил в период с 1930 по 1934 годы. Восточная тема в первом номере журнала была представлена очерком М. Щербакова "По древним каналам", во втором номере она была значительно расширена статьей Е. Федорова "Хань Чжоу", а также переводами с китайского Ф. Даниленко. М. Щербакова. В рассказах К. Батурина "Шаньдун" и А. Несмелова "Le Sourire" содержалось немало интересных реалий китайской жизни тех лет. Проза в журнале была представлена В. Логиновым, Вс. Н. Ивановым, присылавшими свои произведения из Харбина; поэзия - А. Несмеловым, Л. Гроссе, Т. Андреевой, Н. Щеголевым, М. Спурготом, В. Янковской, присылавшей стихи из Кореи.

В декабре 1933 года после выхода из содружества "Понедельник" большой группы молодых литераторов в Шанхае было создано новое литературно-художественное объединение "*Восток*". К нему в скором времени примкнули многие из иногородних членов-корреспондентов "Понедельника" во главе с Вс. Н. Ивановым и А. Несмеловым. Самим названием новое объединение литераторов еще заметнее актуализировало тему Востока в творчестве эмигрантов. Для реализации творческих планов "Восток" учредил свой печатный орган, журнал "*Врата*". В редакционной статье первого номера журнала была изложена эстетическая программа объединения, выработка которой была обусловлена глубоким пониманием

сложившейся историко-культурной ситуации и стремлением утвердить значимость и значительность культурного вклада в нее российской интеллигенции, заброшенной на Восток. При этом подчеркивалась значительность роли русской культурной и литературной эмиграции Востока в раскрытии культурно-художественных богатств этой малоизученной и малоизвестной части мира с целью приблизить Восток своему соотечественнику. Перед творческой интеллигенцией России, оказавшейся в Китае, ставились две главные задачи. Во-первых, отразить, чем внутренне живут на Дальнем Востоке русские писатели и художники, занесенные сюда волною революции, и как претворяется в их творчестве этот своеобразный и самобытный мир. Во-вторых, показать русскому читателю хотя бы частицу культурно-художественных богатств Востока, о которых все еще так мало было сказано в русской литературе. Восток велик, подчеркивалось в этой статье, ибо он дал миру все великие религии. Само время выдвигало Восток на авансцену мировой цивилизации, диктовало потребность и необходимость его изучения и познания в интересах прогресса всего человечества. "Живя в обстановке стран древних азийских культур, – отмечалось в редакционной статье, – мы поставлены в особо выгодные условия для продолжения культурно-исторической роли нашей Родины – связующего и связывающего звена между Востоком и Западом, черпающего и сплавляющего в себе лучшее, что есть в обоих, для создания чего-то Третьего, которому, быть может, и суждено примирить современную культуру с современной цивилизацией".

Художественные и научно-художественные произведения, представленные только в двух первых номерах журнала "Врата", свидетельствуют о глубинном постижении русскими писателями и учеными тайн восточной философии, миропонимания, поэтики и творческом использовании богатств восточной культуры и литературы.

Заметно расширились географические горизонты осваиваемого художественного пространства. Авторы все чаще стали обращаться к темам, связанным с другими странами Востока, с Японией, Кореей. Во "Вратах" увидели свет такие статьи авторов: "Листы дневника" Н. К. Рериха, "Сокровища китайского искусства" Л. В. Арнольдова, "Учение Дао" Синолога, "Китайский иероглиф" Е. А. Федорова, "Бусидо (нравственный кодекс самурая, или Душа Японии)" А. А. Цепушелова. Теме Востока была посвящена и значительная часть поэтических произведений этого журнала. Это стихи А. Несмелова "Хунхуз", М. Щербакова "*Стихи императора*", "*Японский храмик*", "*Вишня*", "*Танка*", Т. Андреевой "*В храме Ми-син*" и другие. Японская тема, заявленная в стихах М. Щербакова не только через содержание, но и через поэтическую форму японской классической поэзии (танка), находит свое дальнейшее развитие в традиционно нерифмованных четырехстрочных "*Японских стихах*" Вс. Н. Иванова, опубликованных во второй книге журнала "Врата" (Шанхай, 1935).

Глубокое постижение национальных традиций восточной культуры, уважение к духовной жизни другой нации умножалось российской

творческой интеллигенцией на стремление найти точки соприкосновения в духовной жизни народов разных культур, которые бы не разделяли, а соединяли людей, независимо от их национальной принадлежности, – к такому горизонту шли в своем творчестве русские писатели дальневосточной эмиграции.

Литературное наследие писателей дальневосточной эмиграции призвано занять свое место в отечественном историко-литературном и культурном процессе. Онтологические и гносеологические аспекты интеграционных процессов, происходящих во всех основных сферах жизни: экономике, политике и культуре – рубежа XX и XXI веков, с уникальной полнотой и своеобразием нашли свое отражение в творчестве писателей дальневосточной эмиграции.

Явление дальневосточной эмиграции в XX веке стало знаковым историко-культурным фактом «встречи» двух географически соседних культур, но по своей сути глубоко своеобразных, культур Запада и Востока. Российские писатели, принеся с собой на Восток, главным образом в Китай, духовное богатство русской культуры, испытали на себе мощное, завораживающее влияние древнейшей восточной культуры. Многогранный процесс взаимовлияния культур стал закономерным следствием этой поистине судьбоносной «встречи». Постижение основ культуры Китая обнажило перед представителями другой, западной, культуры глубинную общность двух культур, базирующихся на идеалах гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Тема Востока и китайской культуры многоаспектно проявилась в творчестве многих русских писателей, волей судьбы оказавшихся в первой половине XX века в Китае.

В полной мере не оцененной остается переводческая деятельность русских писателей: П. В. Шкуркина, И. Г. Баранова, А. Н. Серебренниковой, Н. Светлова, М. Щербакова, В. Перелешина и других. Я. Аракин, один из первых переводчиков китайской классической поэзии, в 1926 году в Харбине издал книгу «*Китайская поэзия*».

Валерий Перелешин (1913–1992 гг.) переводил, например, китайских поэтов Золотого века (эпоха Танской династии, 600–900 гг. до н. э.) – Ли Бая (Ли Бо), Чжан Цзи, Ван Вей и др. Живя уже в Бразилии, он издал свои переводы как антологию китайской поэзии «*Стихи на веере*» (1970) и поэму «*Ли Сао*» (1975). В последние годы его жизни фрагменты переводов В. Перелешина появились в России. Так, журнал «Проблемы Дальнего Востока» (1990, № 3) опубликовал его перевод знаменитого философского памятника китайской культуры, созданного в IV–III вв. до н. э., – «*Дао-дэ-цзин*». Зарубежный литературный критик Василий Бетаки отмечал: «Перелешин олицетворяет одно из коренных свойств русской культуры: открытость всем культурам мира, их освоение и усвоение самым органичным образом. Когда переводит он китайскую классику, получается удивительное слияние китайской и русской поэтических традиций...».

Китай был для В. Перелешина второй родиной (третьей стала Бразилия). Образ Китая присутствует во многих его стихотворениях. Неповторимые реалии китайской жизни становятся для него емким художественным образом, исполненным философского смысла, а не просто мимолетным экзотическим символом. Изогнутый китайский мостик (стихотворение «*На середине моста*»), восточный лотос, памятные места, связанные с древней историей, где в соснах таятся «шорохи столетий», где «похороненные ханы // во сне сраженья видят и пиры...». Обращаясь к Китаю, он пишет: «... И родные озера, озера! // Словно на материнскую грудь, // К ним я, данник беды и позора, // Приходил тишины зачерпнуть». В 1968 году, в Бразилии, он издал сборник стихов «*Южный дом*», в котором много исполненных лиризма, ностальгических стихов, посвященных китайской теме («*Ностальгия*», «*Три родины*» и др.). Там он пишет:

Ты пойдешь переулками до кривобокого моста,
Где мы часто прощались до завтра... Навеки прощай,
Невозвратное счастье! Я знаю спокойно и просто:
В день, когда я умру – непременно вернусь в Китай.

Свойство русского человека впитывать глубины «чужого», оставаясь русским, В. Перелешин проявил, научившись за 30 лет жизни в Бразилии писать стихи и на португальском языке. Однако боль утраты России оставалась неизбывной. В стихотворении «*Заблудившийся аргонавт*», перекликающемся с поэзией Н. Гумилева и являющемся концептуальным для творчества В. Перелешина и всей русской эмиграции, автор воссоздает поэтическую и философскую автобиографию и вместе с тем создает глубоко драматический национальный образ странника, утратившего родину:

... Так, не зная, что мир мой тесен,
Я старел бы, важен и сыт,
Без раздумчивых русских песен,
От которых сердце горит.
А теперь, словно голос долга,
Голос дома поет во мне,
Если вольное слово «Волга»
На эфирной поет волне.

Оттого, что при всей нагрузке
Вер, девизов, стягов и правд,
Я – до костного мозга русский
Заблудившийся аргонавт.

Вместе с тем, именно благодаря открытости русской культуры к восприятию, в творчество российских писателей вошли некоторые из особенностей восточного мировосприятия, такие, например, как созерцательность, тяга к живописному письму. Этим свойством разомкнутости в мир объясняются появившиеся в русской культуре и литературе существенно обогатившие ее крупницы духовной и материальной культуры Китая, его природы и быта.

Темы России и Китая в творчестве писателей дальневосточной эмиграции часто сопрягаются, органично переплетаясь, например, в творчестве М. Волина (*«Россия»*, *«Стихи о Китае»*). Специфика культуры и природы Китая способствовала рождению поэзии, пронизанной общей для всех культур гуманистической идеей – красота сближает. Этому посвящены малодоступные для широкого читателя стихотворения Марии Визи (*«Китайский пейзаж»*, *«На китайском хуторе»*), Елизаветы Рачинской (*«Лотос»*), Александры Паркау (*«Лунный Новый год»*, *«По китайскому календарю»*, *«Харбинская весна»*), Ольги Тельтофт (*«Весна /подражание танка/»*, *«Над озером – белые голуби»*), Николая Светлова (*«Цветок Ван-Хао /из китайской философии/»*, *«Новый год Китая»*), Вс. Н. Иванова (*«Китайцы»*, *«Синий дракон»*).

Лидия Хаиндрова в стихотворении *«Китайская пашня»* откликнулась на народную китайскую мудрость культа предков, безусловно, сопрягая ее с современным состоянием мира внешнего и мира духовного: «Осторожно проходи по пашням: // Мирно спят здесь прадеды твои, // Охраняя твой посев вчерашний // Всем долготерпением любви». Владимир Слободчиков в китайской заунывной мелодии услышал человеческую тоску, близкую душе его лирического героя: «Китайский незатейливый смычок, // спеша, поет в соседнем темном доме// о верности, о ласке, об истоме, // о тех, кто счастлив и не одинок». Поэта Николая Светлова увиденная на улице банальная жанровая сценка побудила к созданию философски обобщенного образа изгнанника, несущего в себе драматическое ощущение собственной ненужности, одиночества. Философские темы цены и ценности жизни возникают буквально из «прозы жизни». Одной из примечательностей жизни китайцев были уличные мастера, которые с необыкновенной ловкостью и быстротой на глазах у зрителей создавали чудесные фигурки военных, купцов, красавиц и стариков: «...Недолго на свете живут фигурки...// Цена им – пятак, чтоб прожить два дня.// Рассохнувшись быстро, – в мусор, в окурки // Летят их тела, к потехе дворняг.// Фигурки из теста! Так странно схожа // Судьба ваша – с черной судьбой людей; //Но только за жизнь мы платим дороже, // И мачеха-жизнь к нам еще лютей».

В шанхайском журнале «Врата» в 1934 году были опубликованы стихотворения Вс. Н. Иванова, связанные с восточной тематикой и навеянные особенностями китайского уклада жизни, традиций этого народа. Эти стихи были написаны в Харбине в 1929 году. Одно из них, *«Сумерки»*, представляет собой художественно-поэтическую зарисовку, близкую кисти художника. Талант Иванова-художника, тяготеющего к передаче мира своих внутренних ощущений через многообразие красок, тонов и оттенков, близкий восточной изобразительной манере письма, проявился в этом стихотворении ярко и выразительно:

Из голубого в палевый	Изогнутое дерево
Спустился цвет небес.	Прорисовала кисть.
Опаловый, эмалевый	Лазорево и хмелево
На нем горы отвес.	В полях дымки свились.

И близко над оврагами
Из глины битый дом
Уж светится бумагою
Заклеенным окном.

Стихотворение «*Харчевка*», с не очень поэтическим, на первый взгляд, названием обращает читателя к совершенно другой, плотской стороне жизни китайцев, через прозаические детали быта воссоздавая своеобразие уклада жизни целого народа. Облекая в поэтическую форму бытовой эпизод из жизни китайцев, поэт Иванов утверждает значимость и ценность всех проявлений человеческой жизни, одновременно говоря, что нет непоэтических тем. За основу поэт берет не случайный эпизод из быта китайцев, а эпизод, всколыхнувший душу автора. Стихотворение обнажает скрываемую боль лирического героя, прошедшего через огонь и кровь гражданской войны. Осмысление бытового факта разделки туши животного приобретает философское звучание через особую метафоричность и антитетичность соседствующих лексем («стынет кровь», «рубиновое мясо», «рваное окно» и т. д.):

В фарфоровом тазу при входе стынет кровь;
Кругом лежит рубиновое мясо.
Впервые с дней войны в Китае слышу вновь
Знакомый сладкий и дурманый запах.
Огонь под очагом танцует и гудит,
Кот изгибается в меланхоличной лени,
И томный китаез задумчиво вертит
Над круглой кадкой круглые пельмени.
Два желтых мужика едят из чашек рис,
День – в рваное окно – победоносно светел,
А у дверей качает вверх и вниз
Бумажные цветы декабрьский теплый ветер.

Два мироотношения соприкоснулись в одной точке жизни и обнажили два различных мироощущения. Напряженному, драматическому мироощущению лирического героя противоположно спокойное умиротворение китайцев, живущих обыденной, размеренной мирной жизнью. Стихотворение словно приоткрывает дверь в новый, малознакомый мир жизни другого народа, не навязывая никаких оценок.

В процесс взаимовлияния культур и литератур не в меньшей мере оказались вовлеченными и прозаические жанры творчества писателей дальневосточной эмиграции. Во втором номере журнала «Врата» Вс. Н. Иванов, следуя в главном русле тематической направленности этого издания и литературного объединения «Восток», созданного русскими писателями в Шанхае, предлагает читателю две сказки на восточную тему. На традиционном месте эпиграфа к сказкам автор делает предваряющее замечание: «Темы двух нижеследующих сказок любезно сообщены проф. Я. Я. Брандттом, в Пекине. Вс. И.». Эти сказки («*Экзамен на духа-покровителя города*» и «*Любовь к цветам*») Вс. Иванов, по всей видимости, написал в

Тяньцзине, где находился в тот короткий период жизни и откуда прислал в альманах. Главный герой сказки «Экзамен на духа-покровителя» назван именем духовного учителя всех китайцев – Дао. Вс. Н. Иванов в основу своего произведения кладет Учение Дао, для чего, явно и с просветительской целью, цитирует отрывки из его Учения:

Добро и зло в одном лишь не пребудут.

До двух нам надобно, по крайней мере, счесть.

Добро с намерением в добро считать не будут.

А зло случайное во зло вам не зачесть.

Сказка «Любовь к цветам» знакомит читателя с появлением одного из духовно-нравственных обетов китайцев, обета любви. В городе Шан-ли, рассказывает Вс. Н. Иванов, жил справедливый человек Чжан, который свято хранил обеты и не знал женской любви. Он ухаживал за цветами в саду, среди которых были белые и красные пеоны. И вот однажды красный пеон перевоплотился в изумительно прекрасный женский образ. Это была Чжи-Э, которую Чжан отвоевал в прежней жизни и любил. И в тот же миг он почувствовал, как женскими образами «исходил аромат сада, и через тысячи переселений шла великая любовь, ароматная, как цветы». И тогда Чжан написал новую настенную табличку:

- Любовь к цветам.

Новая табличка стала символом трепетного, верного отношения к любви».

Литературное творчество писателей дальневосточной эмиграции, развиваясь в условиях толерантности, имело богатые возможности сохранить все самое ценное из гуманистического наследия русской классической культуры и литературы, что само по себе было задачей высокой, поистине миссионерской и служило будущему России. Вместе с тем развитие литературного творчества писателей дальневосточной эмиграции существенно обогатило отечественный литературный процесс XX века влиянием древней восточной культуры и обнажило их во многом общие основы, общечеловеческие идеалы и ценности, гуманистические основы искусства Запада и Востока.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какие литературно-художественные альманахи, издаваемые российскими эмигрантами в Китае в 1920-е годы, популяризировали тему Востока?

2. Какую роль, по мнению издателей альманаха «Жёлтый лик», мог сыграть в судьбе России Китай?

3. Почему один из литературно-художественных ежемесячников Харбина получил название «Окно»?

4. Какова главная направленность литературно-художественного сборника «Багульник», издаваемого российскими эмигрантами в Харбине в 1930-е годы?

5. Печатным органом какого литературно-художественного объединения стал журнал «Врата»? Какова эстетическая программа этого объединения?

6. Сделайте письменный идейно-художественный анализ одного из стихотворений Вс.Н. Иванова из цикла «Японские стихи». (Текст дан в приложении).

7. Какие особенности восточного мировосприятия, благодаря открытости русской культуры, вошли в творчество российских писателей дальневосточного зарубежья и обогатили его?

8. В каких стихотворениях В. Слободчикова, Л. Хаиндровой и Вс.Н. Иванова нашли свое воплощение восточные мотивы?

РУССКИЕ В АВСТРАЛИИ: ИСХОД РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

Изучение литературы российской эмиграции XX века приобрело широкий и многоаспектный характер на рубеже XX и XXI веков, когда особо ощутимой стала потребность в осмыслении отечественной истории и истории литературы в историко-культурном контексте времени. В поле зрения исследователей начали включаться все новые и новые пласты литературы русского зарубежья, призванные воссоздать и отразить как можно шире, полнее и глубже духовно-нравственные, идеологические поиски способов самовыражения и самореализации наших соотечественников-эмигрантов в условиях драматически развивающейся истории XX века. Эта литература является документальным свидетельством неостановимости, неустанности поисков духа и разума русского человека, в какой бы части света он ни оказался волею личной судьбы и судьбы Отечества. Важное значение художественное творчество русских эмигрантов имеет и для воссоздания всех перипетий объективной, самодвижущейся истории.

Судьбы русских людей, оказавшихся в результате событий революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны за пределами Отечества, складывались непросто, часто самым непредсказуемым образом. В этом отношении судьба русских в Австралии, и русской творческой интеллигенции в частности, представляет собой уникальное явление в историко-культурном развитии России XX столетия. Одним из важных документов эпохи является сборник стихов русских поэтов Австралии, в котором собраны стихи участников Фестиваля русских поэтов Австралии, состоявшегося в 1970 году в Мельбурне.

Материалы сборника отражают достаточно продолжительный период истории духовной жизни, истории чувств, мыслей и чаяний наших соотечественников-эмигрантов. Поэтический сборник аккумулирует в себе боль невыразимых духовных страданий, потерь, высокую потребность

служения России и за ее рубежами (Фестиваль русских поэтов Австралии: Сборник стихов. – Мельбурн, 1971).

Австралия в XX веке приняла две волны русских беженцев. Первая волна в начале 1920-х принесла русских с Дальнего Востока и Сибири в результате краха русской белой армии. Вторая волна «пошла» после окончания второй мировой войны, она вобрала в себя беженцев из Шанхая, а также из Украины и Латвии, откуда россияне, пережив гитлеровский плен, из боязни репрессий на родине разъезжались по всему миру, в том числе и в Австралию. Русские съезжались из Украины, где им в паспортах меняли русское место рождения на западное. Не редкость было встретить человека, прекрасно говорящего на русском языке, в паспорте которого местом рождения был указан город вроде Антверпена. Порой русские вынуждены были, чтобы уехать за границу и тем самым сохранить жизнь, менять национальность, подданство, но русский язык и православную веру беженцы менять и забывать не хотели до конца своей жизни. Две волны русских эмигрантов оказались крайне необходимыми друг другу. Эмигранты первой волны призваны были помочь вновь прибывшим опытом вживания, устройства жизни на новом месте, в то время как те принесли с собой новую, свежую струю в жизнь русской эмиграции в Австралии.

Об этом во всей глубине и сложности свидетельствует творчество русских поэтов Австралии Поэт **П. Шевченко** из Сиднея, получивший на Фестивале Приз Приходского Совета Мельбурнского кафедрального собора и венки Фестиваля, в своем маленьком стихотворении *«Желание»*, развивая лучшие национально-патриотические традиции русской классики, утверждает как основополагающие духовно-нравственные приоритеты российских эмигрантов:

Уж печаль при потерях не гложет,
Я к потерям привык навек.
Потерял я все, что может
Потерять на земле человек.
Лишь осталось одно желанье,
(От желаний других я отвык) -
Сохранить до конца изгнанья
Мой великий родной язык.

Русский язык как первооснову духовного бытия нации во все периоды российской истории высоко несла русская поэтическая традиция. Самыми яркими вершинами здесь всегда оставались А.С. Пушкин и И.С. Тургенев.

Горькое слово «потеря» лейтмотивом проходит через стихотворение, по контрасту выделяя единственно главное желание для русского человека, оказавшегося в изгнании, – «Сохранить до конца изгнанья // Мой великий родной язык». Мыслеемкая рифма «навек» – «человек» расширяет масштаб лексического значения рифмующихся слов, придает им высокий смысл, высвечивая огромную силу жизнестойкости русского человека, его выдержки и терпения.

Извилистыми тропами прошли русские обитатели Австралии, «Сциллу подготовки к переселению и Харибду (консульские экзамены в Европе)» и расселились по всей Австралии. Сидней, Мельбурн, Брисбон, Тасмания – в этих городах в основном поселились россияне.

Хорошо известный восточной и западной эмиграции русский поэт **Иван Елагин** нашел свои поэтические слова, чтобы сказать о той высокой цене, что приходилось платить российским эмигрантам за жизнь в отрыве от Родины:

Год за годом – верста за верстой...// А про счастье слышали
наслышкой...// Все мы платим земле за постой // Сединою, тоской и
одышкой...//

В рассматриваемый сборник стихов включены стихотворения 34-х поэтов, из них 21 человек приняли непосредственное участие в Фестивале русских поэтов в Австралии, остальные 13 прислали свои стихи по почте.

Фрагменты поэтического творчества наших соотечественников в Австралии, представленные в сборнике, свидетельствуют о высоком понимании эмиграцией своего духовно-нравственного долга перед Россией, своей Родиной, – сохранить и в меру возможностей продолжить духовное творчество нации. Устроители Фестиваля свою главную цель видели в том, чтобы помочь своим соотечественникам «в жизненном сумбуре, сквозь грохот и холодную бездушность действительности», уставшим физически и духовно, услышать «тихие слова Светлой Музы поэзии», показать, что для них «живы и Пушкин, и Тютчев, и А. К. Толстой, и Гумилев».

Смысл своей жизни творческая русская эмиграция видела в служении России даже вне России. Можно выделить три аспекта в той высокой духовно-нравственной миссии, которую добровольно, сознательно и в высшей степени ответственно приняла на себя русская литературная эмиграция. Во-первых, русская творческая эмиграция поставила перед собой задачу – сохранить память о дореволюционной России и ее национальное самосознание, стать своеобразным «блоком памяти» своей нации.

Поэтесса **О. В. Софонова** (Сидней) в своем стихотворном послании «*России*» утверждает мысль о незыблемости, вечности «золотого сердца России» как залога ее будущего. Эпиграфом к стихотворению взяты строки Н. Гумилева, поэта, ставшего одним из светочей для российской поэтической эмиграции («Золотое сердце России // Мерно бьется в груди моей...»). В условиях нового драматического излома в судьбе России поэтесса через интертекстуальные связи с русской поэтической традицией находит духовную опору в поэтической формуле Н. Гумилева, завершая свое стихотворение строками:

Недолг мой путь, незаметен мой след
Меж узких тропинок неровных,
Но не было силы — и силы той нет!
Отнять счастье уз наших кровных.
И час мой придет. Глас услыша «Иди!»,
Растаю в извечном покое,

Все ж веря, что мерно забьется в груди
Вновь сердце Твое золотое! (с. 67)

Поэт **И. Смолянинов** из Мельбурна, получивший на Фестивале Приз «Единения», в стихотворении с аналогичным названием *«Россия»* видит свою Родину освобожденной. К этой свободе Россию должен привести великий дух, Мессия, испокон веков сопровождавший Россию. Антитетичность двух пространств и времен пронизывает стихотворение. Первая и заключительная строфы стихотворения утверждают приоритет духовной силы России, способной многое преодолеть, вытерпеть и выстоять:

На карте протянулась величаво,
Богатствами несметными полна.
В былые дни — великая держава,
А ныне — обнищавшая страна.
Настанет срок и вновь придет Мессия,
Воскреснет дух — величия веков.
И угнетенная страданица Россия
Навек освободится от оков.

Русский поэт **Г. Е. Родионов** из Сиднея в стихотворении *«Две России»* противопоставляет образу советской России, страны «подъяремной», образ России зарубежной, призванный нести высокую миссию сбережения:

Родная Россия — страда подъяремная,
От свободного мира живет отделенная.
В страданиях и рабствах народы — полвека
И властью забыты права человека.
Другая Россия — это Русь Зарубежная,
Лихая ей участь — кара неизбежная:
По миру рассеяны дети России.
Они служат делу вселенской миссии.

Берегут свою русскость, заветы родные
И прадедов веру — свое православие...

В стихотворении звучат политические молитвы, критика существовавшего в России социального строя. Вместе с тем силен и нравственный заряд стиха, в нем обличается порочность самой власти. Но стихотворение пронизано надеждой на то, что существующий порядок вещей не вечен, он носит временный характер.

Многие стихотворения участников Фестиваля запечатлели дореволюционную российскую цивилизацию, утраченную, казалось, навсегда, и вместе с тем поэтически запечатлели сохраняемые эмиграцией духовные ценности той цивилизации. Огромную роль в этом сыграла православная Церковь, именно она стала духовным стержнем русской эмиграции, без чего было бы невыполнимо выполнение эмиграцией важной функции сохранения основ русской культуры.

Один из участников Фестиваля, поэт **И. И. Ершов**, назвал свое стихотворение *«Молитва за Россию»*, призывая высшие силы на помощь в избавлении России от Зла:

Боже, спаси наш народ многогрешный
И укрепи нас для веры святой,
Родине страждущей и безутешной
Дай избавленье Твоею рукой.

Боже, соделай Руси воскресение,
Силы бесовские прочь отгони,
Жизни поруганной дай очищение,
Духом святым Ты ее озари.

Побудительные интонации придают стихотворению публицистическое, действенное звучание.

Огромную роль в сохранении духовно-нравственных основ русской жизни для эмигрантов России призвана была сыграть русская классика. Поэты-эмигранты вновь и вновь черпали в ней свои творческие и духовные силы, утверждая идеи о вечных, непреходящих ценностях жизни. Уже названная выше поэтесса **О. В. Софонова** в стихотворении «*Пушкин*» напоминает всем своим соотечественникам, живущим вне России и внутри нее, о незыблемости и неотменимости богатого духовного опыта русской классики:

Нам душа поэта о нетленном пела.
Как тогда и ныне песнь летит легка:
И стихов звенящих золотые стрелы
Облетают земли, пронизав века.

Миссия сохранения духовно-нравственных основ русской культуры настоятельно требовала установления связей с Россией большой, Россией настоящей. И в этом эмиграция видела свою вторую функцию: помочь тем силам на Родине, которые, сопротивляясь коммунистическому эксперименту, старались выжить и отстоять традиционные ценности. Более заметно это выражалось в стремлении Зарубежья, вместе со здоровыми силами в России, с так называемой «духовной», или «внутренней эмиграцией», добиваться политических перемен внутри России. Этой политической миссией российская эмиграция пыталась исполнить свой нравственный долг перед Отечеством. «Всем нам, русским людям, потерявшим Родину, захваченную темной властью, приходилось и приходится переживать немало тяжелых, зачастую страшных моментов, – читаем мы в предисловии к этому сборнику стихов. – Слов нет, трудными бывают часто условия материального характера, но неизмеримо тяжелее бывают другие моменты. Это те часы, когда начинает болеть и ныть душа человека, или протестуя против жизненных условий, когда болит каждый мускул от непривычного труда, или, что чаще бывает, мучая себя воспоминаниями далекого прошлого, накрепко связанными с лежащей в недуге смертном отчизне, и неотступным ни на минуту протестом против этого недуга, протестом, который привел всех нас сюда, во все стороны нашего великого рассеянья, протестом, который стал второй жизнью».

Своей жертвенной деятельностью эмиграция словно оправдывала свое нахождение не «с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был» (А.

Ахматова). Эта деятельность проявлялась в разных формах, в том числе и через литературное творчество, поэзию. Среди политических стихотворений, представленных на Фестивале, преобладали сатирические послания и памфлеты. Так, поэтесса из Мельбурна **А. М. Карель** обратилась с гневным поэтическим письмом *«Иосифу Сталину»*, явно опираясь на опыт пушкинских политических эпиграмм.

Политическая тема соединяется с темой нравственного долга в стихотворении поэтессы из Сиднея **М. М. Петуниной**, которая посылает *«Ответ поэту Евтушенко на его стихи «Бабий яр»*.

Тема сталинских репрессий и политических лагерей звучит в этом стихотворении как вопиющая, требующая внимания поэта-гражданина. В настоящее время эта политическая миссия эмиграции многими рассматривается как бесплодная. Ведь тоталитарный режим не был побежден внешней или подпольной силой, а изжил себя сам. Но при этом необходимо заметить, что в этом самоизживании, безусловно, заметная роль принадлежит эмигрантской литературе, которая вопреки советской цензуре все-таки «просачивалась» в общественное сознание соотечественников в метрополии.

Политическая миссия русской эмиграции, в том числе и литературной, способствовала в большой мере зарождавшимся в России силам нравственного сопротивления. Ведь без содействия русской эмиграции вряд ли могли бы приобрести должный масштаб такие выдающиеся явления русской культуры XX века, как Солженицын и Сахаров, которые, живя в России, смогли оказать своими работами огромное влияние на ход событий в стране и мире. И нельзя умалить политическую функцию эмиграции в культурной области в послесталинский период, когда в русском зарубежье началось издание книг авторов, живших в России, но не имевших возможности печататься там. Их всемирно известные произведения, лишь недавно возвращенные на Родину, помогают воссоздать подлинную картину жизни русской литературы в XX веке. Но, безусловно, самой важной функцией русской эмиграции была функция творческая, которая заключалась в том, чтобы осмыслить трагический опыт революции как опыт всемирный, способствовать осознанию того, на что способен русский человек, в разных общественных системах, человек, оказавшийся по воле судьбы и истории на Востоке или на Западе: в Китае, Австралии, Западной Европе или Америке. Этот опыт необходим как ступенька лестницы на пути человеческой цивилизации. Лишь на его основе можно осознать уровень духовного состояния человечества, равно как и понять грозящие ему новые опасности, увидеть движущие силы всех катаклизмов драматического XX века, уходящего в историю.

Уроками высокой нравственной пробы можно назвать некоторые из представленных на Фестивале произведений русских поэтов Австралии. Стихотворение поэта из Мельбурна **И. С. Яковлева** с символическим названием *«Погода»* характеризует неустойчивое, порой непредсказуемое состояние политической погоды в России не только сегодня, но и завтра.

Русь климатом плохим полвека уж страдает.

Погода скверная народ давно в дугу сгибает.

И трудно нам, сынам, погоду предсказать,

Какая перемена постигнет нас опять.

Тема неустойчивости политической ситуации в России на рубеже XX и XXI веков приобрела новое звучание.

Как отдельную страницу можно выделить прозвучавшую на Фестивале русских поэтов Австралии тему драматических судеб русских эмигрантов, автобиографическую по сути. Длинные, трудные дороги привели многих из них в Австралию. Для некоторых эмигрантов в недалеком прошлом остался один из центров Дальневосточной эмиграции — Харбин. Различную память оставил этот город в сердцах бывших русских харбинцев. Добрыми, теплыми чувствами об этом городе пронизаны стихи поэтессы из Мельбурна **А. Ф. Кузьминской «Воспоминания о Харбине»:**

Это было давно... И сейчас, как во сне

Вспоминаю с печалью невольню

Нашу прошлую жизнь в той далекой стране,

Где свободно жилось и привольно.

Там, где русская жизнь всюду бурно текла,

И культура везде процветала,

Там, где в Божиих храмах стояла толпа...

Там, где юность моя протекала...

Ностальгией по прошлому навеяно стихотворение **«О Харбине» Елены Недельской**, в прошлом тоже харбинки. «Что пройдет, – то будет мило», – именно такие строки приходят на память, когда читаешь ее стихотворение:

Мне часто кажется, что это — сон.

Что я проснусь и будет все, как прежде:

Церквей харбинских светлый перезвон,

Мой город в чистой, снеговой одежде.

И вот — стихи, похожие на стон,

Метанья от отчаянья к надежде...

Мне часто кажется, что это — сон,

Что я проснусь и будет все, как прежде.

Но память поэтического сердца хранит и другие чувства и переживания. Поэт **Г. Е. Радионов** из Сиднея стихотворение **«Эмигрантка»** посвящает «тем русским женщинам, проживавшим на Дальнем Востоке, которые потеряли своих мужей, насильно увезенных в СССР после прибытия Красной армии в 1945 г.»:

Милый друг — и душа одинокая,

Как знакомо мне сердце твое,

Твоя грусть, твоя жалость глубокая

К человечеству, бьющемуся в зле.

Пронизанное сочувствием, состраданием своим соотечественникам, это стихотворение органично вписывается в гуманистическую традицию русской классики: сопереживать и жалеть того, кому еще хуже, чем тебе.

Высокие гуманистические идеалы русской классической литературы, ее жизнеутверждающие начала побуждали соотечественников-эмигрантов, ведомых великой миссией, находить и в современной жизни нечто важное и ценное, чему отдавать свою любовь и чем дорожить.

Теме Австралии, страны, приютившей русских беженцев и создавшей условия для выполнения ими своего высокого духовно-нравственного долга, посвящены многие стихотворения участников этого Фестиваля. Так, «*Австралийские мотивы*» поэтессы **А. М. Карель** передают ощущение возвращающейся к человеку полноты жизни:

И закрытые наглухо двери
В сердце снова готов я открыть,
Чтобы нашу привычную землю
Этот раз навсегда полюбить.

Любовь к жизни — всепобеждающее начало, она превышает политики и идеологии. Мироощущение лирического героя «*Австралийской природы*» поэта **О. В. Козина** из Аделаиды близко прозвучавшему выше стихотворению.

Февральский полдень... Над холмами
Навис безоблачный зенит,
Над раскаленными камнями
Нагретый воздух чуть дрожит.
О, австралийская природа,
Ландшафт, что был вчера чужим,
Становится вдруг с каждым годом
Все больше для меня родным.

И кто твердит, что степь без жизни,
Что нет в пустыне красоты,
Тот сам присутствует на тризне
Своей же собственной души.

Настоящий сборник русских поэтов Австралии интересен не только для историка литературы, не лишен он и художественных достоинств.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какими социально-политическими причинами были вызваны первая и вторая волны русских беженцев в Австралию?

2. Сколько российских поэтов-эмигрантов приняли участие в Фестивале русских поэтов в Австралии в 1970 году?

3. Почему темы русского языка и христианской веры, наряду с темой России, стали главными в поэзии российских писателей Австралии? Приведите 2-3 примера и аргументируйте их.

4. Кто из русских классиков XIX и XX вв. были духовно-нравственной опорой и творческим светочем для русских поэтов Австралии?

5. Какой, актуальный для истории России XX века, социально-политический аспект нашел свое отражение в творчестве русских поэтов Австралии? Приведите аргументированные примеры из поэтических текстов.

6. Какие художественные мотивы сопряжены с темой драматических судеб российских эмигрантов в творчестве русских поэтов Австралии?

7. В чем своеобразие художественного воплощения темы Харбина в стихотворениях русских поэтов Австралии?

8. Назовите стихотворения русских поэтов Австралии, посвященные стране, принявшей российскую эмиграцию, и определите их идейно-художественную доминанту.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОДВИЖНИК РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВС. Н. ИВАНОВА

«Нельзя жить глухим обывателем. Нужно иметь за собой происхождение, историческое хотя бы. А главное, нужно иметь и уметь давать чувствовать, что ты не обыватель, что ты нужен Родине и даже после смерти нужен ей твой дух»

Вс. Н. Иванов *«Записные книжки»*

Всеволод Никанорович Иванов (1888 – 1971) – самобытный русский писатель XX века. В его личной судьбе и писательском творчестве отразились драматические события отечественной истории первой половины XX века. Его большая, богатая событиями жизнь – это путь неустанных поисков исторической истины, поисков смелых, порой отчаянно бескомпромиссных.

Вынесенные в эпитафию строки мы можем прочитать в «Записных книжках» Вс. Н. Иванова, опубликованных через двадцать лет после его смерти. Более полувека своим могучим деятельным присутствием писатель одухотворял жизнь российской провинции, ее дальневосточной окраины и дальневосточного зарубежья. Книги Вс. Н. Иванова продолжают духовную миссию их автора и еще долго будут делать это. Сам писатель глубоко верил в целесообразность, необходимость и важность своего творческого труда для настоящего и будущих поколений. Уже зрелым мастером, на исходе жизни подводя ее итоги, Всеволод Никанорович в «Записных книжках» философски мужественно и провидчески констатировал: «В основном моя работа кончена, то есть оборвана. Предо мной – обрыв, куда надо прыгать. Однако важно и то, что та работа, которую я делал, будет продолжаться!»

Духовно-нравственным, эстетическим кредо Вс. Н. Иванова было его особое, родственное пушкинскому, отношение к истории, к прошлому: «Только зная прошлое, помня о нем, мы познаем, увидим, сделаем новое... Нам так надо знать старое, чтобы увидеть новое, чтобы принять его. Только благодаря памяти мы личности...» Во всех своих произведениях Иванов всегда в центр повествования ставил Россию, ее историю в неслучайной связи с историей культуры. Поиск исторической истины, важной самой по себе, но более значимой для последующих поколений, был направляющей линией в его творчестве. Прошлое для писателя – это ключ к пониманию современности и ориентир на будущее. Творчество Иванова дает истинное понимание прошлого, тех ценностей, которые всегда помогали народу выстоять, выйти из испытаний обновленным. Как справедливо заметил В. С. Шевченко, редактор целого ряда произведений Иванова, «читая его (Вс. Н. Иванова – С. Я.) книги, мы ощущаем себя (...) причастными к великой истории, которая светит нам сегодня своими манящими огнями. Они – наши ориентиры, и, размышляя о своем будущем, мы обязаны иметь в виду только эти огни, которые светят здесь нам, дома, а не на Западе или Востоке». У

России есть своя история, богатая и трудная. И прозревая дорогу в будущее, необходимо Свои шаги сверять со Своей историей, историей Своей культуры, считал Вс. Н. Иванов.

В универсальном по сути творческом наследии писателя максимально полно и уникально сконцентрировано, художественно концептуально отразилась вся масштабная амплитуда жизни русской литературы XX века. Творчество Вс. Н. Иванова представляет собой неотъемлемую составляющую истории отечественной литературы как единого процесса. В нем естественно и органично воссоединились, переплелись внутренними связями два искусственно разделенных потока русской литературы XX столетия, нашли свое отражение процессы взаимного влияния культур Запада и Востока. Прожив более двадцати лет в эмиграции, в Китае (с 1922 по 1945 гг.), писатель не только сохранил, но и укрепил свою приверженность национальной культурной традиции. Вместе с тем в его целостном творчестве отразились некоторые из важных интеграционных процессов в развитии мировой литературы.

Будущий писатель родился **19 ноября 1888 года** в городе **Волковиск** Гродненской губернии в семье уроженца г. Москвы, учителя чистописания и рисования. Дед его, Лаврентий Иванович Иванов, был «из Оренбургской губернии, из крепостных мужиков господ Лапиных. Верой и правдой служил царю и отечеству, солдатом ходил с фельдмаршалом графом И. Ф. Паскевичем в 1849 году в Венгрию, наводил там «порядок». Раненый, уволенный «вчистую», определился кондуктором на только что открытую Николаевскую железную дорогу, где попал в крушение между Москвой и Петербургом, и после чего, уже как «двойной» инвалид, работал до конца жизни в Московском окружном суде швейцаром». Там женился на дочери смотрителя воспитательного дома Насте Козырьковой, девушке общительной и жизнелюбивой. «У них в том кремлевском подвале родился прошенный и моленый сынок Никанорушка, мой отец», – напишет Всеволод Никанорович на исходе жизни в своих **«Воспоминаниях»**. Отец будущего писателя стал хорошим графиком, владел искусством старинных приказных уставных и скорописных почерков. Окончив Строгановское училище, отец уехал в Волковиск и поступил на должность учителя чистописания в уездное училище. «Красивый, веселый москвич, художник, певец, гитарист, – так пишет Иванов о своем отце, – вскоре женился на дочери чиновника из владимирских поповичей, посланного «русифицировать» «Царство Польское», Доброхотовой Ольге Николаевне».

Всеволод рос отзывчивым, чутким ребенком, накапливая и синтезируя в себе впечатления детства. Из детства он вынес и многие хитросплетения человеческого бытия. В семье Всеволод был старшим из детей, позднее у него появились братья Константин, Евгений и сестренка Людмила, которая умерла в раннем детстве от простуды. Через несколько лет семья Ивановых переселилась из маленького городка Волковиск в Ржев Тверской губернии, поближе к родине отца, откуда в 1897 году переехала в Кострому. В Костроме Всеволод получил начальное образование и поступил в

Костромскую гимназию. Дети подолгу гостили в Волковыске у дедушки Дмитрия Францевича и бабушки Александры Ивановны Доброхотовых. Когда Всеволоду было 10 лет, родители разошлись, мать уехала от семьи. После развода семья Ивановых в составе отца, Никанора Лаврентьевича, бабушки Насти и сыновей поселилась на улице Нижняя Дебря. Много позднее, уже вернувшись из эмиграции и живя в Хабаровске, Иванов напишет об этой поре своего детства и ранней юности роман-хронику *«На Нижней Дебре»* (Хабаровск, 1958). Всеволоду Иванову довелось стать свидетелем и непосредственным участником многих общественно-политических событий, происходивших в самом начале XX века в провинциальной Костроме. В романе писатель покажет, как в атмосфере быстро меняющихся общественно-политических обстоятельств шло духовное становление главного героя романа, юноши-гимназиста Николая Прокшина, образ которого во многом автобиографичен.

Восемь лет учебы в Костромской классической гимназии с преподаванием греческого и латинского языков стали годами приобщения будущего писателя к непрерывной культурной национальной традиции, идущей от Царкосельского лицея, от Пушкина, от славного 1812 года, когда Россия впервые явилась в Европу не только могучей, но талантливой и великодушной. Изучение древних языков, приобщение к культуре далеких предков стало одной из предпосылок впоследствии сформировавшегося у него высокого уровня интеллекта и широкой эрудиции. Почти через 70 лет он вспоминал: «В том же 1899 году надвинулось на меня еще одно событие, сыгравшее немалую роль в дальнейшей моей жизни». Это была встреча с Пушкиным, который, по словам Вс. Н. Иванова, «словно морская волна, подхватил меня и швырнул в поток жизни моего народа. Предо мной вставал осязаемо, воочию процесс истории человечества не как механическое следование одного факта за другим, а как его нарастающее развитие через рождение новых форм бытия». Пушкинская тема станет одной из притягательных для писателя Иванова в его художественно-историческом творчестве.

О своем юношеском мировосприятии зрелый Иванов напишет в «Воспоминаниях»: «Вокруг нас шевелился, рос, строился целый мир, такой чертовски интересный! Мы росли и учились больше в этом мире, чем в гимназии. Впечатления нас заваливали, увлекали, вдохновляли, а гимназия вводила, устанавливала в них порядок, что сводилось к усвоению некоего упрощенного минимума знаний, раскладывала их по ящикам, расталкивала по полкам. Жизнь учила нас, и к жизни тянулись мы, и, надо сказать, гимназия очень умно не мешала нам в этом. Она давала нам именно направление в жизнь, а что мы встретим на этом пути, никто не знал. Но впечатлений становилось столько, что все труднее было оформить, принять их. Ведь они могли захлестнуть нас, увлечь с собой. Кроме школы, кроме учебы, кроме науки нам нужна была еще мысль, чтобы разбираться в этой разрастающейся радости жизни, мысль, сконцентрированная в великих

образах. И на помощь к нам шла удивительная русская литература, широкая, как наши просторы, глубокая, как наши моря.

В моем познании я уже не был наедине с миром, рядом со мной оказывался автор. Авторы же были истолкователями, а очки-то у них бывали разные: и розовые, и черные...».

Тогда же, в детстве, в сознании мальчика сложились первые представления о таких далеких географических понятиях, как *Китай*, *Пекин*. Узнать же их непосредственно и близко Иванову было суждено много позднее и с горечью для себя осознать глубокую ошибочность детских впечатлений. «Китайцы – варвары! – кричали газеты. – Убийцы! Дикий народ! Убивают миссионеров! Язычники, не знающие Христа! О, бедный Христос!» И когда я теперь, 65 лет спустя, вспоминаю весь этот вздор, у меня от стыда спазмы сжимают горло... Какой злобный, какой невежественный вздор! /.../ Китайский дракон, у которого «голова быка, глаза рака, оленьи рога, морда льва, крысы зубы, когти орла, чешуя рыбы и тело змеи», разбуженный этими событиями, поднял свою голову». Иванов, проживший с народом Китая бок о бок более двух десятков лет, без сомнения, хорошо узнал его. Поэтому гневные обвинения он обращает Западу, разоблачая антигуманную политику западных держав: «В 1900 году что-то дрогнуло, хрустнуло в мире, какой-то позвонок в его хребте сдвинулся с места. Кровавые пятна появились на белизне плаща европейской цивилизации, и усилия буржуазной публицистики припудрить их оказались столь же безуспешными, как и попытка леди Макбет стереть пятно со своей руки. Экспедиция великих европейских держав в Китай 1900 года, проведенная с позиции грубой силы, была апофеозом их агрессивной политики в Азии в течение всего XIX века». Вместе с физическим взрослением росло, выявлялось и самосознание, все более активизируя собственное «Я» юного Иванова. «Я чувствовал себя уже способным управлять своей волей, поступками, прокладывая свои пути и преследовать свои цели, однако оставаясь прочно связанным с миром. Я всю мою жизнь неизбежно чувствовал локоть мира, руку матери-природы. /.../ Я никогда не стремился заменять могучую целостность впечатлений, чаяний и чувствований моего растущего «я» теми членораздельными, но жалостно скудными словами, которые нам, людям, удастся в конце концов выделить из океана впечатлений, обрекая себя на общепонятное косноязычие».

В XX век Всеволод Иванов вступил человеком, непосредственно вовлеченным в происходящие события поистине исторического масштаба: симптомы приближающейся революции, нарастание напряженности на Дальнем Востоке оставили в его душе впечатляющий след. В своих «Воспоминаниях», созданных через полвека, писатель вспомнит об этом времени: «Полет Буревестника над Россией, несомненно, явился предвестником передвижек сил в историческом складе страны». Ощущение приближающегося пожара носилось в воздухе. Будущий писатель не мог не чувствовать этого. «И я, мужая, чувствовал, как в воздухе начинает потягивать гарью. И пусть все эти тревожные симптомы сверкали, гремели

над моей головой или, наоборот, неслышными тенями вставали подле меня, они тонули в моем молодом оптимизме. Мир захватывал меня все больше и больше, казался мне все более и более прекрасным, беспредельно многообещающим». Исторический оптимизм, основанный на молодом здоровом жизнелюбии, побуждал Всеволода искать скрепы жизни, испокон веков соединяющие систему мироздания в один целостный духовно-нравственный организм, которые с приходом нового века начали ослабевать.

Желание постичь внутренние пружины жизни побуждало юного Иванова искать и находить все новые и новые способы и возможности приблизиться к истине. Еще гимназистом Всеволод понял, как важно обладать внутренней свободой, независимостью, в том числе и материальной: «Ох, как важно чувствовать себя независимым, всегда быть в состоянии купить книгу, поехать на каникулы к товарищу, пойти в театр... И это за свой, за собственный счет! Не просить денег у отца, не занимать их и у других, не вымогать их у матери...».

Уже тогда, в ранней юности, у Всеволода Иванова начали складываться свои, вполне определенные, в чем-то полемические, отношения с русскими писателями, с их художественными концепциями. Так, пьеса «Вишневый сад» вызвала бурю мыслей и чувств, дала толчок для возникновения спора с концепцией ее автора. Через 25 лет, в 1929 году, находясь в эмиграции в Китае, Всеволод Никанорович опубликует в русскоязычной газете «Гун-Бао» («Общественная газета») очерк с характерным названием *«Две борьбы за Вишневый сад»*, в котором, проявляя свой несомненный талант литературного критика, сопоставит эту драму А. П. Чехова с сюжетно похожей пьесой Дж. Голсуорси «Борьба до шкуры» («The Skin Game»). В своем очерке Иванов выдвинет на первый план сверхактуальный и для начала XXI века нравственно-философский аспект проблемы чеховской драмы: можно ли победить, сражаясь за доброе злым? Иванов не дает готового ответа на вопрос, хотя его позиция представляет собой стремление к «золотой середине» в позициях героев русской и английской драмы. Критик предлагает читателю самостоятельно решить эту нравственную дилемму. Пьеса А. П. Чехова преподавала юному Иванову урок большой значимости и весомости, запомнившийся на всю жизнь: «Нельзя сводить счетов с прошлым, иначе не останется сил для постройки будущего. Прошлое – наш главный союзник в постройке будущего».

Чувство истории, осознание своей причастности к ней органично возникло из самой толщи жизни, из того окружения событий и обстоятельств, которые формировали мир чувств и мыслей будущего писателя. «История – это не арбуз, – делает запись в своих «Воспоминаниях» Иванов, – нарезанный на столе ученого-статистика ломтями. История вся пронизана артериями и венами и чревата, то есть брюхата, в живом своем творчестве настоящим, уходящим в будущее, и полна еще не умершим прошлым».

Чувство Родины, рано сформировавшееся острое ощущение истории, творящейся на глазах, войдя в плоть и кровь молодого человека, побудило

его для продолжения образования выбрать историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где он проходил специализацию по кафедре философии и русской истории. Этот университет подарил России начала XX века целую плеяду выдающихся личностей. В 1906 году этот университет окончил Александр Блок, с именем которого глубинно связаны многие страницы творчества Вс. Н. Иванова, а в 1913-м году – Борис Пастернак. В 1906–1907 гг. здесь учился Саша Черный, а в 1911-м сюда поступил Осип Мандельштам. Удачно начала складываться научная и творческая биография Вс. Н. Иванова. Он учился в университете в те годы (1906–1911 гг), когда в стране царил реакция после поражения первой русской революции. На двух летних семестрах 1909 и 1910 гг. студент Иванов стажировался в Германском университете в Гейдельберге в научных семинарах у известных философов Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта. Проблемы философии истории человечества, моральный, нравственный аспекты в деятельности личности разных эпох в истории России стали приоритетными как в научной, так и в творческой деятельности Иванова. Этот уникальный синтез ученого и художника, сформировавшийся у писателя, наложил печать на все, что впоследствии выходило из-под пера Вс. Н. Иванова. Свою глубокую благодарность немецким ученым Всеволод Никанорович выразит позднее, когда посвятит свой большой труд, книгу философско-культурологического характера *«Дело человека: Опыт философии культуры»* (Харбин, 1933) «Почитаемым учителям Вильгельму Виндельбанду и Генриху Риккерту, профессорам в Гейдельберге».

Тогда же, в первые месяцы студенческой жизни, Всеволод и его друзья впервые услышали имена Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Александра Блока, «трубный бронзовый голос мужественного Николая Гумилева». Но чем-то особенно исключительным поразила тогда молодого Иванова поэзия Сергея Городецкого. «Трудно теперь, – засвидетельствует он, – через столько лет, понять, объяснить, воспроизвести наше потрясение неожиданным появлением поэзии Сергея Городецкого, однако это было именно так. Он явился глашатаем, трубачом эпохи». Восторг от встречи с поэзией С. Городецкого пережили тогда Валерий Брюсов и Александр Блок. Со многими из названных выше поэтов Вс. Иванов окажется связанным достаточно тесно посредством своего творчества. Ключевыми фигурами для него, как, впрочем, и для многих других русских писателей-эмигрантов, на долгие годы станут А. Блок и Н. Гумилев.

Утверждение Вс. Н. Иванова о том, что очарование поэзии не уводило молодое поколение от жизни, а, напротив, «нас все увереннее вела жизнь», представляется несколько тенденциозным. Подтверждением этого может стать новое обращение писателя к проблеме «байронизма», его роли в истории русской культуры и литературы в 60-е годы XX века, во время работы Вс. Н. Иванова над историческим повествованием *«Александр Пушкин и его время»* (Хабаровск, 1970). Поэзия начала XX века, пронизанная скепсисом и иронией, многих современников подталкивала к

балансированию на грани антиэстетизма и глобального разочарования в жизни. Нецельность мироздания, ощущаемая поэтами 1910-х годов как трагически неотвратимый выход за границы совсем еще близкой цельности XIX века, утверждала традицию художественных исследований неприкаянной, заблудившейся души. В творчестве многих известных современников Вс. Н. Иванова: В. Ходасевича, С. Есенина, Георгия Иванова, М. Цветаевой, А. Несмелова, Л. Ещина, Г. Адамовича – большое место занимали темы отчаяния, тоски, разочарования в жизни. Это обстоятельство стало причиной трагедии, разыгравшейся в начале 1930-х годов в Харбине, когда в результате двойного самоубийства ушли из жизни два поэта дальневосточной эмиграции: Георгий Гранин (Сапрыкин) и Сергей Сергин (Петров). Об опасности «духа отрицанья» перекинуться за недозволенную черту писал в свое время А. Блок (очерк «Русские денди», 1918). Принимая очистительные веяния «духа отрицанья», Блок предостерегал от разрушительного влияния антиэстетического искусства. Гармонизирующим началом для современников А. Блока, в том числе и Вс. Иванова, было жизнеутверждающее творчество А. С. Пушкина, всегда четко проводящее грань между добром и злом. Тем не менее, нотки пессимизма, предостерегающие мотивы были слышны и в поэзии Вс. Иванова. Мироощущение обоих поэтов: и А. Блока, и Вс. Иванова – в своей основе опиралось на учение В. Соловьева о «роковом наследии» темных сил в русской душе и о спасительной роли духовного наследия Христова для всего человечества.

В студенческие годы произошла встреча с человеком, который станет героем серии рассказов Вс. Иванова *«Любовь и служба Касьянова»* и главным героем его новеллы *«Дочь маршала»* (Хабаровск, 1971).

Сближение с семьей матери, с отчимом Михаилом Александровичем, штабс-капитаном русской армии, явилось заметным противовесом в той неустойчивости мира, способствовало стабилизации внутреннего мира молодого человека. Летом 1907 года Всеволод гостил в семье матери, где он «... увидел и осознал внове силу живой материнской любви, обрушившейся на меня именно от полнокровного избытка личного победоносного счастья матери. Я был как бы заряжен на всю дальнейшую мою жизнь обилием доброты, теплоты и ума моей матери, вырвавшейся из узкой ячейки заурядной семьи того времени и самостоятельно создавшей свою личную жизнь в очень трудных условиях». Семья матери Иванова к 1913 году окажется во Владивостоке, на Русском острове, где осенью 1914 года в районе Мазурских озер, под Праснышем, пулей в голову будет убит подымавший свою роту в атаку отчим писателя.

Первоначальные надежды на науку как уникальное средство, универсальный компас в жизни не оправдывались, потому что «чем глубже я постигал науку», тем чаще оказывалось, что на каждое научное положение находилось все больше возражений». Учиться у истории – именно такую научную и творческую задачу поставил перед собой Иванов в молодости и оставался ей верен на всем протяжении своей большой и плодотворной

деятельности: «И я устремился к историческим проблемам, – или события толкали меня к ним?»).

На одном из вечеров в Петербурге Всеволод познакомился с Федором Сологубом, когда тот прочел с эстрады своего «Нюрнбергского палача». В тот же вечер состоялось еще одно знакомство, много определившее в дальнейшей жизни Всеволода Иванова. Это было знакомство с Верой Ивашкевич, ученицей Бестужевских курсов, которая приехала в Петербург из Китая, из Харбина, где ее отец, полковник, служил на Китайско-Восточной железной дороге. Мать Веры, Анна Кирилловна, занималась литературой, в 1910 году в издательстве М. О. Вольфа вышла ее книга «Русские дети в Манчжурии». Знакомство с Верой стало своеобразным предощущением будущей и желанной встречи с Востоком.

Интеллектуальная перегруженность, запутанность в сердечных делах привели к ухудшению здоровья: начались головокружения, боли в груди. Необходимо стало поменять образ жизни, вид деятельности, заняться каким-то новым делом, чтобы уйти от раздражения, ядовитой иронии к самому себе. Весной 1910 года Всеволод Иванов предпринял вторую поездку в Германию, на что дед ссудил ему триста рублей. На этот раз Всеволод решил поехать во Фрейбург, где читал свои курсы профессор Генрих Риккерт.

Осенью 1910 года, в последний студенческий год, дотации из дома прекратились, и Всеволод вынужден был начать трудовую деятельность. В этот период жизни непродолжительное время он работал корректором отдела переводов немецкого издательства «Деятель», которое являлось филиалом Лейпцигской фирмы Брокгауза и Ефрона. Трудовая деятельность Всеволоду давалась непросто: из недоросля, как он сам заметил, стать «прикрепленным» было нелегко. Совмещать работу и учебу продолжительное время он не смог, поэтому экзамены отодвинулись на второй план. В сентябре 1911 года, после известия о покушении на Столыпина, пережив потрясение, Иванов уезжает в Тамбов к матери. Ольга Николаевна, чрезвычайно взволнованная заметно ухудшившимся самочувствием сына, вызвала военного врача, доктора Эванса Антона Антоновича, который предложил все экзамены отодвинуть на год и поступить вольноопределяющимся в полк, чтобы отбыть военную службу и физически окрепнуть. Вскоре Иванов был отправлен для обследования в Москву, где его признали «нервнобольным», как он сам пишет в «Воспоминаниях», и положили в 19-ое отделение военного госпиталя имени Петра Великого в Лефортово. Через два месяца его выписали из госпиталя. «Пребывание в военной психбольнице встряхнуло меня. Что меня поразило тогда там, так это необыкновенная нервная чуткость людей, сидевших, как белки, в доме за железными сетками и решетками. Без преувеличения скажу, что, как ни бывали грубы и даже страшны их рассказы о приключившемся с ними, тонкость их понимания житейской правды, быстрота и точность реакции на такого рода рассказы были изумительны...». После выписки он продолжил военную службу в Тамбове в Полоцком полку солдатом, даже втянулся в нее. «Удивительное дело! Мои шатания по университетам, тысячи лекций, прослушанных с разных кафедр, не дали мне

того, что дала казарма, а именно: массивность, крутость понимания жизни. Нет, не за идеи нужно стоять насмерть, а за живую землю, за живых людей, за живое государство...». К концу годовой службы главным занятием души молодого человека стали мысли о любимых женщинах, «и в самой обостренной форме я с ними ... переписывался». Анята Нагорова слала ему теплые письма из Костромы, а Вера – из далекой Маньчжурии.

Окончив военную службу осенью 1913 года и сдав экзамены на звание прапорщика, Всеволод Иванов вернулся в Петербург, чтобы держать экзамены за университетский курс. Общественно-политическая обстановка была накалена, шел процесс по делу Бейлиса, и сердце юноши «никак не лежало к тихому формализму учебы», а рвалось в живую жизнь. В мае 1914 года ему, как прапорщику запаса, было предписано пройти полуторамесячные сборы на Волге. И он отправился в Кострому, поселился в светелке у Аняты. Томик Гете с его великой человеческой ясностью, сопровождая Всеволода Иванова со времени студенческих стажировок в Германии, лежал на его столе, как и все последующие почти 60 лет, и звал к творчеству. Образ родной Костромы взывал к воссозданию в достойном облике. И он писал:

Церковь пестрая с красным и синим,
Не забыть – с витыми главами, –
И ведут к неземным пустыням
Ворота с золочеными львами...

Но к каким городам многобашенным,
К каким звездам лежит мой путь?
Что мне делать – идти к разукрашенным
Иль с простыми вспять повернуть?

Вернувшись с военных сборов, Иванов почти сразу же получил новую повестку: началась первая мировая война, и его призвали на военную службу. Перед отправлением на военную службу Всеволод Иванов и Анята Нагорова обвенчались. Службу Иванов проходил в Вятке, откуда откомандировывался ненадолго в Петербург, на более продолжительное время – в Пермь. В Перми он был зачислен в 107-й запасной пехотный полк, где состоял в 5-й, а затем в 8-й роте.

А незадолго до этого перед ним, как и перед многими образованными людьми России, когда все слышнее становился грохот накатывавшихся революционных событий века, время поставило вопрос: Что делать? Остаться в стороне от борьбы, от народа или вступить на этот путь, поступившись при этом научной карьерой? «Увлечься ли и мне этим молодым счастьем друзей, углубиться в свои учебные и ученые дела, отойти от созерцания творящейся народом истории, от народа, прекратить искать общий с народом язык?» Такие вопросы задавал себе Иванов в неполных 25 лет. Осмысление истории росло, сами события помогли сделать выбор, обострив интерес будущего писателя к творящейся на его глазах истории. В Пермь, город самобытной судьбы, на несколько лет забросило Иванова. «Сюда, – пишет Иванов, – подальше от Москвы, шел еще в XVI веке,

растекаясь по речным дорогам, самодвижный, о своей судьбе болеющий люд, энергично взыскующий крепкой доли. Урал – это первый форпост Руси на Востоке в поисках земли, богатств и новых возможностей. Именно здесь начинался тот скачок до Тихого океана, который Москва сделала на рубеже XVII века, чтобы сомкнуть воедино эти лесные, степные, тундровые, горные просторы посевами крестьянской деятельной цивилизации, спаять кольцо единой всечеловеческой культуры».

Быстро и довольно успешно Иванов начал продвигаться по службе, вскоре он был назначен начальником учебной команды. Служба заставляла учить добродушных русских людей ненависти, порой ставила трудноразрешимые нравственные вопросы. Решая их, Иванов мысленно обращался к жизни своих близких и далеких соотечественников, что способствовало установлению личной связи с историей: «Со мною были и Святослав, и Александр Невский, и Иван Грозный, и Петр Великий, и Суворов, и Кутузов, и Скобелев... И мой дед Лаврентий Иваныч, что лежит под березами Ваганьковского кладбища. Наконец, со мною была вся старая крестьянская Русь, одолевшая и псов-рыцарей на Чудском озере, и шведов под Полтавой, и татар на поле Куликовом, и Наполеона на Бородинском поле...». Сознательно формируя в себе чувство внутренней правды, Всеволод апеллировал к духовному миру своих предков: «Жить, очевидно, надо было так, как жил в Кремле мой дед, николаевский унтер Лаврентий Иваныч, – честно, как свеча горит. Честному человеку не нужно больших рассуждений, чтобы не запутаться...»

Известие 1916 года об открытии на Урале, в Перми, отделения Петроградского университета наполнило сердце Вс. Иванова новыми, светлыми надеждами. В Пермь стали съезжаться ученые из Москвы, Петрограда: Н. В. Устрялов, один из кадетских лидеров; Л. В. Успенский – философ, марксист на московский лад; скромный библиотекарь Румянцевской библиотеки, впоследствии крупный философ Н. В. Федоров; профессор Д. В. Болдырев, изумительный стилист и широко мыслящий философ; друг Блока, лингвист и переводчик, поэт Юрий Никандрович Верховский. О близком знакомстве с последним Вс. Н. Иванов напишет в «Воспоминаниях» с чувством глубокой признательности: «Это он щедрою рукою своей рассыпал передо мной великие сокровища А. С. Пушкина, показал мне в легкой, деликатной манере силу русской массовой культуры и укрепил меня в вере в наш великий народ. Этот профессор литературы до известной степени примирил меня с русской интеллигенцией, которая не вся ведь была добролюбовско-угрюмой и волюнтаристического типа...». Тогда же Иванов познакомился с молодым ученым-историком П. С. Богословским, который необыкновенно увлеченно умел говорить об избытии Смутного времени в истории России.

Короткая встреча в Перми с приятелем по Петербургу, прапорщиком-красавцем Сергеем Касьяновым, придала новый импульс их дружбе и начинавшемуся в то время творчеству Вс. Н. Иванова. «С фронта приходили письма от моего друга Касьянова (...). Сергей писал мне и о нудном,

оцепенелом сиденье в окопах. Я брал эти рассказы-письма на заметку, хранил их, чтобы написать что-нибудь потом...». В 1916 году Вс. Иванов начал публикацию серии рассказов «Любовь и служба Касьянова», в которых достоверно и художественно убедительно воссоздал события первой мировой войны и описал чувства служившего в армии молодого человека. Один из этих рассказов, «Первый бой», писатель опубликовал во втором номере альманаха «Понедельник» (Шанхай, 1931). Тогда же в Перми, осенью 1916 года, он написал свое первое литературное произведение «Наставления для борьбы за укрепленную полосу».

Ветер времени нес перемены. В начале января 1917 года профессор Л. В. Успенский сделал Всеволоду Иванову предложение работать у него ассистентом на кафедре энциклопедии права в Пермском отделении Петроградского университета.

Несение государственной службы, мечты о научной деятельности, стремление к личному счастью, зарождающееся творчество – такими были главные составляющие и направляющие линии жизни Вс. Н. Иванова в преддверии революций 1917 года.

В канун революционных событий февраля 1917 года Всеволод Иванов в связи с участвовавшими случаями дезертирства в армии участвовал в облаве в рабочем районе Перми, Егошихе, где заразился натуральной оспой. Поэтому «исторический вечер» конца февраля 1917 года он метался в жару. В 1960-е годы, осмысливая те давно прошедшие события, Вс. Н. Иванов причины революции февраля 1917 года определил однозначно: «Причина ясна: Петроград в феврале 1917 года оказался без хлеба». Выздоровев и съездив на две недели в Петроград, Иванов вернулся к своей службе в Перми. Но Временному правительству присягать не пошел. Надвигалось что-то новое, неизбежное.

В мае 1917 года в Пермь к Всеволоду из Петрограда, откликнувшись на его телеграмму, приехала Вера Ивашкевич, которая незадолго до этого ушла с военной службы и жила в Петрограде, где устроилась на работу в Министерство земледелия секретарем к известному уже тогда писателю М. М. Пришвину. Образовалась новая семья. А вскоре Иванов был назначен ответственным по доставке украинцев на фронт в украинские части. По пути в Москву, в Ярославле, состоялась его последняя встреча со своей первой женой, Анной Владимировной Нагоровой. И тогда и много десятилетий спустя Вс. Н. Иванов ощущал в себе тяжелый груз ответственности за несложившуюся судьбу Анны Нагоровой, которая «сломала» себя бесповоротно, отказавшись от многого в жизни, постригшись в монахини. До конца своей жизни чувство вины не оставляло Всеволода Никаноровича, мучая вопросом: «И неужели все это так и пройдет, без всякого воздаяния мне, замрет в каком-то «прошлом», как замирает эхо?»

После февральской революции Вс. Н. Иванов начал печататься в либеральных газетах Перми («Народная свобода», «Пермские губернские ведомости»), впервые же выступил с корреспонденцией из Петербурга в костромском «Поволжском вестнике» летом 1906 года, где описывал, как

держал за хвост стрекозу – самолет Блерио – одного из первых русских летчиков Ефимова, пока на ней вручную раскручивали пропеллер.

В октябре 1917 года, после драматических событий в Перми на фоне революционного переворота в Петрограде, демобилизовался из армии. С февраля 1918 года начал заниматься преподавательской деятельностью в Пермском филиале Петроградского университета.

Революционные события 1917–1918 гг., заставшие Вс. Н. Иванова в Перми, стали поворотными в его судьбе. Когда многие сверстники и воспитанники его учебной команды вступили в ряды красной армии, Иванов, в силу своих убеждений не принявший идеалов большевиков, решил остаться «нейтральным», «историком, желающим наблюдать события». Но принятое им для себя решение: «Нужно сторониться этой несущейся тройки – ведь, того гляди, сшибет... Эпоха, она сшибает», – было опровергнуто жизнью. Остаться «над схваткой» оказалось невозможным. Жизнь подталкивала к практическим, а не отвлеченным решениям.

Весной 1918 года, когда волна красных арестов прокатилась по Перми, в практику жизни вошла «мода» на ночевки на чужих квартирах, где обычно всю ночь не спали, либо играли в карты, либо спорили. На одной из таких ночевок, в университетском окружении, всю ночь обсуждали проблему Софии, Премудрости Божией. Тогда и родился один из сонетов Вс. Иванова, посвященный *Д. В. Болдыреву*:

Свет электрический, притухший, с краснотой,
И лица бледные – встревожены и строги.
Как будто светлый рай покинувшие боги
Судьбою кинуты здесь в трудный мир земной.
    Табачный сизый дым, качаясь пеленой,
    К повисшей лампочке лениво тянет ноги, -
    Глаголы, падежи, наречия, предлоги
    Звенят под потолком, как мух докучный рой...
Их звоном заслонив все напасти лихие,
Маячит вдалеке крылатая София,
Над Русью бедною державный правя лет.
    Меж тем как над столом, в уныниях упорный, -
    Спина крутым горбом, огромный, мягкий, черный, -
    Мяучит жалобно зеленоглазый кот.

Сонет открывается высоким слогом первого катрена, рисующего художественную картину мира, переживающего разлад. Логическая смена тезиса в первом катрене на антитезис во втором оттеняет композиционную четкость структуры канонического жанра. Резкая антитетичность образов и сравнений («светлый рай», «боги» и «мир земной», «сизый дым», «мух докучный рой») передает атмосферу напряженных поисков лирического героя. Своеобразным эпицентром художественной картины мира становится развернутая метафора во втором катрене «Табачный сизый дым, качаясь пеленой, // К повисшей лампочке лениво тянет ноги», ассоциативно воссоздающая просторечный афоризм «протягивать ноги». Пелена дыма,

олицетворяющая смятенность человеческой души в эпоху крушения гуманизма, вынужденно, сопротивляясь светлой тенденции жизни, все-таки «протягивает» свои ноги, то есть признает свою обреченность. Стоическое, мужественное преодоление мрака жизни рисуется как нескорая, но неизбежная перспектива бытия людей, вечная святость Премудрой Софии утверждается как незыблемое начало жизни. Классическая форма опоясанной рифмовки приближает сонет Иванова к идеальному, итальянскому, петрарковскому виду, драматически расширяя лексический контекст. Фоника сонета также подчинена эстетической задаче – через соответствующие звуковые повторы (ассонансы и аллитерации) – максимально воздействовать на читателя. Лирический герой первых сонетов Вс. Н. Иванова – это духовно, интеллектуально развитая личность, которой присущи высокие идеалы гражданского служения общечеловеческой мудрости и красоте.

Осенью 1918 года Всеволод Никанорович по делам университета был командирован в Москву, где его поразили произошедшие всего за год перемены. «Ах, Москва моя! Как всегда во время своих приездов, я, прежде всего, шел на Красную площадь, к собору Василия Блаженного, в Кремль, к зданию окружного суда, в подвалах которого когда-то бегал балованным ребенком. Все это дышало таким величием, что словно «озноб проходил по коже».../.../ И был я тогда, в те минуты общения с прошлым, несказанно поражен». В тот приезд в Москву он ясно ощутил вызревающий конфликт между научной и творческой интеллигенцией, с одной стороны, и большевистской властью, с другой; конфликт, завершившийся трагическим разрывом.

Со многими творческими личностями той эпохи Иванову довелось встретиться лично. Так, с поэтом Василием Каменским, которого Всеволод знал по Перми, они посетили «Кафе поэтов», чтобы повидать Сергея Есенина. С Валерием Брюсовым, который был уполномочен советской властью заведовать огромной библиотекой в особняке Гагариных, Всеволод Иванов решал вопрос обеспечения Пермского университета учебной и научной литературой. Эта встреча для Иванова осталась одной из исторических. «Беседа закончена. Уходя, жму руку Валерию Брюсову, – вспоминал позднее он. – Сундучок памяти щелкает замочком: есть исторический кадрик – «Видел Брюсова и, наверное, больше не увижу».

С письмом от своего пермского приятеля, поэта-символиста Ю. Н. Верховского, Всеволод направился к поэту Вячеславу Ивановичу Иванову, который жил на Зубовском бульваре. Хозяин встретил гостя в квартире, промерзшей насквозь, закутанным в длинную кофту и в берете, натянутом на уши. Великий мастер русского сонета Вячеслав Иванов попросил Всеволода почитать что-нибудь свое. И Всеволод читал, много читал. Среди прочитанных тогда вещей был и сонет «*Клио*», посвященный заветной музе Вс. Н. Иванова, музе истории:

Листы истории хранят в себе былое,
Как блеклые цветы тончайший аромат.

И медные мечи особенно гремят
У врат разрушенной, богам не милой Трои.
    На камнях площади, в довольстве и покое
    Навек старейшие свой мудрый суд творят.
    Пусть в пропасть прошлого все глубже никнет взгляд,
    В обыкновеннейшем там чудятся герои -
Циклопы мощные, их кладка мощных стен,
На стенах красота классических Елен,
И в их любви, открытой нестыдливо,
    Все образует длинный коридор,
    В конце которого струит безмолвно взор
    На вопрошателя изваянная Клио...

Отзыв Вячеслава Иванова о стихах молодого Всеволода Иванова их автор зафиксировал через несколько десятилетий в своих «Воспоминаниях»: «С гордостью могу сказать, что за этот («Клио» – С. Я) и за другие сонеты я удостоился теплой похвалы великого мастера: он сравнил их с сонетами Жозе Мариа де Эредиа». Эта встреча была, наверное, не только для Вс. Иванова недостающим глотком воздуха, необходимым противоядием сумятице жизни. Подобные мгновения способствовали жизни поэзии в самых суровых социальных обстоятельствах, развивали жизнелюбие и жизнестойкость: «Пусть вокруг тонула в снегах Москва, темная, алчущая хлеба, счастьем было убедиться, что есть еще в жизни нечто лучезарное, светлое, святое, что-то неприкосновенное». Эти вечные, немеркнущие ценности жизни лучезарным светом наполняли, казалось, беспросветную жизнь. Десять лет спустя, уже будучи в эмиграции в Китае и работая главным редактором русско-китайской газеты «Гун-Бао» («Общественная газета»), Всеволод Никанорович напишет и поместит в этой газете очерк с символическим названием «За зеленой лампой», в котором расскажет о той незабываемой встрече с поэтом в Москве 1918 года. Образ зеленой лампы, пронизывающий этот очерк, символизирует русскую культуру и русскую классику, утверждает ее вечную жизнь как жизнь высокую и прекрасную.

Той же осенью в Москве Всеволод Иванов познакомился с поэмой А. Блока «Двенадцать», величие которой он «ощутил сразу, всей кожей своего тела». А в 1931 году, к исполнившемуся 7 августа десятилетию смерти поэта, Вс. Н. Иванов напишет очерк «Александр Блок», который будет опубликован в харбинском журнале дальневосточной эмиграции «Рубеж» за 1931 год (№ 35). В этом очерке Иванов, выявляя в себе дар литературного критика, отметил исключительность поэтического провидения Блока, который сумел, «глубинно прозревая мрачное, темное настоящее, рассмотреть за ним «свет в конце тоннеля»: Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед революцией. Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, – нет, он пережил, перечувствовал их... Революция задавила его годами, кровью, глухотой, но он провидел за ней какие-то новые, светлые, примиренные дали». Тогда, в 1918 году, Иванов, встретив на своем извилистом жизненном

пути корифеев русской поэзии, имел прекрасную возможность соотнести свои гуманистические идеалы жизни, ее вечные культурные ценности с представлениями об этом лучшей части творческой интеллигенции России. Последнее стихотворение А. Блока «В альбом Пушкинского дома» Иванов в своем очерке трактует как поэтическое духовно-нравственное завещание поэта своим соотечественникам, современникам и потомкам. Сам Вс. Иванов внемлет и следует этому завещанию на протяжении всей своей жизни и творчества. «Все будет хорошо, - записывает Блок в 1918 году в своей 49-й книжке. – Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дожидаться!..» И великий поэт умер, не дождавшись в темном Петербурге, умер со старым, светлым именем Пушкина на последнем своем стихе». Весьма значительным в этом контексте представляется обращение Вс. Н. Иванова в своем зрелом творчестве к личности А. С. Пушкина. Его книга «Александр Пушкин и его время» (Хабаровск, 1970) стала своеобразным завещанием писателя, переданным современникам через опосредование А. Блока.

К концу 1918 года революция ширилась, разрасталась, равно как и сопротивление ей. Директория Колчака, расположившаяся в Омске, укреплялась «культурными силами». Для этого сам диктатор вызвал в Омск, тогдашнюю «столицу Сибири», талантливого публициста, профессора Николая Васильевича Устрялова. Через некоторое время после его отъезда туда были вызваны еще несколько преподавателей Пермского университета, в том числе и Всеволод Иванов. В мае 1919 года он выехал в Омск, где стал работать в Русском бюро печати. В августе 1919 года Русским бюро печати было решено начать издание газеты типа «вечерки» под названием «Наша газета». Редактировать ее было поручено Вс. Н. Иванову.

Впечатления и переживания современника, вызванные увиденными картинами и сценами трагического по своей сути зимнего перехода 1919–1920 гг. от Омска до Читы беженской массы и остатков белой армии, Вс. Н. Иванов передал и через особый, в большой степени канонизированный жанр сонета. Традиционно сонет всегда обращался к темам исключительно вечного характера: любви, искусства, природы, философии. Но жизнь любого жанра не может долгое время оставаться замкнутой сама в себе. Рано или поздно, оправдано или не очень, внешняя жизнь «заставляет» жанр реагировать на себя, свои проявления. И тогда происходит нарушение или разрушение канона. Социально-политические мотивы не исключают из содержания сонета темы вечные, непреходящие. Сонеты Вс. Н. Иванова могут служить ярким тому подтверждением. Один из его сонетов, «*Междоусобие*», написан в 1919 году под Оханском и является своеобразным философски поэтическим свидетельством истории и важным фактом истории отечественной литературы XX века:

Свинцовых низких туч влекутся волосы
Над тусклым заревом осеннего заката.
Нагими трупами земля отцов проклята.
Малиновая их чеканит полоса.

Как капли дождика, всплывают голоса
В великой тишине, которой степь объята.
Дорогой неживой идут два разных брата,
И кровь, как зеркальце, в следах от колеса.
Один кривится весь усмешкой беспримерной,
Жестоко деловит в своей походке нервной
И пальцы в прорези жилета заложив.
Другой, сияющий, нагих благословляя,
Идет, бестрепетный, по времени без края,
Где пулемет храпит в молчанье Божьих нив.

(Под Оханском. 1919 год)

Сонет пронизан трагическим ощущением эпохи. Лирический герой преисполнен чувств разочарования и обреченности. Грядет конец света, потому что голос Бога заглушен пулеметным «храпом». Социально-политический сонет пронизан мотивом классовых расслоений общества, социальных битв, но вместе с тем он поднимает актуальные социально-политические темы на уровень философского звучания проблем гуманизма, жизни и смерти. В его сонетах, рожденных в огне гражданской войны, ощущается присутствие натуралистических элементов, усилившихся в русской литературе вследствие обострения социальных конфликтов и разрушения традиционной системы ценностей. Элементы натурализма заостряют не только социальную, но прежде всего философскую проблематику, присущую природе сонета. Они призваны помочь осознать трагизм настоящего во имя будущего. В предлагаемом ниже сонете Вс. Н. Иванова с ярко выраженным натуралистическим названием *«Трупы»* поднимается проблема философского масштаба, проблема цены и ценности жизни, жизни тленной и вечной:

Их было несколько, погруженных в саны.
В раздробленном лице в крови белели зубы,
И рядом мертвый снег садился прямо в губы,
И звездами сиял на восковых деснах.
Глаза раскрытые коснели в странных снах,
А в уши лили рёв изогнутые трубы,
В которые трубят для чувств привычных губы,
Семь грозных ангелов в лазоревых странах.
Одетые тепло, они лежали важно,
На яростном бегу, погибшие отважно,
И гибель их, как жизнь, казалась так проста,
Что взорами судьбы, как пыльца снежных лилий.
Стерта меж нами грань без роковых усилий,
Бессмертье породив из смертного креста.

Сонет существенно дополняет художественную картину мира, созданную писателем в очерковой книге «В гражданской войне», передавая внутреннее течение жизни как трагического, безысходного существования

человека. В сонетах Иванова время живет реальной жизнью. Эта достоверная основа поэзии делает ее важным художественным документом эпохи.

В период гражданской войны, за долгие месяцы собирания сил, скитаний, лишений и отступления на восток Вс. Н. Иванов создал целую серию очерков-портретов своих современников, в том числе политических лидеров и военных деятелей, проявив талант публициста и художника. Эти очерки публиковались в начале 1920-х годов в периодических изданиях Харбина и Владивостока, а позднее были включены Вс. Н. Ивановым в его книгу очерков *«Огни в тумане: Думы о русском опыте»* (Харбин, 1932).

В феврале 1920 года начался новый во многих отношениях период жизни и творчества Вс. Н. Иванова, период эмиграции. Весной 1921 года эмиграция прервется до октября 1922 года, когда Вс. Н. Иванов будет жить и работать во Владивостоке. Эмигрантский период длиною в четверть века начался для Вс. Н. Иванова, как и для многих русских, не принявших большевизма и ушедших на восток, в «той мирной, нейтральной «китайской Женеве», где сидели и разговаривали этаким образом российские Кальвины, Вольтеры и Руссо, где /.../ до 1945 года, на экономической базе КВЖД жила, росла, посилено думала, бедовала и радовалась русская эмиграция», в Харбине.

Волею судьбы оказавшись в Харбине, а затем в Шанхае, Вс. Н. Иванов вспоминал свои юношеские мечты о знакомстве с Китаем: «Еще в 1906 году, после окончания гимназии, я думал, не махнуть ли мне туда, на Тихий океан, изучать Китай в Восточном институте?». Всего в сутках езды на поезде от Харбина был город его юношеской мечты, Владивосток, с которым Всеволода связывало сентиментальное чувство. В этом городе более десяти лет, до самого рокового 1914 года, жила его мать со своей новой семьей.

Свои первые художественные впечатления о Харбине Вс. Н. Иванов запечатлел во второй главе своих *«Воспоминаний»*, которую назвал *«Особый лад Харбина»*: «Харбин был русским жертвенником, за рога которого можно было схватиться, чтобы уцелеть в этих гонениях через весь континент».

Все художественное и художественно-публицистическое творчество подлинного патриота и самобытного художника Вс. Н. Иванова было посвящено служению высокой гуманистической задаче провидения будущего России и ее народов, поскольку так или иначе оказывалось связанным с историей, историей России и соседних с ней государств и народов, историей близкой и уже ушедшей в века.

Первым ярким художественным результатом духовных поисков писателя стала *«Беженская поэма»* Вс. Н. Иванова, родившаяся весной 1920 года. «Тогда, в Харбине, попадая в гигантские испытания, переносясь «людно, конно и оружно» через эпохи и континенты, я чувствовал себя где-то в гигантском университете, проходящем курсы истории человечества. Так тогда зародилась во мне *«Беженская поэма»*, /.../ вещь, возникшая единым выдохом в моем сознании, как необоримое стремление отобразить, запечатлеть то, что во мне тогда было извержением вулкана, как извержение прошлых прозрений, всплывающих в проявляющееся будущее». Здесь продолжает свою художественную жизнь знакомый образ блоковской

степной кобылицы, привносящий в поэму близкую обоим поэтам тему Востока:

Лови степную кобылицу,
Поэт, в телегу запрягай!
Вернемся, знаю я, в столицу,
В наш выстраданный сердцем рай.

В этой поэме запечатлено главное прозрение автора, прозрение, похожее на подземный сдвиг, который не мог не произойти. Это прозрение МИРА как главной ценности жизни и главной цели человеческого существования. Поиск национальной идеи пересекается в поэме с идеалом общечеловеческим.

Пушкинский эпиграф («От потрясенного Кремля // До стен недвижимого Китая...») помогает воссоздать грандиозный масштаб трагедии исхода россиян в эмиграцию, а блоковские строки («Закат в крови. Из сердца кровь струится. // Плачь, сердце, плачь! // Покоя нет... Степная кобылица // Несется вскачь...//») передают внутренний драматизм произошедшего с Россией, амбивалентность внутренних переживаний лирических героев А. Блока и Вс.Н. Иванова. Близость позиций Блока и Иванова в освещении событий революции и гражданской войны передается также и через идею возвратного движения времени:

Путем неслыханным и странным
Дала история оборот. /.../

.....
Все знаю... Помню... Было! Было!
Я видел этот древний сон.
В кумирнях пышные кадила
И лики темные икон. /.../

.....
Не потому ль прозренья ясны,
Мила китайская земля,
Что так же, как и эти, красны
И стены древнего Кремля ? /.../

.....
Давно мы знаем эти страны
И этих вежливых людей:
Ведь в их парчовые кафтаны
Одет наш русский Берендей.

В поэме Иванова разворачиваются глубоко личные переживания истории России, начиная с ее тысячелетней древности, через времена татаро-монгольского нашествия, Петровскую и Екатерининскую эпохи, вбирая в себя трагедийные события истории XX века:

Ах, разве мы забыть могли бы,
Как путь прогресса нам остер!
Не засчитать высокой дыбы?

Иль катов позабыть топор?
Когда по окрику капрала
Россия встала в тесный фронт,
В душе кормила и качала
Уже тот страшный русский бунт.

И ты, немой и безызвестный
Разбойник мертвый на плоту,
Истории продукт чудесный,
Тебя я молча, свято чту.
И пусть теперь я твой противник-
Неизбежимость не тая,
Ты говоришь мне, страшный схимник:
Расколота душа твоя!

Тема Востока и его культуры, Китая в частности, станет одной из главных в творчестве Вс. Н. Иванова, причем не только периода эмиграции. Она привлечет к себе внимание многих писателей-эмигрантов на Дальнем Востоке: Валерия Перелешина, Арсения Несмелова, Михаила Щербакова и других.

Поистине подвижнической можно считать работу создателей и участников литературно-художественных альманахов, посвященных изучению Китая российскими исследователями и художниками и способствующих его приближению русскому читателю. Нам известно о выходе в Шанхае в начале 20-х годов трех альманахов: «Дальний Восток» (1920), «Желтый лик» (1921) и «Китай» (1923). Теме Востока и Китая посвящали свои стихи и русские поэты дальневосточной эмиграции.

Именно в этом журнале Вс. Н. Иванов начал свое непосредственное участие в литературно-художественной жизни русского эмигрантского Китая публикацией трех сонетов, только недавно пришедших к читателю: «*Видение*», «*Дьявол*», «*Финикия*» («Дальний Восток». – 2004. – № 5).

В альманахе «Окно» кроме Вс. Н. Иванова публиковали свои поэтические и прозаические произведения другие русские писатели, впоследствии получившие известность и признание не только в эмиграции: Сергей Алымов, Федор Камышнюк, Венедикт Март, Сергей Третьяков, Арсений Несмелов, Николай Алл, Леонид Астахов, Михаил Щербаков и другие.

С апреля 1920 года Вс. Н. Иванов непродолжительное время жил во Владивостоке, куда приехал по рекомендации своего старого друга Н. В. Устрялова, устроившего ему приглашение со стороны ректора Владивостокского университета, профессора-международника Ершова. Там Иванов окупился в газетную работу. Благо, что газет во Владивостоке выходило предостаточно: либеральная «Дальневосточная окраина», переименованная в «Голос Родины», газету «Слово» открыла группа правого направления во главе с братьями Меркуловыми, печаталась эсеровская «Эхо», бойкий сатирический листок «Блоха» издавался Андрушкевичем.

Демократическая жизнь общества испытывала острую необходимость в объективной, исчерпывающей информации. Вс. Н. Иванов, как опытный журналист, одним из первых ощутил потребность в создании единого центра информации на Дальнем Востоке. Поистине самоотверженно, с огромным энтузиазмом Иванов увлекся проблемой создания Дальневосточного Информационного Телеграфного Агентства /ДИТА/. Для принципиального решения вопроса необходима была встреча с генералом Хорватом, как управляющим КВЖД, который к тому времени жил в Пекине. С трудом добыв средства на поездку, Иванов побывал в Пекине. И хотя Хорват отказал Иванову в поддержке, мотивируя свой отказ отсутствием санкции из Москвы, поездка в Пекин имела важные творческие последствия. Вопреки обстоятельствам, Иванову удалось создать ДИТА.

Более двух лет проживая между Харбином и Владивостоком, Всеволод Никанорович осмысливал опыт от встречи со страной юношеских мечтаний, с Китаем. И хотя очерк *«Пекин»* Вс. Н. Иванов напишет и опубликует в 1931 году в журнале «Багульник» (Харбин), свои первые уроки от встречи с Китаем он «прошел» еще в 1920 году. Именно тогда его «привела в себя древняя мудрость Пекина». Вот только некоторые из размышлений Вс. Н. Иванова над жизнью, навеянных встречами с Пекином: «...у людей революция уже девять лет, но все как будто остается на своих местах – в огромной стране царит осторожное спокойствие умиротворенного труда... Все китайцы, приветствуя друг друга, прежде всего, спрашивают о состоянии знакомых или друзей. Как мы. Но мы спрашиваем о здоровье как о самом главном, необходимом для нас. Китаец же осведомляется: «Ел ли ты? Здоровье – это от природы, а сытость, так необходимая для всего живого, – от жизненной удачи./.../ Китайцы конкретнее, осторожнее нас и ближе друг к другу, нежели мы. Все их исторические переживания занесены в государственные анналы... Их мудрецы эти народные переживания и испытания закрепляли в точных моральных формулах. Их писатели – на основании точных анналов же – написали исторические романы, где все события до последней степени правдивы. Читая такой исторический роман, китаец не только развлекается, «убивает время», он сосредоточивается, узнает историю и исторические факты». В этих уроках сфокусированы главные проблемы художественного творчества Вс. Н. Иванова, его философской и эстетической системы. Проблемы истинного гуманизма, взаимоотношений между людьми, их жизненных ценностей, а также жанровых приоритетов творчества писателя были, безусловно, скорректированы этим долгожданным знакомством с Китаем и жизнью его народа, близкого, по мнению Иванова, русскому народу не только географически. Тема сытости, привычно трактуемая как слабая черта менталитета русского человека, справедливо реабилитируется в творчестве Иванова как необходимая основа всего живого, а не просто одна из так называемых «обломовских» черт русского национального характера. Иванов-художник утверждает эстетическое содержание самых естественных человеческих проявлений и потребностей, выявляя свою близость

эстетической позиции одного из классиков мировой литературы, Франсуа Рабле. Самым ярким проявлением данной традиции в творчестве Вс. Н. Иванова стала его *«Поэма еды»* (Харбин, 1928), на которую откликнулся в эмигрантском Париже Г. Струве.

Показательным в этом отношении представляется приоритет писателя историческим жанрам, где тема Китая, его истории и истории культуры, развиваясь синхронно с темой России и часто пересекаясь с ней, занимает большое место. Цикл исторических повестей о Китае, созданных им в первые годы после эмиграции (*«Тайфун над Янцзы»*, *«Путь к Алмазной горе»*, *«Дочь маршала»*), – яркое тому подтверждение.

Редактируя во Владивостоке *«Вечернюю газету»* и активно выступая в ней, Вс. Н. Иванов продолжал публиковаться и в других изданиях. Попыткой внести свой вклад в необходимый, по мнению журналиста, процесс гуманизации общества стала его публицистическая статья за отмену смертной казни «Казнь Египетская», помещенная в газете «Русский край» 17 ноября 1921 года.

Записки журналиста Вс. Н. Иванова под названием *«Крах белого Приморья»*, хотя и были изданы отдельной книгой в 1927 году, создавались по горячим следам исторических событий. Об этом свидетельствует прямое указание на место и время написания этих записок: «Гензан, 25–26 октября 1922 года».

Разносторонняя деятельность Вс. Н. Иванова на Дальнем Востоке в целом отразила стремление одаренной и образованной личности разобраться в сумятице происходящих событий, определиться в своих позициях, взглядах на жизнь, определить ее истинные ценности. Драматический накал жизни и борьбы на последнем «островке» России, во Владивостоке, активизирует поэтический талант Иванова: богатый мир чувств поэта находит самовыражение в многочисленных сонетах. Их часто можно было встретить в Воскресных приложениях к дальневосточной газете «Русский край» в 1921–1922 годах. В своих сонетах Иванов продолжил поэтическое исследование своей главной темы, темы России, ее истории, истории культуры как предтечи будущего. Выбор жанра сонета для Вс. Н. Иванова был обусловлен особым пристрастием автора к подробной описательности, большим вниманием к деталям жизни и быта и, безусловно, высоким уровнем философичности его художественного мышления. Для Иванова художественная форма сонета имела принципиальное значение как выражение эстетической приверженности классике, традиции. Содержательные признаки жанра сонета проявятся и в художественной прозе писателя.

Отдельными изданиями «Сонеты» Вс. Н. Иванова выходили дважды: в Токио в 1922 году и в Харбине в 1930 году. После выхода в свет харбинского издания «Сонетов» высокую оценку им дал А. Несмелов. Разбирая подборки сонетов исторического содержания, (в том числе сонета «Екатерина», остающегося неизвестным для читателя-современника – С. Я.), он писал: «То, чем мы наслаждаемся в романах Алданова, как видит читатель, много

раньше дано в стихах нашего дальневосточного поэта: в 14 строчках сонета передан весь аромат эпохи, все ее своеобразие. Как же назвать такую манеру писания стихов? – задается вопросом рецензент. – Опять повторяю и настаиваю: исторический реализм в поэзии», – отвечает на свой вопрос А. Несмелов.

Исторические сонеты Вс. Н. Иванова могут быть рассмотрены как своеобразные эскизы поэта к своему последующему прозаическому творчеству писателя-историка. Сонет *«Екатерина»* многими своими гранями и аспектами «раскроется» в исторической повести Вс. Н. Иванова *«Императрица Фике»*, вошедшей в цикл исторических повестей с таким же названием, созданных писателем после эмиграции (Хабаровск, 1968).

Постигая действительность как историк, философ, журналист, поэт и публицист, Всеволод Никанорович не мог примириться с новой действительностью. Слишком высокую цену, по его мнению, платила Родина за те изменения, которые происходили на его глазах. Утрата духовности воспринималась и переживалась им очень лично.

Расставание с Родиной пришлось на 22 октября 1922 года, когда «красное воинство, голодное, разутое, вшивое, немногочисленное», стояло уже на 2-ой Речке, куда оно пригналось по пятам за отступающими казаками генерала Глебова, войсками генерала Молчанова. Вот как описывает эту трагедию разрыва с Родиной Вс. Н. Иванов в своей книге *«Крах белого Приморья: Из записок журналиста»* (Тяньцзинь, 1927). «Это длилось дни, несколько дней, и всего страшней это было под вечер исхода, 22-го октября. /.../ Толпы людей метались с озабоченно-спокойными лицами, таща чемоданы, корзины, весь свой оскудевший скарб. Октябрьское бледное солнце быстро свершало свой круг над этой пестрой толпой, охваченной паникой уезжания, и приходил вечер, темный, без электрического уличного освещения, так как электрическая станция бастовала.

Кого не было в этой толпе? Офицеры, чиновники, священники, члены правительства, члены парламента и националистических организаций Дальнего Востока, и наконец, рядовые члены, участники национальных организаций, бегущие из Владивостока. Все это суетилось и грузилось. /.../ Печальная картина этого исхода не ограничивалась одним нашим пароходом. /.../ Крах, полный крах, катастрофа – вот что читалось на растерянных лицах несчастных русских людей, вновь пускающихся в безвестную даль».

Тревожно и смятенно было на душе у человека, покидавшего Родину и не знавшего, доведется ли вернуться. «Море, скученность беженцев, неизбежные пререкания с соседями – все, однако, не заслоняло центральной мысли-вопроса:

- Как дошла ты (Россия – С. Я.) до жизни такой?..

Да все ли благополучно в нашем образе действия, если приходится переживать такие потрясения?..» Такими были неотступные размышления Вс. Н. Иванова, надолго расстававшегося с Россией. Но способность мыслить аналитически, масштабно, как и подобает ученому и художнику, не давала возможности самоуспокоиться. Поиск исторической истины продолжался и

на пути в эмиграцию, и в последующем творчестве, философски и художественно углубляясь.

Над повестью *«Сказание об Антонии Римлянине»* Всеволод Никанорович работал в Харбине, вчерне закончив ее в конце 1920-х годов. За время работы над «Сказанием...» Иванов побывал в Пекине, собирая нужные ему материалы в богатейшей библиотеке Пекинской Духовной Миссии. Вместе со «Сказанием об Антонии Римлянине» в творчество Вс. Н. Иванова входит традиция художественного использования сюжетов и образов героев житийной литературы. Эта традиция способствовала утверждению общих духовно-нравственных истоков жизни человечества, выражению авторской концепции мира и человека в нем с большой долей художественной убедительности и достоверности. Творческое осмысление житийной литературы особенно притягивает писателя к критическим, переходным моментам человеческой истории, когда актуализируется потребность в утверждении вечных, непреходящих ценностей, мужественными, непреклонными носителями которых были в свое время герои житийной литературы. Духовные запросы времени всякий раз диктуют необходимость обращения к вековой мудрости христианских святых. Этот факт использования житийной литературы не останется единичным в творчестве Вс. Н. Иванова. Позднее, оставив за плечами годы эмиграции и уже живя в России, Вс. Н. Иванов при создании своего грандиозного исторического повествования *«Черные люди»* (Хабаровск, 1963) вновь обратится к образу одного из главных героев житийной литературы, образу протопопа Аввакума Петрова, что будет совсем не характерно для советской литературы того времени с ее атеистическими установками. Но Вс. Иванов, как художник, всегда ставивший выше всяческих идеологий духовность и нравственность, и в послеэмигрантский период оставался верен себе и своим приверженностям вечным человеческим ценностям, аккумулированным в Житиях святых. Христианская вера и верность этой вере всегда занимали в его творчестве большое место.

Потребовалось более полувека, чтобы «Сказание об Антонии Римлянине» Вс. Н. Иванова пришло, наконец, к читателю-соотечественнику, живущему в России, и продолжило заполнение огромной литературной и культурной ниши, которая вследствие идеологических причин имела в советский период тенденцию к увеличению своей зияющей пустоты.

Хорошо известная российской эмиграции писательница и литературный критик Наталия Резникова опубликовала в харбинском журнале «Рубеж» (1935. – № 2) рецензию на «Повесть об Антонии Римлянине» Вс. Иванова. На рубеже 1920–1930-х годов, в период написания этого произведения, внутрироссийская литература ощущала все возрастающее давление внешних факторов на естественный литературный процесс, что вело к его искажению. Подобное произведение религиозно-нравственной тематики, обращенное к вечным проблемам добра и зла в человеческом мире и человеческой природе, не могло рассчитывать на публикацию в условиях проведения политики государственного атеизма. И только в Зарубежье, где русская литература

могла развиваться относительно свободно, это произведение могло увидеть свет и обрести своего благодарного читателя-соотечественника, а вместе с тем законно и полноправно войти в историю русской литературы XX века, насильственно разделенной в 1920-е годы на два потока.

Заметным вкладом в историю русской литературы и культуры, хотя и не в полной мере еще оцененным отечественной наукой, стала книга Вс. Н. Иванова о своем гениальном современнике и соотечественнике, также эмигранте, Н. К. Рерихе: *«Рерих. - Художник-мыслитель»* (Рига, 1937). Этот труд Вс. Н. Иванов заканчивал в последние годы своей жизни в Харбине, «в феврале и марте 1935 года, когда над Харбином, гудя, летели снежные и песчаные бури из неоглядной Гоби; ставни стучали в мое окно, но в комнате было тихо и спокойно:

Ах, как отрадно в тесной келье
Лампада смотрит на тебя...
Опять в душе как бы веселье,
И в сердце, знающем себя...

Такими строками из гетевского «Фауста» передаст Вс. Н. Иванов свое мироощущение в предисловии к первому изданию этой книги. Предисловие автор напишет через два года после завершения основной работы над книгой, уже в Шанхае, 12 июня 1937 года, куда Вс. Н. Иванов переехал в 1936 году.

Всемирно известный художник и мыслитель, стоящий на уровне требований своего времени и во многом опережающий его, – именно на эти две неразрывные грани таланта в уникальной личности Н. К. Рериха обратил внимание писатель Вс. Н. Иванов, сам всегда стремившийся в своей многогранной творческой деятельности сопрягать философскую и художественную мысль.

Личность Н. К. Рериха оказала заметное влияние на творческую биографию писателя Иванова. Появление книги о Рерихе в его творчестве стало важным этапом на пути автора к постижению России. Русские художник и писатель, Рерих и Иванов были знакомы лично, встречались в Китае в 30-е годы, когда Николай Константинович был со своей художественной экспедицией в этой стране. «Монография моя о Н. К. (Н. К. Рерихе – С. Я.), – обратит внимание Вс. Н. Иванов в одном из писем в издательство «Искусство» в 1958 году, – написана на основании личных встреч и бесед с Н. К., /.../, а также на основании материалов, которыми он помог мне. По мере написания, каждая глава книги этой пересылалась мною Н. К. сперва в Пекин, потом в Лагор (Индия), и таким образом книга моя точно отражает мысли самого великого нашего художника. Это текст, заверенный, принятый им». В те годы Вс. Н. Иванов жил в Харбине, много времени работал над проблемами культурной связи и связи культур России и Азии.

Размышляя о вечном, вневременном, книга о Рерихе, как произведение искусства, несет в себе печать своего времени, его проблемы. Работа Вс. Н. Иванова над этой книгой проходила в то время, когда к Рериху пришла мировая слава не только как к великому художнику, но и видному

общественному деятелю по вопросам культуры, общечеловеческих ценностей. Главной заслугой Рериха на поприще общественно-культурной деятельности стало выдвижение им идеи о необходимости «охранять уже раз созданную, стало быть явившуюся в мир красоту». Н. К. Рерих – человек с чрезвычайно широким историческим мышлением, неутомимый, призванный культурный водитель человечества – именно эту сторону духовного облика Рериха акцентировал Вс. Н. Иванов в гениальном художнике и сделал это с величайшей искренностью и убедительностью, как мог сделать только художник-мыслитель, разделяющий духовно-нравственную позицию Рериха.

«Несите в мир красоту, показывайте ее во всех видах, воспитывайте в ней новые поколения, и многое, очень многое, исполнится», – эти слова Вс. Н. Иванова из книги о Н. К. Рерихе обращены из толщи десятилетий к соотечественникам писателя XXI века.

В феврале 1945 года Вс. Н. Иванов вернулся на Родину и поселился в Хабаровске, где жил и плодотворно трудился на писательском поприще до своего последнего дня.

Творчество Вс. Н. Иванова периода эмиграции представляет собой феноменальную страницу из драматической истории русской литературы 20-30-х годов XX столетия. В нем нашли отражение все узловые моменты развития русской литературы как единого, целостного процесса, искусственно разделенного на два потока, литературу эмиграции и внутрироссийскую литературу. Вс. Н. Иванов одним из первых обозначил проблему драматично складывавшихся отношений между литературой метрополии и диаспоры. Его справедливые претензии быть услышанным и прочитанным своими соотечественниками отразили духовный настрой большей части творческой российской эмиграции, проживавшей как на Западе, так и на Востоке. Пронизанное болевыми точками своего времени, его творчество периода эмиграции во многом предвосхитило начавшийся в последние десятилетия XX века процесс воссоединения двух потоков русской литературы. Вобрав в себя многие из главных тенденций единого отечественного литературного процесса, творчество Вс. Н. Иванова эмигрантского периода оказало и продолжает оказывать воздействие на ход литературного развития в России во второй половине XX-го и начале XXI века.

Долгим, мучительно трудным было возвращение писателя к России, к своему народу. Длительная разлука с Родиной потребовала от него огромных усилий и времени для вхождения в общественно-культурную и литературную жизнь страны. А времени на остановку не было, – жизнь продолжалась, грандиозные творческие замыслы требовали реализации. Будучи самобытной творческой личностью, имея богатый писательский и жизненный опыт, Вс. Н. Иванов поразил своих современников необычайным духовным подъемом, высочайшей активностью исторического мышления, неуклонностью своего последовательного интереса к истории и судьбе России, которые имели большие творческие результаты. Главными темами масштабной исторической прозы Вс. Н. Иванова послеэмигрантского

периода стали тема России, ее государственного становления и тема Китая, где писатель, более 20 лет проведя в эмиграции, много работал над изучением культуры и истории страны, принявшей российскую эмиграцию на Востоке.

Произведения Вс. Н. Иванова послеэмигрантского периода в основном укладываются в рамки исторической прозы, за исключением нескольких рассказов о современниках, людях труда, и рассказов для детей. После возвращения на Родину писателем был создан цикл повестей о Китае первой половины XX века, о борьбе китайского народа за освобождение, куда вошли повести *«Тайфун над Янцзы»* (1952), *«Путь к Алмазной горе»* (1956), *«Дочь маршала»* (1969). О событиях революции 1905 года в родной Костроме он рассказал в историко-революционном произведении, романе-хронике *«На Нижней Дебре»* (1958). Сам писатель книги о революции в Китае и России ценил не высоко, считая их данью партийной власти, попытками войти в советскую литературу. Но их объективный анализ свидетельствует о серьезном вкладе писателя в разработку темы Китая и Востока в русской литературе XX века. Историческое повествование Вс. Н. Иванова *«Черные люди»* (1963) является одним из вершинных его произведений. В нем воссоздаются художественно достоверно и полно драматические страницы русской истории допетровской эпохи. Его цикл исторических повестей *«Императрица Фике»* («Иван III», «Ночь царя Петра», «Императрица Фике», 1968) знакомит с художественной картиной трех узловых периодов отечественной истории, имевших принципиальные последствия для будущего России. Последним из опубликованных при жизни писателя стало историко-биографическое повествование *«Александр Пушкин и его время»* (1970).

В 1957 году писатель был принят в члены Союза советских писателей (членский билет № 209). Рекомендации Вс. Н. Иванову при вступлении в ССП дали писатели-дальневосточники Юлия Шестакова и Рустам Агишев. Юлия Шестакова в своей рекомендации написала об Иванове «как человеке, бесспорно, талантливом и преданном интересам нашей Родины». Вступлению Вс. Н. Иванова в ССП предшествовала большая работа, а также преодоление незримого, но сильного сопротивления со стороны части руководства ССП, которое исходило из идеологических соображений, а не творческих, видя в Иванове бывшего белоэмигранта. Вс. Н. Иванову приходилось каждодневно заботиться о хлебе насущном, выполняя самые разные поручения, в том числе занимаясь переводами, работая над киносценариями. И только после выхода из печати его романа-хроники *«На Нижней Дебре»* он получил некоторые материальные условия для занятий писательским трудом. Он предпринял много поездок по стране, собирая материалы к своим будущим крупным историческим произведениям.

В последние годы своей жизни Вс. Н. Иванов поддерживал тесные творческие и дружеские отношения с такими писателями и литературоведами, как Н. Задорнов, К. Симонов, Ст. Злобин, С. М. Петров, П. А. Николаев.

Незадолго до смерти Всеволод Никанорович выглядел скорее не больным, а утомленным жизнью. Один из его современников, навестив писателя незадолго до его смерти, оставил воспоминания об этом: «...серо-голубые глаза в припухлых веках слезились, и сидел он в кресле на надувном детском спасательном круге, о котором сказал, усмехнувшись: «Плыву теперь уж в края неведомые». Посеребрилась жесткая щетина усов, почти выбелились крепкие волосы, зачесанные назад, и все грузноватое тело его как бы освободилось от лишнего веса... Внешне и внутренне этот могучий человек «соборовался», приготовил себя в «края неведомые», то есть божеские для него, верующего». В этой, одной из его последних бесед, ярко выразилась сила натуры, природной сути Вс. Н. Иванова, отразившаяся в концепциях всех его главных книг. Это прежде всего его неизменная приверженность практике жизни, ее природным законам, а не идеологическим доктринам.

Как человек и писатель, сформировавшийся в социально-культурной атмосфере либерально-демократического общества, Вс. Н. Иванов запечатлел в своем богатом наследии тип свободной творческой личности гражданина, мыслящего масштабно, всегда соотносясь при этом с практикой жизни, ценностями вечными, несиюминутными.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Почему отношение Вс.Н. Иванова к истории можно считать его духовно-нравственным, эстетическим кредо?
2. В каком романе Вс.Н. Иванов художественно воссоздал историю своего детства и юности? Охарактеризуйте жанр этого произведения.
3. Какие факторы жизни и встречи с выдающимися деятелями культуры начала XX века повлияли на формирование философско-культурологической, художественной картины мира будущего писателя Иванова?
4. Какие проблемы поставила взрослая жизнь перед юным Всеволодом?
5. Воссоздайте главные вехи жизни Вс.Н. Иванова периода студенчества (1906 – 1911).
6. Анюта Нагорова и Вера Ивашкевич в судьбе Вс. Иванова.
7. Через какие произведения Вс.Н. Иванова проходит образ, прототипом которого стал приятель писателя Сергей Касьянов?
8. Пермь как веха в судьбе Вс.Н. Иванова.
9. Какие художественные мотивы определяют переживания лирического героя одного из первых сонетов Вс.Н. Иванова, посвященного Д.В. Болдыреву «Свет электрический, притухший, с краснотой...»?
10. Охарактеризуйте образ истории, художественно воссозданной в сонете Вс.Н. Иванова «Клио».
11. Приведите факты влияния личности и творчества А. Блока на наследие Вс.Н. Иванова.

12. Соотнесите социально-политические и философские мотивы в сонетах Вс.Н. Иванова о гражданской войне («Междоусобие», «Трупы» и др.).

13. Определите роль восточных мотивов в художественной структуре «Беженской поэмы» Вс.Н. Иванова.

14. Воссоздайте основные вехи журналистской деятельности Вс.Н. Иванова (Омск – «Наша газета», Владивосток – «Вечерняя газета», Харбин – «Гун-Бао»), сформулируйте духовно-нравственные приоритеты писателя.

15. Определите идейно-художественное своеобразие очеркистики Вс.Н. Иванова о гражданской войне («В гражданской войне: Записки омского журналиста», Харбин, 1921; «Крах белого Приморья: Записки журналиста», Тяньцзинь, 1927; «Огни в тумане: Думы о русском опыте», Харбин, 1932; М., 1991).

ФИЛОСОФСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА ВС. Н. ИВАНОВА

Творческое наследие Всеволода Никаноровича Иванова — это большой, сложный мир, созданный автором на пересечении философской мысли и художественного творчества. Разнообразное, универсальное в своей сути творчество писателя пронизано главным — стремлением познать человека и осознать его место на координатах общечеловеческой истории. Поэтому тема России, ее исторической судьбы стала одной из определяющих в его творчестве.

В долгие и тяжелые годы эмиграции (период с 1922 по 1945 годы) поиски путей дальнейшего развития истории России в творчестве Вс. Н. Иванова углубились. О серьезной философской основе этой проблемы свидетельствует целый ряд его концептуальных исследований. К их числу принадлежат работы *«Мы: Культурно-исторические основы русской государственности»* (Харбин, 1926), *«Философия Владимира Соловьева»* (Харбин, 1931), *«Дело человека: Опыт философии культуры»* (Харбин, 1933).

По своим философским взглядам Иванов был близок евразийству, которое, мощно заявив о себе после гражданской войны, занимало своеобразное место в политических течениях российской эмиграции 1920-1930-х годов. Основателями этого философского течения выступили князь Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий, сторонниками стали митрополит Антоний, известный литературный критик и литературовед П. М. Бицилли. Несомненным главой евразийства на российском эмигрантском Дальнем Востоке был Вс. Н. Иванов. Близость к евразийству выявилась и в творчестве другого крупного писателя дальневосточной эмиграции Альфреда Хейдока.

В идейном отношении евразийство было неоднородным, его сторонники не примыкали ни к одной из политических партий. По сути это было не политическое течение, а духовное. В своем учении евразийцы

руководствовались требованиями жизни, ее практики, а не теории. Основой их мировоззрения являлись требования исторического восприятия жизни и необходимости продолжения исторической традиции. Сторонники евразийства считали, что сама природа издавна предопределила общность народов, населяющих Евразию, и дело политиков – только завершить это предназначение через государственное объединение. Религия служит для евразийцев той основой, к которой сводятся вопросы культуры, права, государства. Историю России они понимали как историю рождения и развития православной церкви. Большой вклад в это учение внесли богословы А. В. Карташев (1875–1960) и Г. В. Флоровский (1893–1979). По утверждению евразийцев, именно народный русский дух является движущей силой исторического прогресса, понимаемый как нерасторжимое единство быта, государственности и церкви.

Евразийство стало своеобразным продолжением творческого и духовного подъема, пережитого Россией в эпоху серебряного века русской культуры с его широким масштабом культурных открытий и достижений. Важным духовным опытом для евразийцев стала мировая война 1914 года и установившийся затем несовершенный «мир». Время возникновения этого направления было определено переживанием и осмыслением Великой смуты, событий 1917–1919 годов. Именно так оценивали они происходящий на их глазах распад России как государства в 1918–1919 годах и последовавшее затем его воссоздание на основе неправды, коммунистической, марксистской идеологии. Евразийцы ощутили необходимость предложить свой путь объединения России, органическое соединение Востока и Запада – Европы и Азии – «Россия – Евразия». Важным объединяющим началом евразийцев было антизападничество, которое имело и прямой заданный сверхсмысл: поиск функциональной оригинальности Евразии, нахождение ее особого миссионерского пути. Стремление отделить Россию от Европы на основе большой евразийской идеи стало руководящей идеей евразийцев, которые в своих трудах сосредоточенно разрушали представление о благотворности влияния Западной Европы на мир. Романо-германская культура, цивилизация, наступающая на мир и подчиняющая его себе, лишает другие народы веры в ценностное достояние собственной национальной культуры, считали евразийцы. Именно так происходило в последние века с Россией. Евразийцы отрицали линейный европоцентристский подход к истории культур, рассматривая русскую культуру в ее исторической глубине. Антизападничество евразийцев, людей европейской культуры, не должно трактоваться однозначно: они не могли быть и не были отрицателями Европы.

Заметный вклад в историко-культурное, философское осмысление проблемы «Восток – Запад», разработанной великим русским философом В. С. Соловьевым, внес Вс. Н. Иванов. В 1920–1930-е годы он создал труды публицистического, научного, философско-культурологического характера, получившие высокую, порой неоднозначную оценку не только в кругах дальневосточной, но и западноевропейской эмиграции. Ученическую

приверженность, равно как и собственный дар предвидения выразил Всеволод Никанорович в докладе, прочитанном им по случаю тридцатилетия со дня смерти Владимира Соловьева в мае 1931 года на заседании Педагогического института в Харбине. Сознание нашего современника не могут не поразить оценки, данные достижениям философии Вл. Соловьева, а также прозорливое предвидение огромной значимости, которую приобретает философия Вл. Соловьева для последующих поколений россиян: «Владимир Соловьев имеет все права на то, чтобы быть признанным национальным русским философом, а также философом всечеловеческим», но он «тем не менее, остается еще и до сих пор как бы втуне, неиспользованным в сокровищницах русской мысли, ожидая там яркого и всенародного признания, ожидая там своего влияния». Этот доклад Вс. Н. Иванова был опубликован харбинской газетой «Русское слово», а затем вышел отдельной брошюрой *«Философия Владимира Соловьева»*.

К концу 1920-х годов все заметнее становилось падение «политической зарядки» беженской массы. Период активной политической борьбы миновал, оставив в душах эмигрантов много горечи и разочарований. Создавшаяся обстановка не благоприятствовала даже самой скромной политической работе. В настроениях дальневосточной эмиграции наметился глубокий перелом. Наряду с явными признаками усталости появился повышенный интерес к вопросам культуры и искусства. Отчаявшись в возможности «добыть» Россию немедленно, эмиграция делала попытки, как писал О. Штерн, «метафизически воссоздать ее за рубежом при помощи великого колдовства - искусства».

В конце 1920-х годов отходит от политики и Вс. Н. Иванов. Его все больше начинают занимать проблемы искусства, философии культуры, но в неперенной связи с Россией. В одном из писем 1958 года он вспоминал: «В те годы я жил в Китае в эмиграции, но все время работал над проблемами культурной связи и связи культур России и Азии».

Здесь же, в Харбине, он много занимался культурно-просветительской деятельностью среди русских эмигрантов по вопросам истории и культуры, проблемам связи культур, истории Азии и России. Так, 18 марта 1926 года в Харбине, в помещении гимназии Оксаковской, состоялся доклад Иванова по вопросу, волновавшему его современников. Вот некоторые положения его доклада: великое наследие Азии; европейское движение в понимании русской культуры; Азия – колыбель русской государственности; великий князь Московский – наследник Чингисхана.

Оппонентами к докладу выступили сторонники монархического течения политической мысли дальневосточной эмиграции В. Ф. Иванов и Г. Г. Сатовский-Ржевский. Чистый доход от лекции поступил в пользу бедных учениц гимназии Оксаковской. Последний факт небезынтересен, так как он характеризует стремление Иванова внести личный, конкретный вклад в решение вопросов культуры и образования своих соотечественников за рубежом.

Органическое, полученное от природы чувство истории, многократно приумноженное страстью к истории как к науке, сделало Вс. Н. Иванова приверженцем евразийства. Все многообразное, богатое, разножанровое научное и художественное творчество этого писателя несет на себе печать евразийства как духовного стержня. Этот духовный стержень не стал догмой, он, как живой организм, рос и развивался вместе с изменяющимся человеком и миром.

Безусловно, главной книгой Вс. Н. Иванова-евразийца стало его историко-философское эссе *«Мы: Культурно-исторические основы русской государственности»*, близкое по жанру к философско-исторической публицистике. Появление книги вызвало настоящую бурю в эмигрантских кругах не только на Востоке, о ней писали, спорили российские эмигранты и в Западной Европе. Больше других, как вспоминал сам Всеволод Никанорович, негодовал А. Ремизов, а П. Бицилли в том же году в парижских «Современных записках» дал обстоятельную рецензию на работу Иванова. В предисловии к книге «Мы» автор обосновывает свой выбор: «Движение евразийцев должно быть приветствуемо всеми любящими свою страну русскими людьми. Из их исследований веет душистостью степей и пряными запахами Востока. Они правильно вносят поправку в дело славянофилов, ища на Востоке того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Константину Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы. Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя». Автор не случайно в первых строках предисловия обращает внимание читателя на то, что «книга написана не ученым-историком, а журналистом». Вс. Иванов, ничуть не принижая своих познаний в области истории, главную задачу определяет как журналистскую и публицистическую: просветить и убедить.

Основная мысль работы Иванова сводится к тому, что русская государственность и русская великодержавность связаны генетически с государственностью и великодержавностью монгольскими. Историческая судьба России определилась тем, что все русские земли вошли в XIII веке в состав единственной в истории, охватившей почти весь необъятный Старый Континент Империи Чингисхана. Объединение русских земель вокруг Москвы протекало внутри этой империи: Московский князь, собирая русские земли для хана, собирал их тем самым и для себя. Затем, после распада Монгольской империи, Московская Русь сделалась ее наследницей; русская экспансия была движением ответным на монгольскую, шла в обратном направлении, но по тем же путям. Уже Ключевский отмечал колонизацию как главный факт русской истории, объясняя им все особенности внутреннеполитического и социального развития России. Вс. Н. Иванов, беря в расчет изменения в международной политике в результате событий первой четверти XX века, в качестве главного факта русской истории рассматривает создание великой «азиатской», или «евразийской», империи. Иванов констатирует образование нового узла международной политики – тихоокеанского, – как следствие расширения России и Англии в восточном

направлении, Северной Америки – в западном, Японии – в юго-восточном, и пробуждение Китая. «Вполне возможно, – делает выводы автор работы «Мы», – что мы ныне присутствуем при зарождении новой эры мировой истории – эры тихоокеанской, или азийской, после эры европейской». Последующие события подтвердили правоту исторической интуиции Иванова. Перед лицом гигантских государственных образований, группировавшихся по берегам Тихого океана, Запад явно утрачивал тогда свою политическую гегемонию.

Вс. Н. Иванов принадлежит к числу немногих, увидевших в 1920-е годы стоящую перед русской исторической наукой задачу: обратить свой пристальный взор к изучению азиатской составляющей как принципиально важной для развития русской истории и культуры, поскольку Русь вышла некогда из лона азиатской «провинции». Россия, одинаково принадлежа как Европе, так и Азии, должна активизировать научный потенциал в изучении своих азиатских истоков, настаивал Иванов-ученый. Теоретические наблюдения и выводы, которые делает Иванов-историк в этом труде, особым светом высвечивают все его последующее художественное творчество. Темы русской и китайской истории, проходя в дальнейшем через все его крупные художественные произведения, приобретают исключительную значимость и ценность, характеризуя в то же время необыкновенную целеустремленность и целостность художественно-исторической концепции писателя-историка.

Обладая весьма редким даром исторической интуиции, который отмечал в своей рецензии П. Бицилли, Вс. Н. Иванов в этой историко-философской книге приводит массу глубоких и пластичных формулировок, емко выражающих суть вещей. Выясняя культурно-исторические основы русской государственности, Иванов проявляет себя как знаток китайской цивилизации: «как бы жизнь нашего отечества ни утрясалась в старых, свободных формах, как бы она ни оседала, – говорит автор по поводу петровской ломки московской «китайщины», – все же она никогда не достигала той высокой степени культурной сработанности, прилаженности, которой достиг... Китай, эта страна филигранно отточенной традиционности, каковая страна, быть может, единственная в целом мире, в состоянии держать в равновесии свое лишенное единой центральной воли государство». Заявляя о своей близости к евразийцам, Вс. Иванов вступает с ними в явную полемику, когда размышляет о роли и месте Петра I в истории России, этом «деспоте-изобретателе»: «как только принципом деятельности духа выставлен принцип свободного исследования – дух начинает жить своей собственной неудержимой жизнью, подобно тому, как ожила метла волшебника, не знающего, как прекратить ее действие. Пусть рационалистический принцип появился лишь в одной самодержавной голове Петра Великого, но от участников в государственных своих делах он требовал свободного понимания своей задачи, понимания государственного. Деспот несет с собою свободу... Дубинка требовала от упрямец свободного действия». Иванов не отрицает важной исторической роли государственной деятельности Петра I, не идеализирует московское православие, дает трезвую

оценку Петровской реформе церкви. Глава о Петре I проникнута пафосом государственности. Петр I представлен как европейский, свободным, творческим духом дышащий продолжатель дела Чингисхана и его московских наследников. Не Петра обвиняет Вс. Иванов в последующем трагическом ходе русской истории, а тех, кто, продолжая его дело, оставались глухими к вытекавшему из самой сути его преобразований призыву к свободе. Правящий класс, создавшийся при Петре I, не пожелал взять на себя весь груз ответственности, а значит, остался несвободным. Вс. Иванов упрекает правящие круги России и ее интеллигенцию в инфантильности, исторической безответственности, возлагая на них вину за приход революции в Россию. Автор не щадит и себя, стремясь хотя бы часть вины избыть своей просветительской деятельностью.

Рассматривая вопрос об истоках русской цивилизации, Вс. Н. Иванов мыслит порой категорично, словно не допуская полемики, что было обусловлено публицистической направленностью книги.

В целом книга «Мы» явилась серьезным вкладом Иванова в культурно-историческую разработку проблемы русской государственности и стала крепким теоретическим фундаментом всего последующего творчества писателя-историка. Нельзя не согласиться с высокой оценкой этой книги современником Вс. Иванова, известным на Западе профессором П. Бицилли: «Вообще, по духу, по настроениям и влечениям, автор, быть может, сам того не сознавая, - гуманист, возрожденец, «эллин», - даже слишком». Книга Вс.Н. Иванова могла бы быть чрезвычайно интересна и полезна молодому читателю рубежа XX и XXI веков, когда не ослабевает тенденция преимущественного давления на Россию со стороны Запада. К сожалению, она остается не изданной в России.

Вс.Н. Иванов активно отстаивал идеи евразийства, как единственно верно дающего историко-культурные ориентиры на будущее, предначертанное всем ходом исторического развития человеческой цивилизации, занимая в этом течении философской мысли свое особое место. Издававшиеся в Париже во второй половине 1920-х годов «Евразийские хроники» широко пропагандировали идеи евразийцев, их полемику по различным вопросам. Так, в одном из писем Вс. Н. Иванова из Цинанфу в Париж В. П. Никитину можно встретить такую характеристику современного его автору культурного процесса в мире: «Европа поскользнулась на том, что формы ее творчества оказались по существу слишком modern, т. е. переменчивыми, хотя бы и в претенциозных наших революциях. <...> Мы наблюдаем не «движение Азии на Запад», а своеобразный процесс усиления и одухотворения западной культуры известными элементами вечной Азии, никуда не идя». Вс. Н. Иванов выступает против узкого понимания паназиатизма как политического явления европейского порядка. Он пишет: «Современный Паназиатизм – это обратная волна той культуры, которая, прихлынувши к Атлантике в начале нашей примерно эры, летит теперь обратно, завершая культурный круг, создавая государства, как быть надлежит, <...> которые будут правдивее, чище, крепче современных

европейских образований, подобно тому, какой была Россия, одухотворяя Тихий Океан...»

Идеи евразийства не изжили себя. В конце XX века многие ученые-историки вновь стали апеллировать к ним. М. Л. Титаренко в своем современном исследовании «Россия лицом к Азии» представляет конструктивный сценарий грядущего возрождения России. Он считает, что новое, современное евразийство призвано остановить полное саморазрушение постсоветского геополитического пространства и, в конечном итоге, не только стать «идеологией российского обновления, новой парадигмой возрождения России, но и дать пример новых идей междивиллизационных отношений в постиндустриальном, информационном обществе». Однако пути духовного ренессанса для российской Евразии не должны представляться простыми и скорыми, считает исследователь.

Неизменный интерес Вс. Н. Иванова к исторической теме, обусловленный природой его таланта и сознательной духовной приверженностью идеалам евразийства, носил глубоко научный, философский характер. Историк и философ по образованию, он через всю жизнь пронес стремление глубинно постичь путь России, смысл гигантских событий в ее истории, основные движущие силы этих событий, роль и место человека в них. О целенаправленной деятельности в этом направлении говорит его труд культурно-философского, или культурологического, характера *«Дело человека: Опыт философии культуры»*. В этой книге автор, исследуя пути и способы познания человеком мира и самого себя, целей своей собственной жизни, рассматривает такие роды познания, как наука, искусство, история и религия. Каждый из данных человеку способов познания раскрывает свою грань мира и человека. Лишь взятые в совокупности, используемые комплексно, они могут приблизить человека к истине. К ней, к истине, устремлялись все дела и помыслы писателя и ученого, которому был присущ универсализм мышления, мышления понятийного и образного.

В предисловии к этой книге автор с горьким сожалением констатирует свою фактическую оторванность от России, внутренняя связь с которой в годы эмиграции стала еще крепче: «Очень жаль, что пишущий эти строки, сущий в эмигрантском рассеянии, оторван от родных библиотек русских столиц, оторван от общения с живыми соотечественниками, которые думают общую думу». Взяться за работу подобного рода писателя и ученого побудила сама жизнь, ее бурные, порой кровавые события, острая внутренняя потребность постичь их, проанализировав. «Кровавые события, которые разыгрываются на улицах, могут быть изжиты двояким путем: или полным истреблением одной из сторон, или же спокойным распутыванием нитей запутавшихся коллизий. Который предпочтем? За себя и за читателя ответим: – второй». Этому сложному процессу распутывания философских, исторических и социальных нитей и должна была, по замыслу автора, способствовать книга о главном деле каждой человеческой личности: о постижении мира и человека.

Написание книги стало попыткой Вс. Н. Иванова докопаться до сути вещей, постичь причины произошедшего в истории России. «Русское образованное общество должно наконец размышлять, должно породить независимую русскую мысль, не боящуюся выводить следствия, наряду с русскими откровениями, чаяниями, опытами; должна же родиться русская философия! Когда то будет – еще не известно, но верю – это будет!» Мысль об этом, как внутренний огонь, жгла сердце писателя, звала вперед, будила творческие силы.

Большой интерес представляют смелые и оригинальные размышления Вс.Н. Иванова, художника и мыслителя, об искусстве, его роли и месте в познавательной деятельности человека. Искусство призвано, утверждает Иванов, раскрыть перед человеком такие глубины жизни, которые не подвластны сухой науке. «Искусство – есть тоже род познания, – пишет он в книге «Дело человека», – весьма авторитетный, и должно сказать, что наблюдаемое пренебрежение к нему со стороны патентованной науки – не может быть ничем обосновано. <...> Материальными образами искусство рисует нам некоторую реальность, реальность в полном смысле, реальность, относящуюся по характеру своего существования к цели, реальность которой нельзя пощупать руками, но которая «реальней-ша», которая дана в мире интеллигибельном, откуда непреходящее значение интеллигенции». Свои культурологические наблюдения Вс. Иванов проводит на материале художественных произведений русской и мировой классики, невольно выявляя свои писательские пристрастия. Поскольку его книга является библиографической редкостью, позволим привести ряд цитат, раскрывающих философские и эстетические позиции Вс. Н. Иванова не только как писателя, но и как литературного критика. «Реальности человеческого, хотя и «психологического», но в то же время жестокого опыта развернуты нами в полотнах Достоевского. В них подвергаются испытанию естественные, природные, органические страсти, чтобы быть побежденными моральными верховными принципами. <...> Цель жизни в простой и мудрой природе видна нам в первых произведениях Горького, покамест правдивое око искусства этого даровитого писателя не оказалось искаженными концепциями, которым придана онтологическая сущность, а также и у Дж. Лондона. Тихое человеческое сердце, тоскующее по действию и в то же время находящееся в сладком предожидании взрыва творческой энергии – мы видим в изумительных творениях Чехова.

В произведениях Тургенева – перед нами разворачивается мир природы; – мир национального родства, и глубоких, подчас страшных, подчас мистических прозрений видим мы в произведениях Лескова. Что же касается Толстого – то там сплошная конститутивного почти типа механика человеческой души». Отметим, что это особое отношение Вс. Н. Иванова к личности Л. Толстого и его творчеству станет предметом размышлений в ряде его статей.

Автор монографии о главном деле человеческой жизни и о способах ее познания исключительно роль отводит миру поэзии. «Еще знаменательнее

мир поэзии, – пишет Иванов. – Он не менее существенен, нежели мир прозы, напротив гораздо более реален. Еще Сократ сравнивал поэтов с оракулами, потому что поэты, как и оракулы, не знают, что говорят, и в то же время говорят истину. И поэты, действительно, бывают прямо пророками, в прямом смысле этого слова. Они как бы видят самым удивительным образом всю структуру будущего, видят ее в образах, которые охватывают собой и предвосхищают собой наши все инвенции». Пророками Иванов считает Пушкина, Лермонтова, Тютчева, не забывая об Аксакове и Хомякове. Из числа своих современников истинным пророком он называет А. Блока, который в своих «Двенадцати» предсказал всю суть русской революции, с ее началом и финалом.

Подводя итог рассуждениям об искусстве как способе познания, Всеволод Никанорович резюмирует: «Искусство, таким образом, не чуждо знанию, оно не противоречит ему, оно его расширяет, дополняет до всех сторон человеческого духа. Оно и только оно может вскрыть эту механику целей, показать, как они возникают, как бывают избираемы, на какие высоты и в какие тупики заводят они человеческий дух <...> Равным образом, искусство может дать понятие о некоторых конститутивных законах в царстве целей, о том, что мы называем Добром и Злом, что мы знаем все, и о чем мы не имеем «ни малейшего понятия».

Но искусство, изображая наш мир целей в их полной индивидуальности, все-таки дает нам этот мир в отрыве от целостного процесса движения целей всего человечества. Человек же, в силу временной ограниченности своего существования, стремится увидеть и осознать свои связи с миром людей других эпох, почувствовать свое место на координатах общей истории. Поэтому Вс. Н. Иванов подводит читателя к мысли о необходимости третьего пути познания. В главе «Три пути человеческого знания» автор утверждает, что «нам кроме «науки» и «искусства», как отделов познания — нужна еще и история». Человеческое знание, таким образом, начиная с внешнего мира в законах конститутивных, создает само себе свой новый объект в царстве Культуры, которое представляет собой сплошной мир истории.

Человечество не может ограничивать число дорог своего знания, приближающего его к познанию истины. В заключительной, восьмой, главе книги Вс. Иванов обращает свой взор к особому пути знания человеческого, к религии.

Вопросы истории, требование исторического подхода к оценке событий настоящего оставались главными как в научном, так и в художественном творчестве Вс. Н. Иванова периода эмиграции. В своей монографии о Н. К. Рерихе (*«Рерих — художник-мыслитель»*, Рига, 1937) писатель с сожалением и горечью заметил: «Нет! И исторически мы не знаем России. Потому, что истории русской разработано еще не было. Были известные те или иные схемы. Но русское образованное общество не знало родной истории так, как ее следовало знать, чтобы верно руководиться ею». Категоричность этого высказывания обусловлена глубокой личной

заинтересованностью, обеспокоенностью писателя и ученого за судьбу России. Первенство интереса Иванова-ученого к истории предопределило его последующие художественные поиски в эмиграции и после возвращения на Родину.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какие труды Вс.Н. Иванова посвящены философско-культурологическим проблемам поиска путей исторического развития России?
2. Каковы идейные основы евразийства как духовного течения?
3. В чем сущность и неоднозначность антизападничества евразийцев?
4. Как определяет Вс.Н. Иванов место и роль философии Владимира Соловьева («Философия Владимира Соловьева», Харбин, 1931) в истории русской философской мысли?
5. Акцентируйте основную мысль работы Вс.Н. Иванова «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926) и охарактеризуйте ее жанр.
6. Назовите произведения Вс.Н. Иванова эмигрантского и послеэмигрантского периодов, в которых актуализируется тема Востока.
7. Какие роды познания анализирует Вс.Н. Иванов в своем культурологическом труде «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933)?
8. В чем видит писатель Иванов высшее предназначение искусства?
9. Почему особое место в искусстве, как способе познания жизни, Вс.Н. Иванов отводит поэзии? Приведите аргументы писателя.
10. Какое место в системе познания мира Вс.Н. Иванов отводит истории?
11. В каких произведениях Вс.Н. Иванова первенствует тема истории?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ И НЕЗНАКОМЫЙ ПОЭТ ВСЕВОЛОД НИКАНОРОВИЧ ИВАНОВ

Имя писателя Всеволода Никаноровича Иванова достаточно известно читателю России, однако его поэзия периода эмиграции крайне мало публиковалась в России. Его поэтическое наследие являет уникальный художественный опыт переживаний человека переломной эпохи, запечатленный в разных по жанру произведениях.

ПЕТРОПАВЛОВСК

(стихотворение в прозе)

На небе серые тучи, на платье – серая пыль. И ветер серую бороду свою по земле волочет и к низеньким заборикам прижимается – дикий ветер степной.

Не сыны ль твои из степей идут? Видишь: маленькие кони гривы разметали; серые острые глаза хозяев смотрят сердито на запад. Видишь: ртутью брызнули в небо шашки – солнце целует сталь. Они! Они, сыны твои идут, степной ветер! Кровью своею, телами своими залечат алые кровоточащие раны Родины...

Шепчешь ты, ветер степной:

“Да, залечат”...

На небе серые тучи, на платье – серая пыль.

Подпрыгивает таратайка извозчика, а в ней измученное лицо в бледно-зеленой гимнастерке; на погоне звездочки... Каким плачем плакать мне, о, Господи? Прекраснейшему цветку моему как поклонюсь? Как расскажу о его муках, об его страданиях – не могу. Взгляни на его лицо – оно все тебе скажет.

Шепчешь ты, ветер степной:

“О прекрасном не кричат. Молчи...”

Дождик накрапывает. Серая пыль к земле прижалась. Из окон выглядывают обыватели, и в глазах их читаешь страх:

“Идут красные!”

А на белой стене магазина кричит плакат:

– Все на борьбу с большевизмом!..

Дальше, дальше, ветер степной: через болота, реки, равнины, горы – на Восток,

Громом пронесись:

– Все на борьбу с большевизмом!

И чтоб немного, на неделю, на месяц забыли все о себе – вспомнили сто миллионов умирающего от голода народа.

– Все на борьбу!..

Алым пламенем пышут пожарища, на Уральском хребте – красный флаг русского позора.

- Все на борьбу!..

Длинной змеей кирпичного цвета ползут к Уралу поезда, и сотни и тысячи людей гибнут...

Шепчет ветер степной: "Все на борьбу!"

И вот он уходит, уходит, уходит... на восток, на восток.

И гуль, гуль слышен вдали и молнии чертит в темных тучах...

– Все на борьбу!..

(Газета "Вперед". – Омск / Редактор-издатель:
В. Г. Янчевецкий. – № 115. – 22 августа 1919 г. – С. 1)

ТРИ СОНЕТА

1. ВИДЕНИЕ

Был виден звездный шар, гирляндой перевитый
Кентавров скачущих, амуров, полных жён,
Где в хмельные моря душою погружен
Метался в пляске бог, в венке румяной свиты.

Его влекли с собой нагие Суламиты
И радугами солнц пылал весь небосклон.
Связуя с воплями в одно небесный звон
С созвездий благостно взирали еремиты.

Дышала музыкой и восклицаниями плоть,
И пьяный шествовал торжественный Господь,
Рыгая и неся упитанности бремя.

А звездный синий шар, кружась наперекор,
Гармонией небес крепил веселый хор
И звездные лучи указывали время.

2. ДЬЯВОЛ

Я видел дьявола безрогим, нехвостатым.
Artilex maximus, он строил на песке,
Развертывал миры на грифельной доске,
Не зная удержу учёнейшим цитатам.

В поношенном пальто, с воротником поднятым,
С почтенной сединой на ссохшемся виске,
По мокрой мостовой шагая налегке,
В тумане осени он мне казался братом.

"Чтоб легче было жить – в бессмертие поверь".

"Чтоб не заботиться – забудь о нем теперь".

"Вступи навек в союз с наукой площадною..."

А город под дождем ворочался, как спрут,
В час изумительный, когда огни зажгут,
И тлеют, мутные, подземною игрою.

3. ФИНИКИЯ

Богослужение таинственным богам
Как все таинственно в тебе, о, Финикия!
Падет багряный день в зеркальности морские
И розами костров означен горний храм.

Прямыми формами подъятое к звездам
Темнеет капище и тени золотые
Порхают по полу, где девушки нагие,
Закутав голову, несут к твоим ногам.

К колоннам тяжким двум, рогатая Кибела.

Ты, в жирной копоты базальтовое тело,

Мечту сладчайшую души глухой своей.

Пифагореец, жид, торгаш Эллады дальней,
В одеждах праздничных гулять толпой нахальной,
Амуры хищные закутанных Психей.

(Окно. – Харбин. – 1920. – Ноябрь. – № 1. – С. 12.)

ДЕМОКРАТИЯ

(сонет)

Народной глубины извечная стихия!

Для духа тонкого несносен зычный рев,

И рдяный дым от труб огромных городов,

И вопли бунтаря, и площади пустые.

Но в парке иногда, где зеркала стальные,
Недвижные пруды удвоят сон дерев, –
Как отдаленный хруст морских живых валов,
Твой сладостен отгул, моя Демократия.

Вот осень. Грязь блестит и листьев алый лёт

Над статуей Весны свой каждый пляс ведёт,

Пляс похоронный там, где умерла Природа.

Но гонги звучные и криков и огней,

И вопли города свидетели и ней, –

Об силе божеской живущего Народа.

(Литературно-художественное приложение к воскресному номеру
газеты “Русский край”. – Владивосток. – 23 октября 1921 г. – № 116.)

ГОЛУБОЙ ДРАКОН

В полях полевыми огнями

Изгоняется зимний сон:

Взошел он, взошел меж дымами

Синий, синий дракон.

Давно ли мы его встречали

В час, когда день померк,

И соперничал с фонарями

Праздничный фейерверк.

Весь во флагах нашей деревней
Медленно шествовал он,
Как само небо древний
Царственный синий дракон.
Теперь он плавает в небе,
Сменяет его луна.
И заботою о хлебе
Фанза моя полна.

Утром встает он, лазурный,
В шелке красных огней.
Видит синие курмы
Покорной семьи своей.
И пощады не знает
Нерадивому строгий закон.
В дымах на нас взирает
Царственный синий дракон.

(Русский край: газета. – Владивосток. – 1921. – № 137.)

ЯПОНСКИЕ СТИХИ

СЛИВА

Белые цветы, как бабочки на тонких ветках,
Ветки без листьев, их ветер не качает, а слегка трясет,
Фарфоровая луна на зеленом небе.
Слива цветет.

ЛЮБОВЬ

Серебряные нити дождя во тьме, на электрическом свете,
Вонзаются в кустики брызг, тоже блестящих.
Плоский зонтик, черная крыша, соединяет их обоих.
Стоят прижавшись.

ИГРУШКА

Под зеленым светом газа в длинной лавке
Среди зеркал и гребенок стоит игрушка.
Разодетый самурай под цветущей вишней
Чертит на дереве заветное имя.

ВЕТЕР

Теплый ветер веет, и на высоких шестах летают красные карпы.
Нырют в воздухе, вьются и носятся.
Розовым цветом залиты пустынные вишни.
У домика раздвинуты рамы. Внутри прохладно.

НОСИЛЬЩИКИ

Пусть бредут в грязи бедные носильщики, как ежи в соломенных
накидках.

Дождь звонко стучит в их широкие шляпы конусом.

В паланкине, за стеклами, прижавшись – молодая дама.

Над горами ветер носит облака и туманы.

КРАСОТА

Луна холодна на синем шелке неба, над черной зонтичной сосной;

Холодны цветы, изысканны изящные вырезы без запаха;

Всего холоднее белый снег на пурпуровых воротах храма.

Эти три холодные вещи весьма красивы.

(Русский край: газета. – Владивосток. – 1921. – № 137.)

КИТАЙЦЫ

Китайцы ходят с фонарями

С большими, красными, как луны,

Что над китайскими полями

Вписали огненные руны.

Суровы древние законы

И потому покой их мирен:

Ведь вокруг селений и кумирен,

Змеятся горы, как драконы.

Здесь страх пред будущим излишен,

Здесь серебристой ширмой Запад

Еще чеканит чернью лапы.

Душистых крупных, белых вишен.

И слушая тысячелетий,

Невнятный, но понятный голос,

Они, доверчивые дети,

Выращивают пышный колос.

(Русский край: газета. – Владивосток. – 1921. – № 137.)

ХРИСТОС

(сонет)

Дух лука едкого носился над толпой;

Гудела праздная. Сквозь пыльный зной глазела,

Чьей смертью кончится неправедное дело,

Кого манипулы проводит медный строй.

Двоих разбойников, а третий – кто такой?

Его весьма браня, почтенный старец белый,

Со свитками в руках, плюет освирепелый,

В безумное лицо со сбитой бородой.

А ввечеру был дождь. За тяжким парным днем

Взвился песок в садах, пронесся вихор, гром

И матери детей домой тревожно звали.

Три тела вздернутых крестами между туч,
В струях дождя являл зеленых молний луч,
И несколько сердец напрасно чуда ждали.
(Литературно-художественное приложение к воскресному номеру
газеты “Русский край”. - Владивосток.-18 декабря 1921 г. - № 172.)

АМПИР

(сонет)

Когда обманутый философами мир,
Взыскупя по богам, создал Наполеона –
Средь шатких ступеней недедовского трона
Взошёл, как белый цвет, изысканный Амфир.
Отзвучье тонкое Гомера грубых лир,
Кинжал Гармония, кирпичная колонна,
Из лавров Корсики сплетенная корона,
И консул – генерал, развенчанный кумир.

Верны высокому, медлительные девы
На пёстрых кошельках вторят венков напевы,
В цветистом бисере живёт ещё Давид.
Но, вместо Греции, Парижа и Ваграма, -
Под ветром Скифии дрожит ночная рама,
И тусклая свеча, как золото, горит.

(Русское обозрение: Ежемесячный журнал /литературный, научный и
политический/. – Пекин: Русская типография. – 1921. – № 1–2. – С. 154.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЮБОВЬ

Шампанского бокалы напивив,
Прочтем “Женитьбу Фигаро”,
Припомним, как любил Тургенев
Всю жизнь Полину Виардо...
При свете свеч, в своих мансардах,
Подыдем пенистый бокал...
Был Пушкин в черных бакенбардах
И Гончарову целовал...
На зеркалах фигуры плоски,
В зеркальных далях тонкий свет...
Изящно посылала Жуковский
А. А. Воейковой привет.
Пролилась золотая пена
На твой нарядный, черный бант...
В Майорке обнимал Шопена
Столь легкомысленный Жорж Занд.
Вино искрится в жидком свете,
Оно старо и нам пример...
Любил седоволосый Гёте
Стихи Марианны Виллемер...

О память, память... Помоги мне...
Ещё стихи, ещё портрет...
Слился друг с другом в вечном гимне
Вновь повторяемый куплет...
Слились с рокошущим прибоем
С лазурью пены переплёт...
Пойдем бродить на море двое
И щуриться на яркий блеск.

(Литературно-художественное приложение к воскресному номеру
газеты "Русский край". – Владивосток.– 1 января 1922 г. – № 186.)

ВОСПОМИНАНИЕ

(сонет)

Горяч июньский день. Меж звонкими листьями
Большого купола лучится жёлтый шар.
Обедня отошла и огненный базар
На паперть ветхую доносит голосами.
Сестрица милая в слезах стремится к маме,
А та высокая, в сиянье юных чар,
Под розой зонтика спокойно на бульвар,
Колеблет кренолин с большими хрусталями.

О, полнокровный быт, жидов чесночный дух,
В зелёной улице свинья, коза, петух,
За праздничным столом дородное веселье.

Ты, душный, породил и молнии войны,
И тем ясней теперь на фоне тишины,
На черном облаке мертвящего похмелья.

(Литературно-художественное приложение к воскресному номеру
газеты "Русский край". – Владивосток.– 1 января 1922 г. – № 186.)

* * *

Клубятся медные туманы
В лучах луны.
Все соловьи от счастья пьяны
И мы пьяны.
Плющом косматым затененный
Огромен дом.
Ты на окне, а я, влюблённый,
Перед окном...

Дымятся медные аллеи,
Низка звезда.
Прости, уж серый ветер веет.
О, никогда.

Продлю навеки эту ночь я
В душе моей...

Луну, любовь, тумана клочья,
Металл аллея...
(Литературно-художественное приложение к воскресному номеру
газеты "Русский край". – Владивосток.– 14 января 1922 г. – № 198.)

УГЛИЧ

(сонет)

Набата стон надрывный, быстрый, тощий
По полудне зовет к себе народ.
Старуха нищая повойник с рёвом рвёт,
Сверкая пятками, народ валит на площадь.
    В рубахе пузырем, уж вершний гонит лошадь
    За немцем лекарем. Вот грех! Проклятый год!
    Юродивый звенит веригами, поёт...
    От Мити-княжича наверно будут мощи.
У терема толпа. Кровь хлещет!.. Годуновы!
–Вон ожерелье-то!.. – Проклятые обновы!..
–Бегите за попом! – Не обломи крыльцо!
    Вой мамок, девушек. Царица их не слышит.
    Вся подалась вперёд, глядит, как сын не дышит.
    Как с шейки в сторону отквачено лицо.
(Русский край:газета. – Владивосток.– 16 апреля 1922 г. – № 286.)

В БЕГСТВЕ

(сонет)

П. А. Рогальскому

Мы с вами говорим, мой милый дипломат
В поношенном пальто, где мех протерт до кожи,—
О днях промчавшихся, что вовсе не похожи
На те, которые нас столь собой томят...
    На море пала ночь. Две лампочки горят
    Над нашей головой. Небриты вы, о Боже!
    Поджаты губы сумрачно и строже
    На гребни волн ваш устремленный взгляд...
Былой Испании пред нами вновь картины,
Мантилии сеньор, тореро, апельсины,
Багровое вино, сырых трактиров мрак...
    Не видно ничего, сгустилось небо мрачно, —
    Но только вдалеке над жизнью неудачной
    Подмигивает нам язвительный маяк...

СУМЕРКИ

Из голубого в палевый
Спустился цвет небес.
Опаловый, эмалевый

На нем горы отвес.
Изогнутое дерево
Прорисовала кисть.
Лазорево и хмелево
В полях дымки свились.
И близко над оврагами
Из глины битый дом
Уж светится бумагою
Заклеенным окном.

ХАРЧЕВКА

В фарфоровом тазу при входе стынет кровь;
Кругом лежит рубиновое мясо.
Впервые с дней войны в Китае слышу вновь
Знакомый сладкий и дурманый запах.
Огонь под очагом танцует и гудит,
Кот изгибается в маланхоличной лени,
И томный китаез задумчиво вертит
Над круглой кадкой круглые пельмени.
Два желтых мужика едят из чашек рис,
День – в рваное окно – победоносно светел,
А у дверей качает вверх и вниз
Бумажные цветы декабрьский теплый ветер.

Харбин, 1929

(Врата. – Шанхай. – 1934. – Книга 1. – С. 10–11.)

Приложение 2

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

Арсений Несмелов (настоящая фамилия Митропольский Арсений Иванович; 8(20). 06.1889, Москва – 06.12. 1945, Гродековская пересылка близ Владивостока). Учился в кадетском корпусе. Печататься начал в 23-летнем возрасте. Первая публикация прошла в «Ниве» под фамилией Митропольский. Первая книга – «Военные странички: стихи и рассказы» (М., 1915). Участник Первой мировой войны. В годы гражданской войны отступал с армией Колчака через Сибирь. В Омске в 1919 году печатался под своей фамилией, во Владивостоке взял себе псевдоним в память о друге, убитом в бою под Тюменью. В 1921 году во Владивостоке вышла его книга «Стихи», написанная под влиянием футуристов. В том же году опубликована поэма «Тихвин», в 1924 году – сборник «Уступы». В 1924 году, перейдя советско-китайскую границу, поселился в Харбине, где печатался в периодических изданиях, в том числе под другими псевдонимами (Анастигмат, Тетя Розга, Н. Рахманов, Мпольский, Н. Арсеньев, Арсений Бибииков – последний псевдоним взят по фамилии матери). Под псевдонимом Николай Дозоров выпустил ультрапатриотические книги «Только такие!» и

«Георгий Семена» (1936). Его творчество вызывало интерес эмигрантских читателей в Европе и Америке. Он печатался в «Современных записках», «Русских записках», «Вольной Сибири» (Прага), в «Воле России», в чикагском журнале «Москва», в антологии «Якорь», в сан-францисском сборнике «Земля Колумба». Писал и прозу – рассказы, роман «Продавцы строк» (не найден). Основное поэтическое наследие А. Несмелова – шесть книг: «*Кровавый отблеск*» (1928-1929), «*Без России*» (1931), «*Через океан*» (1934), «*Полустанок*» (1938), «*Протопопица*» (1939), «*Белая флотилия*» (1942). В августе 1945 г. Несмелов был арестован смершевцами и отправлен в СССР. Умер в пересыльной тюрьме.

СТИХИ О ХАРБИНЕ

1

Под асфальт, сухой и гладкий,
Наледь наших лет, -
Изыскательской палатки
Канул давний след...
Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи, -
Русский рок таков.
Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
Здесь построим русский город,
Назовем – Харбин.
Без тропы и без дороги
Шел, работе рад.
Ковылял за ним трехногий
Нивелир-снаряд.
Перед днем Российской встряски,
Через двести лет,
Не Петровской ли закваски
Запоздалый след?
Не державное ли слово
Сквозь века: ПРИКАЗ.
Новый город зачат снова,
Но в последний раз.

2

Как чума, тревога бродит, -
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин.
Взрывы дальние, глухие,

Алый взлет огня, -
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!
Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!
Скоро ль кануть иль не скоро,
Сумрак наш рассей...
Про запас Ты, видно, город
Выстроила сей.
Сколько ждать десятилетий,
ЧТО, КОМУ беречь?
Позабудут скоро дети
Отческую речь.

3

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек, -
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.
Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забежит турист.
Он возьмет с собой словарик
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!

ПЕРЕХОДЯ ГРАНИЦУ

Пусть дней немало вместе пройдено,
Но вот – не нужен я и чужд,
Ведь вы же женщина – о, Родина!-
И следовательно, к чему ж.
Все то, что сердцем в злобе брошено,
Что высказано сгоряча:
Мы расстаемся *по-хорошему*,
Чтоб никогда не докучать
Друг другу больше. Все, что нажито,
Оставлю вам, долги простив,-

Вам эти пастбища и пажити,
А мне просторы и пути.
    Да ваш язык. Не знаю лучшего
    Для сквернословий и молитв,
    Он, изумительный, – от Тютчева
    До Маяковского велик.

Но комплименты здесь уместны ли,-
Лишь вежливость, лишь холодок
Усмешки,- выдержка чудесная
Вот этих выверенных строк.
    Иду. Над порослью вечернее
    Пустое небо цвета льда.
    И вот со вздохом облегчения:
    «Прощайте, знаю: навсегда!»

* * *

Свою страну, страну судьбы лихой,
Я вспоминаю лишь литературно:
Какой-то Райский и какой-то Хорь;
Саводников кладбищенские урны!
    И Вера – восхитительный «Обрыв»,-
    Бескрылая, утратившая силу.
    И может быть, ребенком полюбив,
    Еще я вспомню дьякона Ахиллу.

Конечно, список может быть длинней,
Но суть не в нем: я думаю, робея, -
В живой стране, в России этих дней,
Нет у меня родного, как в Бомбее.
    Не получить мне с Родины письма
    С простым, коротким: «Возвращайся, милый!»
    Разрублена последняя тесьма,
    Ее концы разъединили – мили.

Не удивительно ли: страна –
В песках пустыни, что легли за нами, -
Как скользкая игла обронена,
Потеряна, как драгоценный камень!
    Уже печаль и та едва живет,
    Отчалил в синь ее безмолвный облак,
    И от страны, меня отвергшей, вот –
    Один пустой литературный облик.

ПЯТЬ РУКОПОЖАТИЙ

Ты пришел ко мне проститься. Обнял.
Заглянул в глаза, сказал: «Пора!»

В наше время в возрасте подобном
Ехали кадеты в юнкера.

Но не в Константиновское, милый,
Едешь ты. Великий океан
Тысячами простирает мили
До лесов Канады, до полян

В тех лесах, до города большого,
Где – окончен университет! –
Потеряем мальчика родного
В иностранце двадцати трех лет.

Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.

Мы – не то! Куда б ни выгружала
Буря волчью костромскую рать,
Все же нас и Дурову, пожалуй,
В англичан не выдрессировать.

Пять рукопожатий за неделю,
Разлетится столько юных стай!..
...Мы умрем, а молодняк поделят
Франция, Америка, Китай.

В КИТАЕ

Узкие окна. Фонарика
Продолговатый лимон,
Выжженный в мреющем паре – как
Вызолоченное клеймо.

Думаешь: тщательно вырисуй
Загнутых кровель углы
Звезд лиловатые ирисы
Синее марево мглы.

Небо... Не медными грудями
Над перевалом веков –
Храм с девятнадцатью буддами
Медленных облаков.

ИЗ КИТАЙСКОГО АЛЬБОМА

I
Ворота. Пес. Прочавкали подковы,
И замер скрип смыкающихся створ...
Какой глухой, какой средневековый

Китайский этот постоянный двор.

За ним – поля. Кумирня, кукуруза...

А в стороне от глинобитных стен,

На тонкой жерди, точно для антенн, -

Отрубленная голова хунхуза.

II

Я проснулся в третьем часу,

Ночь была глубока, как яма.

Выли псы. И, внимая псу,

Той звериной тоске упрямой, -

Сжалось сердце. Ему невмочь,

Не под силу ни сон, ни бденье!..

И плескалась о стекла ночь

Небывалого наводнения.

III

Кожа черная с синевой.

Лоб и щеки до глянца сухи.

На открытых глазах его

Копошились желтые мухи...

Но угроза была у губ,

В их извилистой нитке серой,

И шептал любопытным труп:

«Берегитесь!.. Пришла холера».

Приложение 3

МАРИАННА КОЛОСОВА

(Урожденная Виноградова Римма, в замужестве – Покровская, псевдонимы: Марианна Колосова, Елена Инсарова, Джунгар; 13(26).05.1903, Алтай – 06. 10. 1964, Сантьяго, Чили).

Главная тема ее поэзии – ненависть к поработителям России (большевикам, японцам, фашистам). Стихи на эту тему поэтесса подписывала исключительно псевдонимом «Елена Инсарова», тем самым утверждая идейную преемственность с русской классикой (именем главной героини романа И. С. Тургенева «Накануне» Еленой Стаховой – Инсаровой).

Поистине динамитная лирика этой поэтессы была одухотворена гумилевской глубинной любовью к Родине. Ее стихотворение «Искренний ответ», посвященное близкой ей по духу поэтессе дальневосточного зарубежья Ольге Скопиченко, декларирует ее эстетическое кредо в поэзии.

Художественный мотив дороги, странствий и поисков пронизывает ее стихотворение с чисто русским названием «На тройке» и передает атмосферу духовной жизни русских эмигрантов. А художественные образы гоголевской тройки и гончаровской обломовщины переносят в мир русской классики.

ВОСКРЕСНИ, РОССИЯ!

Воскресни, гордая Россия!
Встань, рулевой, к рулю судьбы.
До нас доносится (родные!)
Могучий гул глухой борьбы...
    Скрывая боль под маской злости,
    Рискую правду говорить:
    В стране чужой я только гостья,
    И на чужбине тяжело жить.
Я знаю – рано или поздно – рванусь
Душой к себе домой.
В мой край, неласковый и грозный,
Но неотрывный и родной.
    Нам слышен грохот ледохода,
    Идет весенняя шуга:
    Весна и молодость народа
    Идут на главного врага.
В бескрайних рождена просторах,
Где ныне черные кресты
Национального позора,
Национальной нищеты.
    Иду я с верою спокойной
    В правдивость дела моего...
    Победы только те достойны,
    Кто е боится ничего.
Воскресни, гордая Россия!
На страх врагам, на радость нам.
Христос Воскрес, борцы родные.
Вам – душу, песню, жизнь отдам.

(Рубеж. – Харбин. – 1935. – № 18)

ИСКРЕННИЙ ОТВЕТ

Ольге Скопиченко

Если хочешь правды, а не жалобы, -
Расскажу про жизнь мою тебе:
Без любви и веры я не стала бы
Молодость растрачивать в борьбе.
    Правда, я не каждый день обедала,
    Знаю цену хлебу и дровам...
    Но напиток тот, что я отведала,
    И за миллионы не продам!
Творческая мысль – напиток пламенный,
Обжигает сердце и пьянит.
Не хочу холодной быть и каменной
Под огнем измены и обид!

Впереди еще дорога дальняя,
Ни врагов, ни горя не боюсь.
Цель моя – моя Национальная
Заново построенная Русь!

(Колосова М. Книга Вторая. – Харбин, 1930. – С. 76.)

НА ТРОЙКЕ

Сосны, те, наверно, поредели, -
На дрова повырубали их.
Бором тем на масленой неделе
Мчались мы на тройке вороных!
    Это было в старом Барнауле, -
    Правду всю скажу, не утаю,
    Там, где метко пущенная пуля
    Догоняла молодость мою.
Серебром украшенная сбруя,
Расписная золотом дуга...
Там у жизни милый час воруя,
Мчались мы сквозь легкие снега.
    Сосны те, наверно, поредели.
    Многих нет из нас теперь в живых,
    Что тогда на масленой неделе
    Пронеслись на тройке вороных.
Чью-то душу ранили глубоко.
Навсегда. Бессмысленно и зло...
Под сосной высокой, одинокой
Чье-то счастье снегом замело.
    Молодой и храбрый, не твое ли
    Счастье под сугробом снеговым?
    Не шатайся, не клонись от боли, -
    Не легко в России молодым!
Тяжело в России молодому
С непокорной русскою душой!
Никогда не жалуйся чужому,
Что на свете жить не хорошо...
    Мчат по снегу кони вороные!
    Та дорога сердцу дорога...
    Крепости мелькают ледяные,
    Да летят сыпучие снега.
Поворот. Знакомая дорожка.
Городок, похожий на село...
Сколько снегу под твое окошко
Барнаульской вьюгой намело!
    Ты в дохе, накинутой на плечи,
    С побледневшим радостным лицом,

Синеглазой девушке навстречу
Выходил поспешно на крыльцо.

.....

Женщина кому-то говорила:
«Я сама не знаю, почему
Та неделя солнцем озарила
Многих лет безвыходную тьму...»
    Это – после... А тогда летела
    Молодость на тройке вороных!
    Песня пела, без вина пьянела
    От старинных песен удалых!

(Рубеж. – Харбин. – 1935. – № 11.)

Приложение 4

ЛЕОНИД ЕВСЕЕВИЧ ЕЩИН

(1897, Нижний Новгород – 14.06.1930, Харбин). Годы студенчества в Московском университете были прерваны революцией и гражданской войной. Участвовал в Каппелевском походе. В начале 1920-х годов эмигрировал из Владивостока, где в 1921 году выпустил свой первый сборник стихотворений «Стихи таежного похода», написанный во время отступления на восток. В Харбине жил трудно и бедно. Харбинский поэт Николай Петерец посвятил своему другу стихотворение «*Памяти поэта*», которое было опубликовано в «Рубеже» 21 июня 1930 года. Позже Николай Петерец так писал о своем друге: «Ещин не стал крупным поэтом, но из всей дальневосточной плеяды он имел наибольшие внутренние данные, чтобы стать им... Жизнь оказалась сильнее и его незаурядного характера и глубокого дарования» («Прожектор». – Харбин. – 29 июля 1933 года). Другой поэт русского зарубежья Дальнего Востока Арсений Несмелов в своем некрологе «*Памяти Ещина*», опубликованном в шанхайском журнале «Понедельник» (сентябрь, 1930) написал: «Леонид был религиозен, он умел молиться, умел чувствовать Бога. Он был нежен и кроток. Смерть избавила его от невыносимо-тяжелой жизни». В первую годовщину смерти поэта в журнале «Рубеж» от 13 июля 1931 года появилось стихотворение А. Несмелова «*Леонид Ещин*».

НИКОЛАЙ ПЕТЕРЕЦ

ПАМЯТИ ПОЭТА

Прощай, поэт тех страшных лет,
Когда вся жизнь была как бред...
И, встав на лед, по массе рот
Чеканил ямбы пулемет.
    Прощай же, друг! Замкнулся круг,

Узнал ты смерть, но не испуг:
Кто жизнь прошел и сир и гол,
Тому – Всевышнего Престол.
Ты там, в раю... мечту свою
Впервые встретишь наяву.
С тобою – Бог! И горечь строк –
Тебе могильный мой венок.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

ЛЕОНИД ЕЩИН

(К годовщине смерти поэта)

Ленька Ещин... Лишь под стихами
Громогласное – Леонид,
Под газетными пустяками,
От которых душа болит.
    Да еще на кресте надгробном,
    Да еще в тех строках кривых
    На письме, от родной, должно быть,
    Не заставшей тебя в живых.
Был ты голым и был ты нищим,
Никогда не берег себя,
И о самое жизни днище
Колотила тебя судьба.
    «Тында-рында!» – не трын-трава ли
    Сердца, ведающего что, вот,
    Отгуляли, отгоревали,
    Отшумел Ледяной поход?
Позабыли Татарск и Ачинск, -
Городишки одной межи,-
Как от взятия и до сдачи
Проползала сквозь сутки жизнь.
    Их домишкам – играть в молчанку.
    Не расскажут уже они,
    Как скакал генерала Молчанова
    Мимо них адъютант Леонид.
Как был шумен постой квартирный,
Как шутили, смеялись как,
Если сводку оперативную
Получал командарм в стихах.
    «Ай да Леня!» – И вот, по глыбе
    Безнадежности пробежит
    Легкой трещиною – улыбка,
    И раскалывает гранит.

Так лучами цветок обрызган,
Так туман шевелит луна...
- Тында-рында! – И карта риска
В диспозиции вновь сдана.
    Докатились. Верней – докапали,
    Единицами: рота, взвод...
    И разбилась фаланга Каппеля
    О бетон крепостных высот.
Нет, не так. В тыловые топи
Увязили такую сталь.
Проиграли, продали, пропили...
У винтовок молчат уста!
    День осенний – такую хмару –
    Вспоминаю: в порту пустом,
    Где последний японский «Мару»,
    Леонид с вещевым мешком,
Оглянул голубые горы
Взором влажным, как водоем:
- «Тында-рында! И этот город –
У д и в и т е л ь н ы й – отдаем!»
    Спи спокойно, кротчайший Ленька!
    Чья-то очередь за тобой?..
    Пусть же снится тебе «макленка»,
    Утро, цепи и легкий бой.

ЛЕОНИД ЕЩИН

СТИХИ ТАЕЖНОГО ПОХОДА

1

Скрипя ползли обозы-черви,
Одеты грязно и пестро,
Мы шли тогда из дебрей в дебри
И руки грели у костров.
    Тела людей и коней павших
    Нам окаймляли путь в горах.
    Мы шли, дорог не разузнавши,
    И стыли ноги в стремях.
Тянулись дни бесцельной пыткой
Для тех, кто мог сидеть в седле,
А путь по трупам незарытым
Хлестал по нервам, словно плеть.
    Глазам в бреду бессонной муки
    Упорно виделись в лесу

Между ветвями чьи-то руки,
В крови прибитые к кресту.

Январь 1920 года.

5
ЗАРЕВО

Как язвой, заревом запад застлан,
А небо стало угрюмо-сизым;
Занозой месяц заткнулся снизу
Напротив места, где солнце гасло.
    Пейзаж проникнут угарным дымом,
    Горят деревни, с морозом споря;
    Ведь край суровый, залитый горем,
    Забыт стал ныне Отцом и Сыном.
Согреть мороза пожар не может;
Зима, как раньше, люта и грозна,
Замерзнет много из нас бесслезно
В тайге сегодня, в окопе лежа.
    От стужи ежась в пади у прясла,
    Смотрю, как заревом запад застлан.

7
ВРОДЕ ТАНКИ

Что нам до статуй и их изгибов,
До роз и тюльпанов на празднике мая:
В спирте с водою прополоскать мозги бы,
Когда их больно тоска сжимает!

Январь 1920 года.

* * *

Спасение от смерти – лишь случайность
Для тех, кто населяет землю.
Словам «геройство» и «необычайность» -
Я с удивлением и с тихой грустью внемлю;
    Слова теряют в жизни основанье
    Для тех, кто заглянул в миры, где только мысли,
    А будущее местопребыванье
    Не мерю и не числю.
Поэтому писать стихи словами
Мне с каждым днем все кажется нелепей:
Ведь я иду от вас, хотя и с вами,
К просторам неземных великолепий.

ОСЕНЬ БЕЗ СКОРБИ

Синяя осень. Осень без скорби.
Осень из хвойных, тяжелых тонов.
Взором бесскорбным на хвое узор нить –
Нам, хладнокровным, лишь это дано.
    Осень бесскорбная... Синяя осень!
    Небо спокойное нам не тесно,
    Скорби у Господа разве попросим
    Мерзлой душой, не увидевшей снов?
Просьба о скорби без просьбы о радости?
Нет, мы для этого слишком честны,
Если мы сгинем, то сгинем без страсти.
Осени нет тем, кто был без весны...

Октябрь 1920 года

ЛИТЕРАТУРА

Литературоведение и критика

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья / В. В. Агеносов. – М., 1998.
2. Алексеева Л. Ф. Время, безвременье и вечность в поэзии Русского зарубежья 20-х годов / Л. Ф. Алексеева // Очерки литературы русского зарубежья. – М., 1997. – С. 45 – 57.
3. Алексеева Л. Ф. Неизвестные страницы творчества поэта Сергея Яковлевича Алымова / Л. Ф. Алексеева (по материалам РГАЛИ // Литература на рубеже тысячелетий: сб. научн. статей. – Орехово-Зуево, 2001. – С. 113 – 125.
4. Бузуев О. А. Очерки по истории литературы русского зарубежья Дальнего Востока (1917 – 1945) / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре, 2000.
5. Бузуев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Проблематика и художественное своеобразие (1917–1945 гг.) / О. А. Бузуев // Автореф. дис. ...д. ф. н. – М., 2001.
6. Бузуев О. А. Творчество Валерия Перелешина / О. А. Бузуев. – Комсомольск-на-Амуре, 2003.
7. «Вернуться в Россию стихами...»/ 200 поэтов эмиграции: антология (Биографические сведения, с. 597 – 671). – М., 1995.
8. Витковский Е. На сопках Манчжурии / Е. Витковский // Несмелов А. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. – М., 1990. – С. 3–22.
9. Волин М. Русские поэты в Китае / М. Волин // Континент. 1982, № 34. – С. 337–357.
10. Вс. Н. Иванов и культура России (К 105-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова): материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск: ХГПИ. – 1993. – 17-19 ноября.
11. Вс. Н. Иванов и культура России (К 115-летию со дня рождения Вс.Н. Иванова): сборник научных трудов участников Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск: ХГПУ, 2004.
12. Годы. Люди. Судьбы. История русской эмиграции в Китае: материалы международной конференции, посвященной 100-летию г. Харбина и КВЖД. – М., 1998. – 19–21 мая.
13. Исмаилов Х. “Изъятая” литература как феномен литературного процесса / Х. Исмаилов // Вопросы литературы. – 1991. – № 1. – С. 77–100.
14. Карпухин О. Русский исход в Китае / О. Карпухин // Простор. – 1991. – № 11.

15. Ким Рехо. Николай Байков. Судьба и книги (из литературного наследия “русского” Харбина) / Ким Рехо // Литературное обозрение. – 1993. – № 7–8.
16. Кочубей О. И. Исход и возвращение (Русская литература в Китае в 20-40-е годы) / О. И. Кочубей, В. Ф. Печерица. – Владивосток, 1998.
17. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья / О. Н. Михайлов. – М., 1995.
18. Очерки литературы русского зарубежья. – М., 2000.
19. Перелешин В. Два полустанка / В. Перелешин // Литературная учеба.–1989.– № 6.
20. Перелешин В. Русские дальневосточные поэты / В. Перелешин // Новый журнал. – 1972.– № 107. – С. 255–262.
21. Перелешин В. Русские поэты Харбина / В. Перелешин // Современник. – 1979. – № 43–44.
22. Петров В. Литературная жизнь в Харбине и Шанхае / В. Петров // Вопросы литературы.– 1989. – № 8.
23. Петров В. Русский город в Китае / В. Петров // Молодой дальневосточник.– Хабаровск.– 1992. – № 8.
24. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае /В. Ф. Печерица – Владивосток, 1998.
25. Проблемы развития русской литературы XX века: материалы Региональной научно-практической конференции. – Хабаровск: ХГПУ, 1996.
26. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939 гг. / М. Раев. – М., 1994.
27. Резникова Н. В русском Харбине / Н. Резникова // Новый журнал – 1988. – № 172–173. – С. 385–394.
28. Романова О. Н. Лирика Арсения Несмелова: проблематика, мифопоэтика, поэтический язык / О. Н. Романова // Автореф. дис.... к. ф. н.. – Владивосток, 2002.
29. Российская эмиграция на Дальнем Востоке: сборник. – Владивосток, 2000.
30. Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: материалы первой международной научно-практической конференции. – Владивосток, 1999.
31. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А. Г. Соколов. – М., 1991.
32. Таскина Е. Литературное наследие русского Харбина / Е. Таскина // Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи. – Новосибирск, 1991. – С. 3–36.
33. Таскина Е. Поэтические волны “русского Харбина” / Е. Таскина // Записки русской академической группы в США. – Нью-Йорк. – 1994. – № 24.

34. Таскина Е. Поэты русского Харбина / Е. Таскина // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 3–4.
35. Трусова И. С. Арсений Несмелов: Поэтическая биография / И. С. Трусова // Автореф. дис. ... к. ф. н. – Владивосток, 2000.
36. Цзяо Чень. Русский литературный Харбин 1920-1930-х годов / Цзяо Чень // Автореф. дис. ... к. ф. н. – Иваново, 1994.
37. Штейн Э. Журналы русского Китая / Э. Штейн // Знамя. – 1990. – № 5.
38. Якимова С. И. Жизнь и творчество Вс.Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века: монография / С. И. Якимова. – Хабаровск: ХГПУ, 2001.
39. Якимова С. И. Из России – с Россией: Заметки о творчестве Вс. Н. Иванова периода эмиграции / С. И. Якимова // Дальний Восток. – Хабаровск. – 1992. – № 7. – С. 139 – 143.
40. Якимова С. И. О духовно-нравственном предтече Дальневосточной эмиграции / С. И. Якимова // Белая армия. Белое дело. Научно-популярный альманах. – Екатеринбург. – 1997. – № 3. – С. 126–144.
41. Якимова С. И. Прозаические жанры в творчестве Вс. Н. Иванова 20-30-х годов / С. И. Якимова // Размышления о жанре: межвузовский сборник научных трудов. – М., 1992. – С. 89–100.
42. Якимова С. И. Где веет душистость степей: Философские и эстетические основы творчества Вс. Н. Иванова (К 115-летию со дня рождения писателя) / С. И. Якимова // Дальний Восток. – Хабаровск. – 2003. – № 5.
43. Якимова С. И. По путям всего света: Традиции русской классики в поэзии дальневосточной эмиграции / С. И. Якимова. – Дальний Восток. – Хабаровск. – 2004. – № 2.
44. Якимова С. И. Харбин как феномен межкультурной коммуникации XX века/ С.И. Якимова// Человек и общество в философском освещении: Сб. научн. тр. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2007. – С. 43 – 50.
45. Якимова С.И. Поэтические диалоги в творчестве писателей русского зарубежья Дальнего Востока/ С.И. Якимова// Записки Гродековского музея. Литература и проблемы современного русского языка. Вып. 17. - Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2007. – С. 63 – 69.

Документально-художественная и художественная литература о русском зарубежье Дальнего Востока

1. Абросимов В. Под чужим небом: Повесть / В. Абросимов. – М., 1991.
2. Вернуться в Россию – стихами... (200 поэтов эмиграции): антология. – М., 1995.

3. Вертинский А. «Дорогой длиною...» / А. Вертинский.- М., 1991.
4. Всеволод Иванов, известный писатель, незнакомый поэт: Стихи / Подг. к публ. С. И. Якимовой. – Дальний Восток. – Хабаровск. –2004. – № 4.
5. Дело не получило благословения бога: сборник материалов. – Хабаровск, 1992.
6. Иванов Вс. Н. Главы из воспоминаний “Урал – Харбин – Владивосток (1919 – 1922)”. Беженская поэма. (Иванов Вс. Н. Императрица Фике. Дочь маршала / Вс. Н. Иванов. – М., 1992. – С. 384 – 540.
7. Иванов Вс. Н. Дочь маршала: повесть / Вс. Н. Иванов – Хабаровск, 1973.
8. Иванов Вс. Н. Из неопубликованного: сборник. (Рерих – художник-мыслитель. Сказание об Антонии Римлянце. Воспоминания, рассказы и поэма) / Вс. Н. Иванов. – Л., 1991.
9. Иванов Вс. Н. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Рерих–Художник-мыслитель / Вс. Н. Иванов – М., 1991.
10. Иванов Вс. Н. Стихотворения. Николай Гумилев: статья / Вс. Н. Иванов // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – С. 140 – 144.
11. Ильина Н. Дороги и судьбы: роман / Н. Ильина. – М., 1988.
12. Несмелов А. Без Москвы, без России. Стихотворения. Поэмы. Рассказы / А. Несмелов. – М., 1990.
13. Русская поэзия Китая: антология / Сост.: В. П. Крейд, О. М. Бакич. – М., 2001. – 720 с.
14. Федорова Н. Семья: роман / Н. Федорова // Роман-газета. – 1992. – № 10.
15. Хаиндрова Леван. Отчий дом: роман / Хаиндрова Леван – М., 1985.

Учебное издание

Якимова Светлана Ивановна

**Литература русского
зарубежья Дальнего Востока**

Учебное пособие

Отпечатано с авторского оригинала
Дизайнер обложки

Подписано в печать. Формат 60x84 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать цифровая. Усл. печ. л. 6,51.
Тираж 130 экз. Заказ .

Издательство Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

Отдел оперативной полиграфии издательства
Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.